

DOI:10.52340/lap

ISSN 1987-5533
e-ISSN 2958-2148

LAW AND POLITOLOGY

INTERNATIONAL SCIENTIFIC JOURNAL

Право и политология

Международный научный журнал

**№ 38
2024**

2024

ISSN 1987 – 5533

e-ISSN 2958-2148

DOI: 10.52340/lap

**International scientific journal
LAW AND POLITOLOGY**

**Международный научный журнал
ПРАВО И ПОЛИТОЛОГИЯ**

№ 38

Supreme Council on Science and Technological Development of the Academy of Sciences of Moldova and the National Council for Accreditation and Attestation of Moldova, recognized “Law and Politology” as a journal in law, political science, making part of „B” scientific journal (Decision no. 151 of 21 July 2014).

The journal “Law and Politology” is the periodical-scientific edition of the following academic partners:

INSTITUTE OF LEGAL AND POLITICAL RESEARCH OF ACADEMY OF SCIENCES OF MOLDOVA

GELATI ACADEMY OF SCIENCES (GEORGIA)

HIGHER SCHOOL OF SECURITY AND ECONOMICS (BULGARIA)

AZIZ AZERBAIJAN-ISRAEL INTERNATIONAL ASSOCIATION (ISRAEL)

COORDINATIVE-SCIENTIFIC COUNCIL

Mariam Tsatsanashvili - doctor of Legal Sciences, Professor - co-chairman of CSC (**Georgia**)

Ion Guceac - doctor of Legal Sciences, Professor - co-chairman of CSC (**Republic of Moldova**)

Kamal Makili-Aliyev - doctor of Legal Sciences, Ass. Professor - co-chairman of CSC (**Sweden**)

Georgi Manolov - doctor of Political Sciences, Professor (**Bulgaria**)

Zurab Khonelidze - doctor of History, Professor (**Georgia**)

Hijran Huseynova - doctor of Political Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)

Ayten Mustafazade - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)

Anzor Totadze - doctor of Economics Sciences, Professor (**Georgia**)

Tariel Sikharulidze - PhD, doctor of Philology, Ass. Professor in International Relations (**Georgia**)

Lew Spivak - Professor (**Israel**)

Irina Galayeva - LL.M, Master of International Law (**University of Lund, Sweden**) - academic secretary

EDITORIAL BOARD

Namig Aliyev - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**) – **Editor in-Chief**

Tamara Kiknadze - doctor of Political Sciences, Professor (**Georgia**)

Andrei Smochina - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Moldova**)

Lala Ahmadova - doctor of Philological Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)

Tatyana Poloskova - doctor of Political Sciences (**Russia**)

Kamil Salimov - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)

Guram Markhulia - PhD, doctor of History, ass. Professor (**Georgia**)

Emin Hajinski – PhD, doctor of History (**Republic of Azerbaijan**)

Eliko Tsiklauri-Lamich - doctor of Legal Sciences, Professor (**Germany**)

Teodor Detchev – PhD, doctor of Sociology, Ass. Professor (**Bulgaria**)

Leszek Sykulski – PhD, doctor of Political Sciences (**Poland**)

Ruslan Shevchenko - PhD, doctor of History (**Republic of Moldova**)

Kairat Osmonaliev – doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Kyrgyzstan**)

Yury Bocharov – PhD in Political Sciences (**Israel**)

Tamerlan Hajiyev – master of International Law (**Republic of Azerbaijan**) - **executive editor**

Aynur Karimova – master of International Law (**Republic of Azerbaijan**) - **technical editor**

The journal is being issued since 2007

Publisher: AZIZ AZERBAIJAN-ISRAEL INTERNATIONAL ASSOCIATION (ISRAEL)

Address: Hess 3/7, Rishon leTzion, 7521861, Israel

Website: www.law-politology.az

E-mail: editor@law-politology.az

The magazine is registered since
16th of August in 2007.
Reg. № 2320

The authors' opinion does not necessarily coincide with position of editors

Решением Высшего Совета по науке и технологическому развитию Академии наук Молдовы и Национального Совета по аккредитации и аттестации журнал «Право и политология» признан как издание в области права и политологии, относящееся к научным журналам категории «Б» (решение № 151 от 21 июля 2014 года).

**Журнал «Право и политология» является международным
изданием научных партнеров**

**ИНСТИТУТ ЮРИДИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
АКАДЕМИИ НАУК МОЛДОВЫ**

ГЕЛАТСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК (ГРУЗИЯ)

ВЫСШАЯ ШКОЛА ПО БЕЗОПАСНОСТИ И ЭКОНОМИКИ (БОЛГАРИЯ)

МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ ИЗРАИЛЬ-АЗЕРБАЙДЖАН (ИЗРАИЛЬ)

НАУЧНО-КООРДИНАЦИОННЫЙ СОВЕТ

Мариам Цацанашвили - доктор юридических наук, профессор - сопредседатель НКС (Грузия)

Ион Гучак - доктор юридических наук, профессор - сопредседатель НКС (Республика Молдова)

Камал Макили-Алиев - доктор юридических наук, доцент - сопредседатель НКС (Швеция)

Георгий Манолов – доктор политических наук, профессор (Болгария)

Зураб Хонелидзе – доктор исторических наук, профессор (Грузия)

Хиджран Гусейнова - доктор политических наук, профессор (Азербайджанская Республика)

Айтен Мустафазаде - доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)

Анзор Тотадзе - доктор экономических наук, профессор (Грузия)

Тариел Сихарулидзе - доктор филологии, ассоциированный профессор по международным отношениям (Грузия)

Лев Спивак - профессор (Израиль)

Ирина Галаева - магистр международного права Лундского (Швеция) университета - ученый секретарь

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Намик Алиев - доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика) - Главный редактор

Тамара Кикнадзе - доктор политических наук, профессор (Грузия)

Андрей Смокинэ - доктор юридических наук, профессор (Республика Молдова)

Лала Ахмедова - доктор филологических наук, профессор (Азербайджанская Республика)

Татьяна Полоскова – доктор политических наук (Российская Федерация)

Камиль Салимов - доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)

Гурам Мархулия - доктор истории, ассоциированный профессор (Грузия)

Эмин Гаджинский - доктор истории, доцент (Азербайджанская Республика)

Элико Циклаури-Ламих - доктор права (Германия)

Теодор Дечев – доктор социологии, доцент (Болгария)

Лешек Сыкульски - кандидат политических наук, доцент (Польша)

Руслан Шевченко - доктор истории (Республика Молдова)

Кайрат Осмоналиев – доктор юридических наук, профессор (Кыргызская Республика)

Юрий Бочаров – кандидат политических наук (Израиль)

Тимерлан Гаджиев – магистр международного права (Азербайджанская Республика) - ответственный редактор

Айнур Керимова – магистр международного права (Азербайджанская Республика) - технический редактор

Журнал выходит с 2007 года

Publisher: AZIZ AZERBAIJAN-ISRAEL INTERNATIONAL ASSOCIATION (ISRAEL)

Address: Hess 3/7, Rishon leTzion, 7521861, Israel

Веб-сайт: www.law-politology.az

E-mail: editor@law-politology.az

Журнал зарегистрирован 16 августа 2007 г.
Регистрация № 2320

Мнение авторов не всегда совпадает с мнением редакции

CONTENT

LEGAL SCIENCES

Kamal MAKILI-ALIYEV

DOCTRINAL WORKS RELATED TO THE SCIENTIFIC STUDY OF INTERNATIONAL HUMAN RIGHTS LAW	6
---	---

Kanybek BOTOBAEV

NATIONAL-STATE DEMARCTION IN CENTRAL ASIA IN THE 20S OF THE TWENTIETH CENTURY	19
---	----

Hasan ALIYEV

THE INFLUENCE OF INTERNATIONAL LEGAL NORMS AND JUDICIAL DECISIONS ON ISSUES RELATED TO TERRITORIAL CONFLICTS ON THE PROVISIONS OF CONSTITUTIONAL LAW	27
--	----

Alina AMIRLİ

CYBERCRIME AND LEGAL REGULATION: PERSONAL DATA PROTECTION AND CYBER SECURITY IN THE DIGITAL AGE	32
---	----

Ayan ALIYEVA

INTERNATIONAL EXPERIENCE IN THE FORMATION OF THE LOCAL GOVERNMENT STRUCTURE	37
---	----

Elshad HASANOV

LEGAL AND CONSTITUTIONAL BASIS OF THE MILLI MAJLIS OF THE REPUBLIC OF AZERBAIJAN ...	43
--	----

POLITICAL SCIENCES

Davit TCHOTCHUA

HUMANITARIAN INTERVENTION AND THE USE OF FORCE ON HUMANITARIAN GROUNDS	53
--	----

Theodor D. DECHEV

PEACE IN THE SOUTH CAUCASUS AND THE INTERVENTION OF NON-REGIONAL PLAYERS	57
--	----

Shapi YAGIZAROV

INFORMATION POLICY OF AZERBAIJAN	67
--	----

Huseyn SULTANLI

THE FORTHCOMING SPELL IN IRAN-US RELATIONS: BETWEEN FURTHER HOSTILITY AND CAUTIOUS RESTRAINT	74
--	----

Parvin ALAKBAROVA

AGGRAVATION OF THE INTERNATIONAL RELATIONS ON THE CONTEXT OF EXPANSION OF THE NORTH ATLANTIC TRADE ORGANIZATION (FROM THE BEGINNING OF 2022 TO NOWADAYS)	79
--	----

Ayshan BEHBUDOVA

THINK TANKS AND THEIR ROLE IN SOLVING PROBLEMS IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS	82
---	----

Khan HASANLI

THE ECOLOGICAL SITUATION IN THE LIBERATED TERRITORIES OF AZERBAIJAN WITHIN THE FRAMEWORK OF GLOBAL CLIMATE SECURITY	89
---	----

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Камал МАКИЛИ-АЛИЕВ

ДОКТРИНАЛЬНЫЕ РАБОТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К НАУЧНОМУ ИССЛЕДОВАНИЮ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА	6
--	---

Каныбек БОТОБАЕВ

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ РАЗМЕЖЕВАНИЕ В СРЕДНЕЙ АЗИИ В 20-Е ГОДЫ XX ВЕКА	19
---	----

Гасан АЛИЕВ

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ НОРМ И СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ ПО ВОПРОСАМ, СВЯЗАННЫМ С ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМИ КОНФЛИКТАМИ, НА ПОЛОЖЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА	27
--	----

Алина АМИРЛИ

КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ: ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ И КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ	32
---	----

Аян АЛИЕВА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ СТРУКТУРЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ	37
---	----

Эльшад ГАСАНОВ

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МИЛЛИ МЕДЖЛИСА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ С НЕКОТОРЫМИ ДРУГИМИ ОРГАНАМИ ВЛАСТИ	43
---	----

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Дэвид ЧОЧУА

ГУМАНИТАРНАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ И ПРИМЕНЕНИЕ СИЛЫ ПО ГУМАНИТАРНЫМ СООБРАЖЕНИЯМ	53
---	----

Теодор Д. ДЕЧЕВ

МИР НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ И ВМЕШАТЕЛЬСТВО ВНЕРЕГИОНАЛЬНЫХ ИГРОКОВ	57
--	----

Шапи ЯГИЗАРОВ

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА АЗЕРБАЙДЖАНА	67
--	----

Гусейн СУЛТАНЛЫ

ПРЕДСТОЯЩЕЕ ОБОСТРЕНИЕ ИРАНО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ: МЕЖДУ ДАЛЬНЕЙШЕЙ ВРАЖДЕБНОСТЬЮ И ОСТОРОЖНОЙ СДЕРЖАННОСТЬЮ	74
--	----

Парвин АЛАКБАРОВА

ОБОСТРЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ РАСШИРЕНИЯ СЕВЕРОАТЛАНТИЧЕСКОЙ ТОРГОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ (С НАЧАЛА 2022 ГОДА ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ)	79
--	----

Айшан БЕХБУДОВА

МОЗГОВЫЕ ЦЕНТРЫ И ИХ РОЛЬ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ	82
---	----

Хан ГАСАНЛИ

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА ОСВОБОЖДЕННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ АЗЕРБАЙДЖАНА В РАМКАХ ГЛОБАЛЬНОЙ КЛИМАТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	89
---	----

Камал МАКИЛИ-АЛИЕВ (Швеция),
доктор юридических наук, ассоциированный профессор
Гетеборгского университета
DOI: 10.52340/lap.2024.01

ДОКТРИНАЛЬНЫЕ РАБОТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К НАУЧНОМУ ИССЛЕДОВАНИЮ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Международное право прав человека в качестве комплексной отрасли международного права является все еще слабоизученным аспектом современной доктрины международного права.

В российской доктрине, по мнению А.Х. Сайдова, международное право прав человека понимается как международное право в области прав человека, т.е. совокупность принципов и норм, регулирующих международную защиту прав и основных свобод индивидов и представляющих собой международные стандарты в области прав человека для национального права. Он полагает, что международное право в области прав человека является отраслью международного публичного права. Его основу составляют договоры системы ООН, а также региональных организаций (основные – в системах Совета Европы, Африканского Союза и Организации Американских Государств). Он также отмечает, что международное право в области прав человека тесно связано с такими отраслями международного права, как право беженцев и международное гуманитарное право [1, с.10].

И.И. Лукашук в последней редакции своего учебника «Международное право» отмечает, что международное право прав человека является отраслью международного права, принципы и нормы которой регулируют сотрудничество государств в обеспечении прав человека [2, с.6].

Он считает данную отрасль новой, получившей развитие после принятия Устава ООН. Несмотря на свою короткую историю, эта отрасль, по мнению автора, заняла центральное положение в системе международного права. Не отступая от своего межгосударственного характера, международное право все более ориентируется на человека. И.И. Лукашук подчеркивает, что в этом нет противоречия, скорее можно говорить о закономерной связи. Уважение прав человека, демократия – важная гарантия мира. В

международных актах подчеркивается, что уважение этих прав является основой всеобщего мира.

Именитый ученый полагает, что международное право призвано стать гомоцентричным, т.е. ориентированным на человека. Оно придало статус императивных норм принципам и нормам о правах человека. И исходит из того, что эти принципы и нормы должны обладать соответствующим статусом и в правовой системе государства. Государство не имеет права, «совершать какие бы то ни было действия, направленные на уничтожение или неправомерное ограничение любых международно-признанных прав и свобод» [3, с.108, п.1 ст.5].

Автор отмечает, что названные положения отражены и в Конституции Российской Федерации, которая придала особую юридическую силу общепризнанным принципам и нормам международного права о правах человека. Перечисление в Конституции РФ «основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина». Не должны «издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина» [4, ч.1 ст.17; ч.1 ст.55, ч.2 ст.55]. Однако международное право указывает не только на права, но и на обязанности человека в отношении своего государства. Недопустимо злоупотребление правами человека в ущерб правам государства. Всеобщая декларация прав человека установила, что каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное развитие его личности. Между правами государства и человека могут возникнуть противоречия. Задача состоит в том, чтобы гармонизировать их осуществление. Важная роль в этом принадлежит международному праву. Права государства и права человека должны осуществляться в соответствии с целями и принципами Устава ООН [5, ст.29].

И.И. Лукашук заключает, что налицо, таким образом, особый характер взаимодействия рассматриваемой отрасли международного права с внутренним правом государств, и, прежде всего, с конституционным правом. Общепризнанные принципы и нормы о правах человека стали общими принципами права, присущими как международному, так и внутреннему праву. Более того, и в том, и в другом случае они обладают высшей юридической силой. Ограничивающий их договор будет недействителен. Они не могут умаляться внутренними законами. Таким образом, И.И.Лукашук приходит к выводу, что международное право прав человека, воплотило высшие достижения конституционного права. Однако, с другой стороны, она оказывает растущее влияние на конституционное право, являясь важным фактором его демократизации.

С другой стороны, доктор юридических наук, Ю.В. Самович, рассматривает международное право прав человека как совокупность согласованных юридических принципов и норм, устанавливающих обязательный для государств объем прав и свобод индивида, регламентирующих систему международно-правовых гарантий соблюдения и восстановления данных прав в случае их нарушения со стороны государства, а также межгосударственное сотрудничество в области развития и укрепления уважения к правам и свободам человека [6, с.19].

Ученый отмечает, что в современном международном праве отмечается тенденция к регламентации национального механизма защиты прав и свобод индивида. Это демонстрируется большим числом документов, касающихся вопросов судебной защиты, оказания юридической помощи и т.д. Данные документы не обладают обязательной юридической силой и носят рекомендательный характер для государств, однако их принятие в рамках главных органов Организации Объединенных Наций позволяет предполагать, что они имеют вес вспомогательных средств для определения международно-правовых норм. Это подтверждается тем, что указанные акты подчеркивают то обстоятельство, что нарушение государствами содержащихся в них норм является нарушением одного из основных принципов *jus cogens* международного права, касающегося

уважения и защиты прав человека. Таким образом, основной задачей международно-правового регулирования статуса личности является не выработка какого-либо нового комплекса прав, а поиск средств для наиболее полного осуществления и защиты уже, закрепленных в существующих международных документах, касающихся основных прав и свобод человека [6, с.21].

Таким образом, автор еще раз подчеркивает взаимосвязь и влияние международного права прав человека на отрасли конституционного права на национальном уровне, через установление национальных механизмов защиты прав и свобод.

С точки зрения международных организаций, например, Офиса Верховного Комиссара ООН по правам человека, государства вправе выбирать собственные механизмы эффективного выполнения своих международно-правовых обязательств и приведения своего внутреннего законодательства в соответствие с этими обязательствами. Поскольку государственные правовые системы значительно различаются в этом отношении, хотя и обладают некоторым сходством, каждый соответствующий национальный судья, прокурор и адвокат, должны знать о том, каким образом международно-правовые обязательства его государства включены в национальное право.

Данный орган рекомендует не акцентироваться ни на теории монизма, ни на теории дуализма во взаимовлиянии международного права прав человека и конституционного права. Считается ли, международное право прав человека единой правовой системой совместимой с национальными институтами конституционного права или же нет (а значит, требуется имплементация норм), Офис рекомендует обращать внимание лишь на практику правоприменения как на международном, так и на национальном уровнях, так как полагает, что указанные теории являются архаичными и теряют популярность. Офис подчеркивает, что изменение роли международного права, в целом, и международного права прав человека, в частности, как и отношения к ним и их понимания с позиций конституционного права на внутригосударственном уровне привели к тому, что оно все чаще применяется национальными судами.

Офис отмечает тенденцию со стороны государств по принятию помощи со стороны международных и региональных организаций в области приведения своего конституционного и иного законодательства в соответствие с международно-правовыми обязательствами в области международного права прав человека [7, с.25].

Таким образом, Офис Верховного Комиссара ООН по правам человека, рассматривает влияние международного права прав человека с позиций универсального права на защиту, применяющееся в национальных судах с учетом международно-правовых норм, которые государства обязаны использовать при отправлении правосудий. Следует отметить, что данных подход популярен и в российской доктрине, хотя и присутствует также и в западной доктрине.

Федорчук Я.Ф. в диссертации кандидата юридических наук «Специальные принципы международной защиты прав человека» [8], отмечает, что одним из наиважнейших направлений развития международного сотрудничества после принятия Устава Организации Объединенных Наций была разработка и утверждение универсальных стандартов в области прав и свобод человека. Человечество, пережившее страдания Второй мировой войны, уже не могло считать задачу защиты достоинства и прав человека второстепенным делом. Прямая связь гуманитарных проблем и задачи предотвращения войн стала как никогда очевидной. И не случайно важнейшей целью ООН, согласно ее Уставу, стала решимость утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности.

На сегодня уже сложилась довольно обширная нормативная база для согласованных международных действий по обеспечению и защите основных прав и свобод человека. И хотя процесс совершенствования этой базы еще не завершен, международное сообщество вступило в период практического применения уже выработанных норм по защите прав и свобод человека в интересах общечеловеческого и национального прогресса, в интересах конкретного человека.

Главной ценностью в правовом государстве выступают надежно защищенные и последовательно осуществляемые права и свободы человека. Главной

ценностью сообщества правовых государств также должны быть интересы и права каждого человека в условиях исключения возможности возникновения вооруженных конфликтов, уважения прав и достоинства всех наций.

По мнению автора, именно поэтому особенно важно надлежащим образом исполнять международные соглашения в гуманитарной области. Однако здесь налицо возникновение серьезных проблем, имеющих объективный характер. Эти проблемы могут стать препятствием развитию межгосударственного сотрудничества по обеспечению и защите прав и свобод человека в тот момент, когда государства готовы преодолевать политические и иные барьеры [8].

Особую важность приобретает, в частности, проблема единобразного толкования и применения международных договоров по защите прав человека. Дело в том, что сегодня имеется значительное число таких документов, часто посвященных регулированию одних и тех же вопросов. Обязательства государств в соответствии с этими соглашениями, в ряде случаев, различны по объему [6]. Иногда государства проявляют стремление рассматривать свои обязательства таким образом, что, по сути, выхолащивается их главное содержание, их смысл. При этом используются ссылки на те или иные международные документы, открывающие, по мнению таких государств, путь к снижению стандартов в области прав человека.

К этому следует добавить и то, что, в силу национальных, духовных и культурных традиций, некоторые группы государств, склонны вкладывать в общепризнанные стандарты по правам человека очень разное содержание. Это обстоятельство также является серьезной потенциальной угрозой эффективности соответствующих норм.

Кроме этого, различные международные органы, учрежденные на основе международных соглашений и наделенные компетенцией контрольной деятельности в сфере защиты прав человека, дают свое толкование тем или иным международно-правовым нормам. Одним из способов развития подходов в этой связи может послужить выделение и последовательное воплощение в правоприменительной практике наиболее важных принципов международного права

прав человека, составляющих базис нормативной основы решения гуманитарных проблем.

И. Мурапу и Г. Янку в своей монографии «Drepturile, libertățile și îndatoririle constituționale», определяют право на защиту, как традиционно фундаментальное право в истории развития института прав и свобод человека, закреплённое в конституциях большинства стран мира, хотя и отмечают, что не во всех конституциях право на защиту относится к разделу, отвечающему за права и свободы. В конституциях некоторых государств Южной Европы право на защиту традиционно закрепляется в виде принципа осуществления правосудия и находится в разделе, охватывающем судебные органы [9, с. 39-44].

Характеристика права на защиту с точки зрения конституционного права популярна и в правовой доктрине Республики Молдова, К. Дима, Г. Потривицу в «Dreptul la apărare», К. Олтяну в «Principiile siguranței persoanei» и Т. Осояну, в своих публикациях фокусируются именно на данном нексусе международного права прав человека и конституционного права. В тоже время, румынский ученый В. Дабу, в своей книге «Despre dreptul și arta apărării», характеризует право на защиту не только как совокупность процедурных прав и правил, которые могут быть использованы лицом для реализации защиты против предъявленных ему обвинений, но и как способность данного лица опровергнуть предъявленные обвинения и доказать необоснованность данных обвинений [10, с.9-12].

Мнения указанных ученых подтверждаются и итальянскими учеными Б. Конфорти и Ф. Франциони, которые полагают, что международное право прав человека должно применяться в национальных судах и регламентироваться национальными отраслями конституционного права для реализации права каждого человека на защиту своих неотъемлемых универсальных прав. Более того, авторы считают, что национальные суды должны иметь возможность напрямую применять международное обычное право прав человека [11, с.4].

Более того, попытки рассматривать влияние отраслей международного права на конституционное право проводятся чаще всего на локальном уровне применительно к одному государству, а не глобально в рамках системного подхода. Например, молдавский

исследователь В. Пырлог, в своей диссертационной работе «Совместимость Европейской Конвенции по правам человека с Конституцией Республики Молдова в области свободы выражения мнения», предпринимает попытку анализа влияния европейского права прав человека на данный институт конституционного права Республики Молдова [12, с.26]. Как видно объектами исследования являются региональная система прав человека и национальны институт конституционного права одного государства.

Отмечая существенный вклад в исследовании проблематики прав человека молдавских ученых, заслуживают внимания некоторые работы.

Так, Теодор Кырнац и Мария Кырнац в работе «Protecția juridică a drepturilor omului» [13, с.8] отмечают что, будучи существенно привязана к политическим явлениям, проблематика прав человека представляет собой в первую очередь социальный аспект. По их мнению, для понимания феноменов появления и развития концепции прав человека данный процесс необходимо рассматривать через призму исторического развития человечества. А для этого в свою очередь необходимо обратиться к процессу развития философских и исторических идей характерных самому человеку [13, с.9].

В работе детально рассматривается проблематика прав человека. В целях должного понимания данного института представляющий предмет изучения в одинаковой мере, как для конституционного, так и для международного права, авторы рассматривают развитие политической и юридической концепции прав человека, теоретические аспекты института прав человека, применяемые принципы в области прав человека и т.д.

Отдельно рассматриваются категории прав и свобод, регулируемых Конституцией Республики Молдова. Представляют также интерес главы, посвященные национальным и международным юридическим механизмам соблюдения прав и свобод человека.

В целях рассмотрения широкого спектра юридических инструментов, гарантирующих права человека на национальном, региональном и универсальном уровнях были изучены основные международные региональные и универсальные источники, инструменты и системы защиты прав

человека. Преследуя указанные цели, авторы, сосредоточились также на проблематике защиты прав отдельно взятых категорий лиц – женщин, детей и т.д. В равной степени поставленная задача была достигнута путем рассмотрения механизмов защиты различных категорий меньшинств – национальных, этнических, сексуальных и т.д.

В другой работе «Drept constitutional» [14], Теодор Кырнац посвящает несколько глав проблематике прав человека – гражданство Республики Молдова; правовой статус иностранцев в Республике Молдова; основные права, свободы и обязанности; институт омбудсмена в Республике Молдова. Естественно, что проблематика прав человека проходит красной нитью по всей работе, но мы отметили несколько глав, поскольку они непосредственно относятся к исследуемой теме.

Автор указывает, что права человека являются реальностью и олицетворяют собой деятельность человечества на всем своем протяжении в рамках правового государства [14, с.268]. Целью правового государства является обеспечение прав любого лица без какой-либо дискриминации по различным критериям.

На современном этапе права человека стали объектом исследования гуманитарных наук, таких как конституционное право, философия, теория государства и права, международное право и т.д.

С концептуальной точки зрения права человека являются многопрофильным феноменом. Во-первых, права человека могут трактоваться как система идей, концепций о мире, основанные на принципе гуманности. Во-вторых, права человека представляют собой способ защиты от посягательств со стороны государства. В случаях, когда права человека массово нарушаются государством, международное сообщество прибегает к системе политического, экономического или военного давления на данное государство [14, с.271].

В рамках конституционной системы Республики Молдова, институт основных прав и свобод граждан основывается на принципах, отраженных в Конституции, либо они подразумеваются [14, с.274].

Профессор Андрей Смокинэ в работе «Istoria universală a statului și dreptului» [15] в равной мере косвенно касается проблематики прав человека. Это продиктовано тем, что восприятие концепции прав

человека невозможно вне изучения понятий государства и права. Развитие государства и права основывалось на продвижении идеи прав человека, будь то в философском, политическом, религиозном, юридическом толковании. Работа в этом смысле представляет особый интерес, особенно в контексте описания развития государства и права в таких странах как Англия, Франция, США, но в одинаковой мере и в других государствах на которые повлияли названные страны, будь то непосредственно, либо косвенно.

Професор Георге Костаке в работе «Direcții prioritare ale edificării statului de drept în Republica Moldova» [16] также косвенно касается рассматриваемой темы. Несмотря на то, что работа не посвящена непосредственно проблематике прав человека, она представляет особый интерес, в первую очередь, через призму места и роли концепции прав человека в рамках создания правового государства в Республике Молдова.

Оценивая неоспоримую роль Конституции в становлении правового государства, автор отмечает, что принимая с самого начала Основной Закон государства, Конституция, несмотря на все революции, реформы, соревнования политических сил, различные политические доктрины, особенности права в различных государствах, остается основным элементом любой национальной правовой системы [16, с.77].

Автор считает, что особая роль Конституции как Основного Закона государства начинается с самого текста представляющего основной источник политической системы, политической власти – естественная реальность любого социально-государственного устройства; юридическая основа всего законодательства, источник национальной правовой системы, прав и свобод гражданина [16, с.79]. В то же время, Конституция рассматривает основные принципы экономической, политической, социальной и юридической жизни в соответствии с основными ценностями, защищаемые государством.

Относительно прав и свобод человека и гражданина, автор отмечает особенную функцию Конституции, ориентированную на их обеспечение – функция защиты прав человека [16, с.94].

В заключение о роли Конституции в процессе становления правового государства, автор считает, что государство должно взять на себя всю полноту

ответственности по поднятию уровня политической и юридической культуры членов общества, в целях создания необходимых материальных и экономических условий для нормальной жизни, для обеспечения разностороннего развития индивидов, реализации их основных прав и свобод.

Сергей Цуркан, в статье «Reglementarea constituțională a principiului caracterului excepțional al restrângerii exercitării unor drepturi și libertăți fundamentale» [17, с.90-97] отмечает, что основные права и свободы человека на современном этапе представляют собой универсальные ценности для всего человечества, гарантированные Конституциями государств, а также международными договорами, регионального и универсального характера, указывая на их неприкосновенность и неотчуждаемость [17, с.90]. Права и свободы, предусмотренные основным законом, не могут быть пересмотрены в целях их изъятия либо каким-то образом отрицательного влияния на основные права и свободы. Однако, в определенных исключительных ситуациях, непосредственно регулируемых, некоторые права и свободы могут стать объектом ограничения. Таким образом, по мнению автора, принцип исключительного характера сокращения некоторых прав и свобод представляется основным принципом регулирующего институт прав человека, находя свое подтверждение в Конституции Республики Молдова, а также в некоторых важных международных договорах.

В другой статье, «Aspecte privind consolidarea drepturilor fundamentale ale omului în Constituțiile statelor Uniunii Europene» [18, с.234-237], Сергей Цуркан отмечает, что Европейский Союз основан на универсальных и неотчуждаемых ценностях человеческого достоинства – свобода, равенство, солидарность, демократия и правовое государство. Европейский Союз ставит личность в основу своих действий, создавая пространство свободы, безопасности и справедливости. Исходя из аксиомы, что человек создает государство, имеющий одну обязанность – обслуживать человека, сохранять и развивать общие ценности – защита основных прав и свобод личности является приоритетом для Конституций государств Европейского Союза, выделяя две общие тенденции:

поддерживается политика расширения участия граждан в процессе осуществления государственной власти;

данные Конституции обладают явным социальным оттенком, отмечая социальные и экономические права человека, а также предусматривая конституционные гарантии их соблюдения [18, с.234].

Представляет интерес статья Капитанова А.И. «Механизм ООН по защите прав человека» [19, с.164], в которой автор отмечает, что среди заслуг ООН следует отнести и принятие ряда Конвенций по правам человека, которые в совокупности с Уставом ООН являются сегодня правовой основой функционирования Организации в данной сфере [19, с.166]. Перечень включает, прежде всего, шесть Конвенций:

Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него (1948);

Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1965);

Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979);

Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984);

Конвенция о правах ребенка (1989);

Конвенция о статусе беженцев (1951) и Протокол, касающийся статуса беженцев (1971).

В рамках каждого из перечисленных источников международного права созданы комитеты независимых экспертов, которые осуществляют контроль за выполнением этих договоров, включая рекомендации государствам по их имплементации.

По мнению автора, в строго юридическом смысле, права человека нарушаются только тогда, когда действие или бездействие вменяется в вину государству, поэтому привлечение к ответственности возможно через судебные, квазисудебные или политические механизмы, предусматривающие, например, процедуры индивидуальных сообщений в рамках некоторых договоров по правам человека [19, с.167]. Отметим, что современная система различных органов, созданных в соответствии с Уставом ООН или международными договорами по правам человека, представляют собой единый механизм. Система

ООН постоянно совершенствуется. Так, Центр по правам человека, являющимся одним из главных инструментом Организации с 1982 года, был преобразован в Управление Верховного комиссара по правам человека (Женева). В 1994 году Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию о создании поста Верховного комиссара по правам человека, руководствуясь рекомендацией Всемирной конференции по правам человека проходившей в Вене в 1993 году [20].

Работа на местах и техническое сотрудничество рассматриваются в системе ООН как два высокоэффективных средства. В нескольких государствах, как например Колумбия, Бурунди, Камбоджа открыты представительства Верховного комиссара ООН по правам человека, со многими государствами согласованы программы технического сотрудничества, оказывается содействие в создании национальных правозащитных организаций. Под влиянием ООН на региональном уровне были принятые такие договоры как Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950), Американская конвенция о правах человека (1969), Африканская хартия прав человека и народов (1981), Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека (1995) [21].

Заслуживает также внимание статья Лимонниковой М.И. «Вклад Венецианской комиссии Совета Европы в совершенствование механизмов защиты прав человека в Европе» [22, с.172]. Представляет интерес анализ Венецианской комиссией влияния Хартии основных прав Европейского союза. Вместе с тем отметим, что исследование было проведено до принятия Лиссабонского договора и поэтому Хартия рассматривалась как юридически необязательной. На тот момент, Венецианская комиссия проанализировала Хартию и ее влияние в рамках Заключения «О влиянии юридически обязывающей Хартии основных прав ЕС на систему защиты прав человека в Европе» (2003 г.) [23]. По мнению многих экспертов, Заключение Венецианской комиссии является ценным руководством для юристов, поскольку оно указывает на те реальные трудности, с которыми они могут столкнуться которые в свою очередь вызваны существованием двух систем защиты прав человека на территории Европейского Союза.

В азербайджанской и грузинской доктринах прослеживается интересный подход к конституционному праву и его взаимодействию с международным правом человека.

Айтен Мустафаева в своей книге «Защита гражданского населения в период вооруженных конфликтов в международном гуманитарном праве и законодательстве Азербайджанской Республики» [24], отмечает, что большое значение для развития законодательства Азербайджана послужило включение в Конституцию государства норм, отражающих международное гуманитарное право [24, стр.6].

Автор полагает, что несомненным успехом основного закона государства – Конституции Азербайджанской Республики, стало наличие норм, которые позволяют разрешать коллизии, возникающие между международным договором и национальным законом на основании принципа *lex posterior derogate legi priori*, когда международные договора обладают преимуществом над любыми нормативно-правовыми актами, вступившими в силу до или после присоединения к данному международному договору [70, с.106].

Более того, далее в работе А. Мустафаева отмечает, что внеся соответствующие изменения в Конституцию, Азербайджанская Республика выполнила основную часть своих обязательств в соответствии с международным правом прав человека, заключавшихся во внесении в национальное законодательство основных принципов международной защиты прав человека и следования определенным стандартам [24, с.95].

Автор особо выделяет определяющую роль Конституции как проводника всеобще принятых норм и принципов международного права прав человека в национальное законодательство страны, и приводить в пример Уголовный Кодекс Азербайджанской Республики, где в статье 1.2 такое положение дел нашло свое прямое отражение. Далее автор признает значимость конституционных норм для отправления правосудия на основе международных норм и стандартов [24, с.111]. Схожих взглядов придерживается грузинский автор Б. Накашидзе в своих работах о государственном суверенитете и проблемах международного управления [25, с.13-20].

Другой азербайджанский ученый, Амир

Алиев в своей работе «Müasir beynəlxalq hüquqda insan hüquqları, əhali və miqrasiya problemləri» [26], отмечает, что международное сообщество давно пришло к консенсусу по поводу фундаментальных прав и свобод человека, которые стали ключевой категорией для имиджа любого государства. В тоже время имплементация основных принципов прав человека в конституции различных государств уже сложилась в качестве международного обычая – особенно в случае с современными «молодыми» государствами [26, с.33].

При этом, автор отмечает, что наличие конституционных норм, устанавливающих режим примата международного права над национальными

нормативно-правовыми актами (за исключением Конституций) является неоспоримым преимуществом Конституции Азербайджанской Республики, так как это позволяет национальному законодательству быть более адаптивным к международным реалиям и трендам в международном права, особенно в областях прав человека, социальных реформ и миграции [26, с.48].

А. Алиев полагает, что не только имплементация норм международного права прав человека, но и их эффективная судебная защита, являются залогом эффективного функционирования конституционных механизмов правоприменения. В этом смысле невозможно переоценить вклад Конституционного Суда, конституционно-наделенного полномочиями по защите основных прав и свобод человека, что нашло свое отражение и в соответствующем субконституционном законодательстве [26, с.132].

В тоже время, в азербайджанской доктрине звучит и ответ на критику взаимовлияния конституционного права и международного права прав человека. Намик Алиев в своей книге «Международное право и Нагорно-Карабахский конфликт» [27], отмечает, что доктрина конституционного и международного права достаточно консервативна в своих дефинициях, но при этом никакой критики не выдерживают идеи о недееспособности международно-правовых норм [27, с.74].

Н. Алиев однозначно утверждает, что именно международно-правовые нормы нашли свое отражение в конституционных положениях многих государств в виде принципа того, что часть народа не

может принимать решения, имеющие судьбоносные решения для всего народа [27, с.51], так как нет конституционного понятия принадлежности власти лишь части народа.

Далее, в логическом продолжении рассуждения автор утверждает, что легитимный процесс формирования волеизъявления народа и основанный на нем законодательный процесс являются необходимыми и определяющими условиями государственного строительства [27, с.31]. С таким подходом соглашается, и грузинский автор Леван Алексидзе в своей работе посвященной абхазской проблематике [28, с.266-293].

Однако, существует и несколько иной взгляд в доктрине. Азербайджанский ученый Низами Сафаров в своей книге «Проблемы обеспечения совместимости Римского Статута Международного Уголовного Суда и национальных правовых систем (опыт законодательства Азербайджанской Республики)» [29], считает, что соответствующая статья Конституции Азербайджана и провозглашает, что международные договоры Азербайджанской Республики являются неотъемлемой частью правовой системы государства, это вовсе не означает во всех без исключения случаях прямого действия указанных актов. Данное положение не следует трактовать таким образом, будто все международные договоры могут прямо реализовываться во внутригосударственной правоприменительной практике, тем более, когда речь идет о ситуациях, когда создаются коллизии между положениями международных договоров и актов национального законодательства [29, с.9].

При этом, далее автор несколько противоречит себе же, когда далее утверждает, что согласно другим нормам Конституции Азербайджана, при возникновении противоречий между нормативно-правовыми актами, входящими в систему законодательства Азербайджанской Республики и межгосударственными договорами, стороной которых является Азербайджанская Республика, применяются международные договоры. Автор пытается оправдать положение тем, что эти же нормы исключают из сферы своего действия Конституцию и акты, принятые путем референдума, т.е. договоры не могут обладать приоритетом над ними [29, с.9].

Н. Сафаров полагает, что данные

конституционные положения не устанавливают примата международного права и в действительности они лишь призваны решать возможные коллизии между правилами международного договора и нормативно-правовыми актами Азербайджанской Республики. Кроме этого, автор считает, что тут речь идет не о всех международных договорах, а только о тех, которые непосредственно применимы к внутригосударственным отношениям и не требуют для этого дальнейших национально-правовых имплементационных мер [29, с.10].

Н. Сафаров также отмечает, что определение конкретных способов и средств реализации норм международного права относится к исключительной компетенции государства и отличается существенным разнообразием. Для международного права важно неукоснительное соблюдение государством своих международных обязательств, при этом государство само избирает приемлемые для этого способы в своей конституционно-правовой плоскости [29, с.11].

Несмотря на подобную позицию (с которой трудно согласится), автор все же признает, что как показывает практика, международные договоры воплощают в себе наиболее продуктивные и передовые правовые подходы, являющиеся отражением положительного национального и международного опыта, а их использование законодателем, даже в том случае, если указанные договоры еще не ратифицированы, способно только обогатить содержание актов, принимаемых на внутригосударственном уровне [29, с.16].

Другой азербайджанский автор, Вафаддин Ибаев в своей книге «Beynəlxalq humanitar hüquq» [30], отмечает, что Азербайджанская Республика приняла на себя обязательства по выполнению положений заключенных ею международных договоров с принятием своей Конституции и отражении в ней соответствующих положений. При этом очевиден тот факт, что Азербайджанская Республика строит свою государственность именно на принципах, установленных международно-правовыми нормами, что также получило свое конституционное закрепление [302, с.449].

При этом В. Ибаев полагает, что хорошим примером отражения норм международного гуманитарного права в азербайджанском

законодательстве, является имплементация норм Женевских Конвенций 1949 г. в национальное уголовное право. При этом имплементация указанных норм не проходила в узком спектре международно-признаваемых «серезных нарушений Женевского права», а в более широком смысле. То есть, законодатель расширил круг нарушений Женевских Конвенций, которые на внутригосударственном уровне признавались бы уголовными деяниями [30, с.452-454].

Автор, приводит в качестве другого хорошего примера – универсальную юрисдикцию, отмечая, что именно этот механизм международного правоприменения способен отражать прозрачность взаимовлияния конституционного и международного права, когда речь идет о преступлениях, признаваемых противоправными деяниями по всему миру и порицаемых международным сообществом во всей его полноте. В дополнение к своему аргументу автор также приводит соответствующие положения Европейской Конвенции по Правам Человека [30, с.456]. Схожее мнение прослеживается и в работе грузинского ученого Бадри Накашидзе посвященной международному праву во времена военно-политического кризиса [25, с.22-24].

Другой грузинский ученый Л. Матарадзе в своей работе посвященный равноправию и самоопределению народов в международном праве отмечает, что данные принципы явились катализатором имплементации большого количества международных норм в современные конституции и акты независимости различных государств. Именно эти принципы в свое время явились юридической основой для начала процесса деколонизации и формирования новых независимых государств, которые начали строить свое внутреннее право на основании международных норм и основополагающих принципов международного права и международных обычаях [31, с.8-11].

Автор отмечает также, что влияние конституционного права ведущих государств на формирование общепризнанных принципов международного права также велико ввиду проникновения неолиберальной мысли в букву и дух норм и принципов, продекларированных в Уставе ООН [31, с.9].

Другой грузинский автор Г. Хатидзе в своей

работе посвященной правовым основам миротворческих операций ООН отмечает, что нормы международного права, часто со временем трансформируются в международный обычай и действуют как нормы обязательные к исполнению любым государством. В этом смысле происходит процесс уравнивания норм международного обычая и национальных норм конституционного права, позволяющих регулировать отношения в государстве на национальном уровне. Такое положение дел необходимо учитывать и при проведении ООН международной миротворческой операции. Основополагающие принципы для проведения таких операций следуют, прежде всего, из Устава ООН и мандата организации по поддержанию международного мира и безопасности [32, с.85-96].

В западной доктрине подход к взаимовлиянию международного права прав человека и конституционного права приобрел несколько иной характер.

Рона К.М. Смит в своей ключевой работе по международному праву прав человека считает, что данная отрасль права вообще стала дисциплиной отдельной от международного публичного права. Более того, автор отделяет доктрину международного права прав человека в период функционирования Лиги Наций и доктрину периода после создания ООН, обосновывая это фундаментальным различием подходов и установлением принципов универсальности и запрета дискриминации [21, с. xv, 5].

В тоже время, Д. Реман настаивает на том, что развитие международного права прав человека усилило роль негосударственных субъектов в международном праве. Хотя государства продолжают оставлять за собой роль центральных игроков международном праве, с развитием международного права прав человека, они были вынуждены создавать правовую сеть (систему правовых норм) прав человека, вступая между собой в большое количество различных договоров и соглашений. Ученый полагает, что в то время, когда международно-правовые нормы обязывают государства в праве международных договоров, международном обычно праве или в сфере общих принципов международного права, характер международного права прав человека остается *sui generis* [33, с. 5, 14].

Одновременно, Д. Вейсброд и Кони де ла Вега полагают, что ввиду того, что государства пришли к консенсусу по поводу того, какие действия нарушают международное право прав человека, влияние на конституционное право различных государств увеличилось с трех позиций:

- 1) имплементация норм и принципов международного права прав человека в национальные отрасли конституционного права;
- 2) толкование конституционного права в консенсусе с такими нормами и принципами, и
- 3) применение данных норм таким образом, чтобы не подвергаться национальной и/или международной критике.

Они также соглашаются с Д. Реман в вопросе увеличения роли международных и неправительственных организаций, а также индивидов в международном праве прав человека объясняя это глобальным развитием определенных институтов конституционного права [34, с. 6, 8].

С другой стороны, К. Добблер указывает на то, что взаимовлияние конституционного права и международного права прав человека объясняется схожестью факторов их развития как отраслей права. Автор отмечает, что обе отрасли права в своем развитии исключительно сильно зависят от правовых инструментов и решений судебных (или квазисудебных) органов, а также других авторитетных источников принятия решений. Фактически Добблер указывает на логику параллельного развития указанных отраслей права. Добблер, в тоже время, рассматривает и конституции различных государств на предмет их частичного переплетения с международным правом в области прав человека. Хотя он и не рассматривает ситуацию с точки зрения сравнительного правового анализа, он все же отмечает, наличие институтов права прав человека в конституциях некоторых государств и подчеркивает влияние международного права на национальные институты конституционного права данных государств [35, с.7, 11].

Например, А. Лестер полагает, что развитие международной юриспруденции и сравнительного правоведения усилило применение норм международного права (в частности международного права прав человека) в национальных отраслях права – в особенности конституционного [36]. С ним соглашается К. Кноп, утверждающая, что

конституционное право, и юриспруденция постоянно обогащаются международными нормами, а сравнительная методология служит дополнительным подспорьем и руководством в данном процессе [37].

Более того, в западной доктрине речь зачастую идет об обратном феномене – т.н. глобализации и интернационализации конституционного права. В данном ключе,

М.Тушнегут утверждает, что под глобализацией конституционного права понимается глобальное распространение определенных конституционных ценностей и прав, получивших постоянно растущее международное признание, в сочетании с переплетением и унификацией конституционных норм по всему миру [38, с. 386]. В тоже время, Г. Шварц полагает, что интернационализация международного права – это взаимодействие и взаимопроникновение международного публичного права (в том числе и международного права прав человека) и национальных отраслей конституционного права, что подтверждается постоянно растущим уровнем инкорпорации правовых норм международного права прав человека в национальные отрасли конституционного права государств [39, с. 46-49].

Библиография:

1. Сайдов А.Х. Международное право прав человека. Учебное пособие. - Москва: М-Пресс, 2002. - 284 с.
2. Лукашук И.И. Международное право: особенная часть. Изд. 6-е, перераб. и доп. - Москва: Волтерс Клювер, 2018. - 268 с.
3. Права человека: сборник международных документов. - Варшава: Хельсинский фонд по правам человека, 2021. - 392 с.
4. Конституция Российской Федерации, принятая в 1993 г. [online] - <http://www.constitution.ru/> (последнее посещение 08.11.2023).
5. Всеобщая декларация прав человека, ООН, 1948 [online] - http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (последнее посещение 05.11.2023).
6. Международное право. Особенная часть: Учебник для вузов / Отв. ред. проф. Р.М. Валеев и проф. Г.И. Курдюков. - Москва: Статут, 2020. - 640 с.
7. Павлова Л. Специфика нормотворчества в области прав человека. - Белорусский журнал международного права и международных
- отношений, 2002, № 4 [online] - <http://evolutio.info/content/view/519/53/> (последнее посещение 22.11.2023).
8. Федорчук Я.Ф. Специальные принципы международной защиты прав человека. Автореферат диссертации кандидата юридических наук. - Москва. 2002 [online] - <http://www.disscat.com/content/spetsialnye-printsipy-mezhdunarodnoi-zashchity-prav-cheloveka> (последнее посещение 14.12.2023).
9. Muraru I., Iancu Gh. Drepturile, libertătile și îndatoririle constituționale. - București, 1992. - 338 p.
10. Dabu V. Despre dreptul și arta apărării. - București: Regia autonomă „Monitorul Oficial”, 1994. - 248 p.
11. Conforti B., Francioni F. Enforcing International Human Rights in Domestic Courts. - The Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 1997. - 529 p.
12. Пырлог В. Совместимость Европейской Конвенции по правам человека с Конституцией Республики Молдова в области свободы выражения мнения. Автореферат. - Chisinau: PRINT-CARO, 2013. - 48 с.
13. Cârnaț T., Cârnaț M. Protecția juridică a drepturilor omului. - Chișinău: Reclama, 2018. - 380 p.
14. Cârnaț T. Drept constituțional. - Chișinău: Print-Caro, 2020. - 513 p.
15. Smochină A. Istoria universală a statului și dreptului. - Chișinău: F.E.-P. Tipografia Centrală, 2019. - 552 p.
16. Costache Gh. Direcții prioritare ale edificării statului de drept în Republica Moldova. - Chișinău: F.E.-P Tipografia Centrală, 2019. - 327 p.
17. Țurcan S. Reglementarea constituțională a principiului caracterului excepțional al restrângerii execuțării unor drepturi și libertăți fundamentale. În: Materialele conferinței științifice-practice internaționale „Metode și forme de racordare a cadrului juridic al Republicii Moldova și al Uniunii Europene în materie de azil”. Chișinău. 10.12.2010, p.90-97.
18. Țurcan S. Aspecte privind consacrarea drepturilor fundamentale ale omului în Constituțiile statelor Uniunii Europene. În: Materialele conferinței științifice-practice internaționale „Dreptul internațional umanitar la 60 de ani de la semnarea Convențiilor de la Geneva”. Chișinău. 30-31 octombrie 2009, p.234-237.
19. Капитанов А.И. Механизм ООН по защите прав человека. В: Российский Ежегодник Международного Права. 2008. - Санкт-Петербург: Россия-Нева, 2009, с.164-171.

20. Evatt E. Ensuring Effective Supervisory Procedures: The Need for Resources. P. Alston and J. Crawford (eds.) UN Human Rights Treaty Monitoring. - Cambridge: Cambridge University Press, 2020. - 660 p.
21. Smith Rh. International Human Rights Law. 9th ed. - Oxford University Press, Oxford, 2022. 583 p.
22. Лимонникова М. А. Вклад Венецианской комиссии Совета Европы в совершенствование механизмов защиты прав человека в Европе. В: Российский Ежегодник Международного Права. 2008. - Санкт-Петербург: Россия-Нева. 2009, с.171-181.
23. Opinion on the Implications of a Legally-binding EU Charter of fundamental rights on Human Rights Protection in Europe, Venice, 12-13 December 2003, CDL-AD (2003) 22.
24. Мустафаева А. Защита гражданского населения в период вооруженных конфликтов в международном гуманитарном праве и законодательстве Азербайджанской Республики. Институт по правам человека Национальной Академии Наук Азербайджана. Баку: Nurlar, 2008. - 166 с.
25. Накашидзе Б. Военно-политические кризисы и международное право. В: Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество), Москва, 2007, № 4, с.22-24.
26. Əliyev Ə. Müasir beynəlxalq hüquqda insan hüquqları, əhali və miqrasiya problemləri. - Bakı: NAT Co. Publishing, 2007. - 418 c.
27. Алиев Н. Г. Международное право и нагорно-карабахский конфликт. - Москва: Вече, 2013. - 176 с.
28. Алексидзе Л. Правовые аспекты абхазской проблемы в свете документально подтвержденного, а не фальсифицированного исторического опыта и современного международного права. В: Московский журнал международного права, 1998, № 3, с.266-293.
29. Сафаров Н. Проблемы обеспечения совместимости Римского Статута Международного Уголовного Суда и национальных правовых систем (опыт законодательства Азербайджанской Республики). - Баку: Юридическая литература. 2002. - 196 с.
30. İbayev V. Beynəlxalq humanitar hüquq. - Bakı: Hüquq ədəbiyyatı. 2001. - 496 c.
31. Матарадзе Л. Принцип равноправия и самоопределения народов в международном праве. В: Политика (Москва), 1993, N10-11, с.8-11.
32. Hatidze G. The Legal Basis and Guiding Principles of United Nations Peacekeeping Operations. Եյլուսցըլլյան քա և սահմանադրույթ : օსტոռուա, տյոռուա, ձբայթուա / զօս գովորմանուս և անշարժություն և պահպան պահպանություն. - տեղական, - N3(19), 2011. - 83-85-96.
33. Rehman J. International Human Rights Law. 4th ed. - Pearson Education Limited, Harlow, 2020. - 432 p.
34. Weissbrodt D. Connie de la Vega. International Human Rights Law: An Introduction. - Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2017. - 364 p.
35. Doebbler C. Introduction to International Human Rights Law. - CD Publishing, Washington DC, 2017. - 419 p.
36. Lester A. The Overseas Trade in the American Bill of Rights. 88 Columbia Law Review, 537 (1988).
37. Knop K. Here and There: International Law in Domestic Courts. 32 New York University Journal of International Law and Politics, 501 (2020).
38. Tushnet M. The Inevitable Globalization of Constitutional Law. In: 49 Virginia Journal of International Law, 985 (2009), p.382-393.
39. Schwartz H. The Internationalization of Constitutional Law. 10 HUM. RTS. BRIEF 10 (2003). 531 p.

Kamal MAKILI-ALIYEV (Sweden),
Doctor of Law, Associate Professor of the
University of Gothenburg

DOCTRINAL WORKS RELATED TO THE SCIENTIFIC STUDY OF INTERNATIONAL HUMAN RIGHTS LAW

Summary. The article is devoted to the analysis of doctrinal works that play a key role in the development of international human rights law. It examines the main theoretical approaches proposed by various scientists and practitioners, as well as their contribution to the formation of legal norms and standards. The author focuses on the interaction between scientific research and the practical realization of human rights, emphasizing the importance of an interdisciplinary approach that includes jurisprudence, sociology and political science.

The article also analyzes key concepts such as the universality of human rights, their protective mechanisms and problems of implementation at the national level. The works of both classics and modern researchers are considered, which allows us to identify the evolution of thinking in the field of international law. The author concludes that doctrinal research not only enriches the theoretical base, but also serves as a basis for practical changes and reforms in the field of human rights.

Keywords: international human rights law, human rights, UN Charter, principles of international law, international protection of human rights, European Convention on Human Rights

Камал МАКИЛИ-АЛИЕВ (Швеция),
доктор юридических наук, ассоциированный профессор
Гетеборгского университета

ДОКТРИНАЛЬНЫЕ РАБОТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К НАУЧНОМУ ИССЛЕДОВАНИЮ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Резюме. Статья посвящена анализу доктринальных работ, которые играют ключевую роль в развитии международного права прав человека. В ней рассматриваются основные теоретические подходы, предлагаемые различными учеными и практиками, а также их вклад в формирование правовых норм и стандартов. Автор акцентирует внимание на взаимодействии между научными исследованиями и практической реализацией прав человека, подчеркивая важность междисциплинарного подхода, который включает юриспруденцию, социологию и политологию.

В статье также анализируются ключевые концепции, такие как универсальность прав человека, их защитные механизмы и проблемы реализации на национальном уровне. Рассматриваются работы как классиков, так и современных исследователей, что позволяет выявить эволюцию мышления в области международного права. Автор приходит к выводу о том, что доктринальные исследования не только обогащают теоретическую базу, но и служат основой для практических изменений и реформ в сфере прав человека.

Ключевые слова: международное право прав человека, права человека, Устав ООН, принципы международного права, международная защита прав человека, Европейская Конвенция по Правам Человека

Каныбек БОТОБАЕВ (Кыргызская Республика),
соискатель Института истории,
археологии и этнологии им.Б.Джамгерчинова НАН КР
botobaev@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ РАЗМЕЖЕВАНИЕ В СРЕДНЕЙ АЗИИ В 20-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Национально-государственное размежевание в Центральноазиатском регионе и история образования новых национальных республик уходят корнями в глубокое прошлое. Уже в марте 1919 года на VIII съезде РКП(б) В.И.Ленин провозгласил лозунг “права наций на самоопределение” при условии, что это касается только эксплуатируемых народов. А в своем комментарии к проекту решения ЦК РКП(б) “о вопросах Туркестана” в июне 1920 года он поставил две задачи: 1) составить карту Туркестана с подразделением на Узбекию, Киргизию и Туркмению; 2) детальнее выяснить условия слияния или разделения этих трех частей [1].

12 июня 1924 года Политбюро ЦК РКП (б) приняло постановление «О национальном размежевании республик Средней Азии», в котором одобрило предложение партийных организаций среднеазиатских республик о проведении национально-территориального размежевания.

13 июня 1924 года Президиум ЦИК СССР назначил С.М. Тер-Габриеляна председателем Комиссии по районированию Союза ССР.

Руководящая роль в национальном размежевании республик Средней Азии отводилась Среднеазиатскому бюро ЦК РКП (б), образованному в мае 1922 года. Именно за ним была закреплена задача проведения размежевания.

При Средазбюро были образованы Центральная территориальная комиссия и национальные подкомиссии по национальному размежеванию, которые занимались решением вопросов, связанных с разделом территории и материально-финансовых ценностей.

На заседании территориальной комиссии от 16 августа 1924 года рассматривался вопрос о Кара-Киргизской Автономной Области (ККАО). Был определен перечень волостей, входящих в ее состав. Общее количество волостей составляло 35, включая восточную часть Памирской волости [3].

На очередном заседании от 17 августа 1924 года был рассмотрен вопрос об установлении

границы между Узбекской ССР и ККАО. Представители ККАО внесли предложение о присоединении к ним из Андижанского уезда Аимской, Джала-Абадской, Курган-Тепинской, Джала-Кудукской, Кара-Суйской, Ярбашинской, Хакетской, Алтын-Кульской волостей и города Андижана. Из Наманганского уезда – Баястанской, Нанайской волостей. Из Ферганского уезда – Араванской волости. Из Ошского уезда – Кашкар-Кышлакской, Манякской, Булак-Башинской и Ошской волостей. В результате обсуждений из 17 волостей 8 перешли в состав КАО [4].

20 августа 1924 года состоялось объединенное заседание Национальных Комиссий КАО и Узбекистана по вопросу спорных волостей. Было составлено Соглашение по распределению волостей между Кара-Киргизской автономной области и Узбекской ССР в Ферганской долине.

На заседании территориальной комиссии по национальному размежеванию среднеазиатских республик от 21 августа 1924 года был рассмотрен Протокол объединенного заседания национальных комиссий КАО и Узбекистана от 20 августа 1924 года и утверждено Соглашение между ними. В Соглашении указано, что на основании постановления территориальной комиссии Среднеазиатского Бюро ЦК РКП разрешены вопросы границ между Кара-Киргизской Автономной областью и Наманганско, Маргеланским и Кокандским уездами Узбекской Республики. Дальнейшее уточнение границ должно быть произведено после государственного оформления создаваемых республик.

По Протоколу №5 к Кара-Киргизской Автономной Области перешли Базар-Коргонская, Аимская, Жала-Абадская и Кашкар-Кышлакская волости целиком. К Узбекской ССР отошли Джала-Кудукская, Манякская, Курган-Тепинская и Кара-Суйская волости.

Кроме того, на заседании территориальной комиссии был рассмотрен вопрос о Таджикской Автономной области и её границах. Всем национальным комиссиям было указано в

трехдневный срок предоставить председателю территориальной комиссии Зеленскому И.А. точные и исчерпывающие материалы по установлению границ образуемых республик и областей [6].

На шестом заседании территориальной комиссии, состоявшемся 6 сентября 1924 года, были окончательно утверждены границы Таджикской Автономной области. Также были утверждены редактированные описания границ всех новообразующихся республик и областей. Копии Протокола №6 упомянутого заседания комиссии, описания границ, список волостей и схематическая карта административных границ прежнего деления и вновь организуемых республик и областей, фрагмент из поволостной карты Туркестанской АССР от 1922 года хранятся в архиве ГП «Кыргызгипрозем» [7].

В вышеуказанном протоколе (№ 6 от 06.09.1924 г.) также были рассмотрены границы Узбекской Республики и ее административное деление. В то время Узбекская ССР состояла из 6 областей и 31 уезда. Из них общая площадь Исфаринской волости, относящейся к Кокандскому уезду Ферганской области, граничащей с ККАО, составляла всего 225 кв. вёрст (25 600 га), а площадь Канибадамской волости 154 кв. вёрст (17 525 га), площадь Чапкулукской волости Ходжентского уезда Самаркандской области 1151 кв. верст (130 984 га) и площадь Бакса-Исфанийской волости 915 кв. верст (104 127 га) [8].

Современная площадь Исфаринской волости составляет более 88 тысяч гектаров. Как видно, за счет территории Лейлекской и Нойгут-Кипчакской волостей площадь Исфаринской волости увеличилась более чем на 60,0 тыс. га. Также в описании границы между Узбекской ССР и ККАО указано, что в пределах Исфаринской и Канибадамской волостей межреспубликанская граница проходит по границам волостей. Однако описание, подготовленное Среднеазиатским Ликвидкомом от 17 марта 1925 г. не соответствует вышеуказанным описаниям.

Среднеазиатское Бюро ЦК РКП (б) своим протоколом от 7 сентября 1924 года № 107 утвердил вышеуказанные постановления территориальной комиссии по национальному размежеванию среднеазиатских республик.

Среднеазиатское Бюро ЦК РКП (б) своим протоколом от 16 сентября 1924 года № 111 утвердило границы Кир. ССР и Кара-Киргизской

Автономной области, установленные по соглашению представителей Временных Кир. бюро и Кара-Киргизского бюро. Этим же протоколом были определены сроки созыва съездов и конференций во вновь организуемых среднеазиатских республиках и областях. На этих съездах были рассмотрены и утверждены протоколы Среднеазиатского Бюро ЦК РКП(б) с прилагаемыми описаниями границ.

На основании подготовленных Среднеазиатским Бюро ЦК РКП (б) по национальному размежеванию республик Средней Азии материалов, третьей чрезвычайной сессией ЦИК Туркестанской АССР от 15 сентября 1924 года был принят Закон о проведении национально-государственного размежевания Туркестанской АССР.

Политбюро ЦК РКП (б), рассмотрев этот вопрос, сочло целесообразным оформить процесс размежевания официально. Последняя точка в работе над данным проектом была поставлена 24 октября 1924 г. на пленуме ЦК РКП (б). 27 октября 1924 г. на II сессии ОНИК СССР были одобрены мероприятия по проведению национально-территориального размежевания Средней Азии [9].

Необходимо отметить, что параллельно с национальным размежеванием среднеазиатских республик проводились мероприятия по районированию, в том числе административное деление новообразованных республик и автономных областей.

При Комиссии ЦИК СССР по районированию был организован Среднеазиатский Ликвидационный комитет (СредАЗликийдком), при котором была создана специальная комиссия по уточнению границ новых государственных образований в Средней Азии.

При выполнении работ по размежеванию комиссия должна была соблюдать следующие принципы:

-принадлежность территории определяется по признаку преобладания на ней численности той или иной этнической группы;

-принадлежность населенных пунктов, представляющих собой экономический или торговый центр, определяется по признаку притяжения к ним этнической группы, проживающей в зоне их влияния;

-границы не должны нарушать устоявшиеся водохозяйственные системы;

-при установлении линии границы следует избегать излишней извилистости.

Однако в процессе национально-территориального разграничения указанные принципы не соблюдались. В результате на границе Киргизстана с сопредельными государствами в Ферганской долине образовались спорные участки.

10 декабря 1924 года состоялось первое заседание комиссии. В протоколе этого заседания представляет интерес решение: «Отнести так называемый русский Памир, т.е. Памирскую Киргизскую кочевую волость к Бадахшанскому округу (так называемый бухарский Памир), входящему в состав Автономной Таджикской Республики». Также было принято решение о правилах нанесения на 10-вёрстную карту границ новых государственных образований [19].

На втором заседании указанной комиссии от 20 декабря 1924 года представитель ККАО И.Арабаев поставил вопрос о пересмотре принадлежности Восточного Памира. Комиссия решила данный вопрос рассмотреть на особом заседании с обязательным участием таджикских и киргизских представителей, однако данный вопрос остался открытым [20].

22 декабря 1924 года состоялось пленарное заседание Среднеазиатского ликвидкома, на котором утвердили протокол №1 заседания комиссии по уточнению границ без изменения [21].

На основании вышеуказанных документов без согласия представителей КАО Президиум ВЦИК внес этот вопрос на рассмотрение Президиума ЦИК СССР, заседание которого состоялось 2 января 1925 года. Принятое на нём решение гласит «В соответствии со статьёй 6 Конституции Союза ССР образовать из Кара-Киргизской и Таджикской частей Памира особую Памирскую область со своим областным исполнкомом, входящую в состав ТАССР и подчинённую ей» [22].

Следует отметить, что, не учитывая интересы Кара-Киргизской Автономной области, Президиум ЦИК СССР 2 января 1925 года признал целесообразность неделимости Высокогорного Памира (ныне Мургабский район), вопреки вышеупомянутым принципам, которые следовало соблюдать в ходе размежевания. В результате восточная часть Памира оказалась в составе Таджикистана [23].

Несмотря на замечания и претензии со стороны представителей республик и автономных областей, комиссия по уточнению границ внесла на утверждение Пленума СредАЗликивидкома свой

вариант описания границ новых государственных образований Средней Азии на 10-ти и 20-ти верстных картах.

17 марта 1925 года на заседании Пленума СредАЗликивидкома (Протокол № 7) были утверждены список административных делений и границы новых государственных структур Средней Азии, подготовленный специальной комиссией по уточнению границ. Линии границ были отмечены на карте в масштабе 10 верст и утверждены подписью Шелехеса. На заседании Президиум Всероссийского ЦИК своим постановлением №62 от 4 мая 1925 года согласился с проектом границ [26], хотя поступило более 50 претензий со стороны всех новых государственных образований.

ККАО предъявила территориальные претензии в районах волостей Баски-Себергенской, Исфанейской, Чапкулугской, Чаткальской, Курган-Тюпинской, Джеляль-Абадской, Сохской, Исфаринской и др. В свою очередь Узбекистан претендовал на часть киргизской территории: южную часть Аимской волости, г.Ош и Ошскую волость, Лайляксскую и Найгут-Кипчакскую волости Фергенской области.

Президиум ЦИК СССР 29 января 1926 года образовал паритетную комиссию во главе с Петровским Д.И. для урегулирования указанных пограничных споров. Однако результаты ее деятельности не удовлетворили киргизскую сторону. Исполнительный комитет Киргизской автономной области в письме от 25 апреля 1926 года, адресованном ЦИК СССР и ЦИК РСФСР, выразил протест по поводу состава паритетной комиссии Петровского, в который не вошли представители Киргизии, а также опротестовал ее решение [30].

Для рассмотрения взаимных претензий РСФСР и Узбекской ССР была образована другая паритетная комиссия под председательством члена Президиума ЦИК Союза ССР Кульбешерова Б. [32].

Подводя итоги своей работы, паритетная комиссия на заседании 24 января 1927 года (Протокол №3) решила все спорные вопросы между республиками, за исключением Исфаринской и Сохской волостей. 25 января 1927 года на заседании паритетной комиссии (Протокол №4) было решено Сохскую волость присоединить к Киргизии, за исключением части территории, на которой расположены все нефтяные источники [34]. Ввиду снятия представителями Киргизии

своих претензий на Исфаринскую волость, последняя осталась в составе Узбекской ССР.

А паритетная комиссия в пункте 3 Протокола №4 от 25 января 1927 года постановила: «Войти в Президиум ЦИК Союза ССР с предложением о проведении описания границ путем уточнения их в натуре специальной Паритетной комиссией».

Из итогов работы комиссии под руководством Кульбешерова можно сделать вывод, что, выработав окончательные рекомендации по решению спорных пограничных вопросов, комиссия не имела возможности произвести описание границ и подготовить планово-картографический материал с указанием границ. Такое заключение может объясняться тем, что материал, подготовленный Среднеазиатским Ликвидационным Комитетом, требовал внесения значительных изменений в связи с передачей целых волостей, отдельных территорий и населенных пунктов. Более того, за прошедший период (с мая 1925 по январь 1927 года) также могли произойти значительные изменения в расселении и освоении земель. Об этом можно сделать вывод, исходя из постановления Президиума Союза ССР от 10 сентября 1926 года, когда было принято решение о сохранении Исфаринской и Сохской волостей в составе Узбекской ССР в современных границах, а не в границах согласно описанию, приложенного к материалам, утвержденным 17 марта 1925 года.

Всероссийский ЦИК на заседании 3 мая 1927 года рассмотрел доклад о работе паритетной комиссии Кульбешерова и постановил: войти в Президиум ЦИК Союза ССР с ходатайством о внесении ряда изменений и дополнений в постановление от 10 сентября 1926 года.

Согласившись с предложением о сохранении Исфаринской волости в составе Узбекской ССР, Президиум Всероссийского ЦИК подтвердил свое решение, принятое 30 августа 1926 года, о передаче Сохской волости в состав РСФСР, а также передал в состав РСФСР копи Сулукты и земли северных границ Лейлекской, Найгут-Кипчакской и Яukesек-Бостонской волостей, принадлежавших Узбекской Республике; постановил представить постановление на окончательное утверждение Президиумом ЦИК Союза ССР [35].

Следует отметить, что Протоколом Президиума Центрального Исполнительного Комитета СССР от 10 сентября 1926 года №60

волости Бакса-Исфана (кроме угольного месторождения Сулукта) и Чапкулук вышли из ведения Узбекской ССР и вошли в состав РСФСР.

На основании этого постановления ЦИК СССР 14 февраля 1927 года произвели прием и передачу Бакса-Исфанской и Чапкулукской волостей между КАССР и Узбекской ССР. Составлен соответствующий Акт приема-передачи с картографическими материалами [36].

В 1929 году в состав Таджикской АССР вошла Ходжентская область, ранее принадлежавшая Узбекской ССР. Тем самым 17 декабря того же года была образована Таджикская ССР. В связи с тем, что Исфаринский район относился к Ходжентской области Узбекской ССР, он также вошел в состав Таджикской ССР в 1929 году.

Следует отметить, что решение о передаче населенных пунктов Чуюнчи, Замборуч, Джар-Кишилак и Джизган в состав Киргизской АССР было принято еще 10 сентября 1926 года Протоколом №60 Президиума ЦИК СССР, а Президиум Центрального Исполнительного Комитета Таджикской ССР постановлением от 1 января 1932 года №13 реализовал данное постановление.

Соответствующие материалы, касающиеся населенных пунктов Чуюнчи, Замборуч, Джар-Кишилак и Джизган, были переданы в 1932 году на основании Акта. Однако межреспубликанская граница на местности была установлена только в 1935-1936 годах.

ЦИК Союза ССР на заседании 4 мая 1927 года рассмотрел Доклад о работе паритетной комиссии, образованной Президиумом ЦИК Союза ССР 21 декабря 1926 года по обследованию взаимных претензий, касающихся территориальных споров между РСФСР и Узбекской ССР и принял соответствующее постановление [37].

Ввиду того, что данное постановление является итоговым документом по решению территориальных споров, за исключением угольных копей Сулукты, о которых будет сказано ниже, на нем следует остановиться более подробно.

Постановлением от 4 мая 1927 года было решено:

Постановления Паритетной комиссии ЦИК Союза ССР об оставлении в составе Узбекской ССР селений: Варзык, Заркент, Вуадиль, Чимион, ж.д. станции Уч-Курган и Исфаринской волости и о передаче в состав

- Узбекской ССР южной (левобережной) части Аимской волости Киргизской АССР, как согласованные с обеими сторонами, утвердить.
2. Во изменение постановлений Паритетной комиссии:
- Сохскую волость оставить в границах Узбекской ССР;
 - угольные копи Сулюкты оставить в границах Узбекской ССР.
3. В соответствии с постановлениями Паритетной комиссии внести в п.п. 1 и 3 постановления Президиума ЦИК Союза ССР от 10 сентября 1926 года об урегулировании пограничных споров между РСФСР и Узбекской ССР следующие изменения:
- выделить из Узбекской ССР и присоединить к РСФСР селение Уч-Курган Аувальской волости;
 - оставить в составе РСФСР Араванскую волость Ошского округа Киргизской АССР.
4. Постановление Президиума ЦИК Союза ССР от 21 декабря 1926 года о приостановлении проведения в жизнь постановления Президиума ЦИК Союза ССР от 10 сентября 1926 года в отношении сел. Варзык, сел. Заркент, железнодорожной станции Уч-Курган, сел. Уч-Курган (Аувальской волости), сел. Вуадиль и Чимион, волостей Исфаринской и Сохской, угольных копей Сулюкты (Бакса-Исфаринской волости), Аимской и Араванской волостей – отменить.
5. Взаимные территориальные претензии Узбекской ССР и РСФСР (в районе Киргизской АССР) считать окончательно урегулированными настоящим постановлением и предложить Президиумам ЦИК РСФСР и Узбекской ССР разъяснить населению, что в течение ближайшего 1 трёхлетнего срока Президиумом ЦИК Союза ССР не будут приниматься к рассмотрению ходатайства 2 об изменении границ между Узбекской ССР и РСФСР (в районе Киргизской АССР).
6. Паритетную комиссию по обследованию взаимных территориальных претензий Узбекской ССР и РСФСР, образованную постановлением Президиума ЦИК Союза ССР от 21 декабря 19263. года, ввиду окончания ее работ – упразднить.

Учитывая, что приложений к постановлению от 04.05.1927 года нет, а паритетная комиссия, возглавляемая 4. Кульбашеровым, рекомендовала установление и описание границ осуществить специальными комиссиями, можно сделать вывод, что

окончательные границы не описаны, в натуре (на местности) не установлены и Президиумом ЦИК ССР не утверждались.

Причем решение, принятое ЦИК ССР в части сохранения Сохской волости в составе Узбекской ССР, противоречит пункту 6 Конституции СССР 1924 г., т.к. Всероссийский ЦИК согласия на это не давал.

Несмотря на то, что постановление от 04.05.1927 года приостановило рассмотрение земельных вопросов на 3 года, 8 июня 1927 года Президиум ЦИК ССР своим постановлением (Протокол №6) Сулюктинские копи передал в состав КАССР [37]. Указанное постановление также не имело приложений, где были бы указаны границы передаваемых земель или описание границ.

Протоколом Президиума ЦИК Киргизской АССР № 98 от 14 мая 1928 года был основан Сулюктинский район из Бакса-Исфаринской и Боткан-Бужумской волостей.

Таким образом, с августа 1924 года по май 1928 года в связи с проведением национального размежевания, экономического районирования и административной реформы, в границах областей и волостей Киргизской АССР, Узбекской ССР и Таджикской АССР произошли существенные изменения. А сам процесс национально-территориального разграничения, инициированный советской властью в 1924 г., но так и не завершенный вплоть до распада СССР в 1991 г., стал проблемой, оставшейся от исторического прошлого для постсоветских государств Центральной Азии.

Библиография:

- Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.41.М., стр.436., 1974.
- Протокол №1 заседания территориальной комиссии по национальному размежеванию среднеазиатских республик от 16 августа 1924 года Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 62. Оп. 2. Д. 105. Л. 2,3.
- Протокол №2 заседания территориальной комиссии по национальному размежеванию среднеазиатских республик от 16 августа 1924 года (РГАСПИ). Ф. 62. Оп. 2. Д. 105. Л. 4,5,6.
- Протокол №3 заседания территориальной комиссии по национальному размежеванию среднеазиатских республик от 17 августа 1924 года (РГАСПИ). Ф. 62. Оп. 2. Д. 105. Л. 7,8.

5. Протокол №4 заседания территориальной комиссии по национальному размежеванию среднеазиатских республик от 17 августа 1924 года (РГАСПИ). Ф. 62. Оп. 2. Д. 105. Л. 9,10. Средней Азии от 20.12.1924 г.. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 18. Д. 238. Л. 137,138,139,140.
6. Протокол №5 заседания территориальной комиссии по национальному размежеванию среднеазиатских республик от 21 августа 1924 года (РГАСПИ). Ф. 62. Оп. 2. Д. 105. Л. 11,12,13,14.
7. Протокол №6 заседания территориальной комиссии по национальному размежеванию среднеазиатских республик от 6 сентября 1924 года (РГАСПИ). Ф. 62. Оп. 2. Д. 105. Л. 21,22,23.
8. Границы и административное деление Узбекской Республики. (РГАСПИ). Ф. 62. Оп. 2. Д. 105. Л. 29-48.
9. Протокол №9. Заседания 2-ой сессии Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР от 27 октября 1924 г. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 64. Л. 63.
10. Протокол №10 заседания Президиума Революционного Комитета Кара-Кыргызской Автономной Области от 8 декабря 1924 года. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 18. Д. 292. Л. 52,53.
11. Протокол №1 заседания Экономического Бюро при Уполномоченном Совете труда и обороны в Средней Азии от 23 декабря 1924 года. ГАРФ. Ф. 2.8. 5677. Оп. 6. Д. 385. Л. 5.
12. Протокол №8 заседания Президиума Комиссии ВЦИК по районированию от 27 мая 1925 г. ГАРФ. Ф. 5677. Оп. 5. Д. 36. Л. 4,5,6.
13. Протокол Президиума ВЦИК от 6 июня 1925 года №8. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 18. Д. 252. Л. 118об.
14. Проект административно-хозяйственного деления ККАО. ЦГАКР. Ф. 949. Оп. 1. Д. 2. Л. 8,9,10,11,12.
15. Протокол заседания Среднеазиатской комиссии по районированию от 17 августа 1926 г. ЦГАКР. Ф. 20. Оп. 1. Д. 340. Л.10,10 об.
16. Протокол №2 Пленума Среднеазиатской комиссии по районированию от 2-5 сентября 1926 года. ГАРФ. Ф. 5677. Оп. 5. Д. 36. Л. 30,31,32,33,34.
17. Протокол №7 Заседания Президиума Среднеазиатского Экономического Совета от 13-15 сентября 1926 г. ГАРФ. Ф. 5677. Оп. 9. Д. 36. Л. 35.
18. Постановление Президиума ВЦИК № 36 от 16 декабря 1926 г. Ф. 5677. Оп. 7. Д. 221. Л. 39об.
19. Протокол №1 заседания Комиссии по уточнению границ новых государственных образований в Средней Азии от 10.12.1924 г. ЦГА Уз. ССР. Ф. 11. Оп. 1. Д. 15. Л. 4,5,6.
20. Протокол №2 заседания Комиссии по уточнению границ новых государственных образований в Средней Азии от 20.12.1924 г.. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 18. Д. 238. Л. 137,138,139,140.
21. Выписка из протокола заседания Пленума Среднеазиатского Ликвидационного Комитета от 22.12. 1924 г. ЦГА Уз ССР. Ф. 11. Оп. 1. Д. 15. Л. 8.
22. Протокол №46 заседания Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 29.12.1924 г. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 119. Д. 1. Л. 11.
23. Протокол №2 заседания Президиума ЦИК Союза ССР от 2.01.1925 г. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 119. Д. 1. Л. 14.
24. Согласие уполномоченного Облревкома ККАО А. Сыдыкова от 3.02.1925 г. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 18. Д. 238. Л. 91.
25. Протокол №7 заседания пленума Среднеазиатского Комитета от 17 марта 1925 г. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 120. Д. 32. Л. 8, 9. Л. 12-14, Л. 19-23, Л. 26,27.
26. Протокол №62 заседания Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 4.05.1925 г. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 41. Д. 4. Л. 329, 332об.
27. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 19. Д. 297. Л. 14,15,16.(описание)
28. Доклад Комиссии ЦИК СССР (пред. Петровский) по разрешению пограничных споров между республиками Средней Азии от 30.08.1926 г. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 120. Д. 31. Л. 385-423.
29. Протокол №44 заседания Президиума ЦИК Союза ССР от 30. 04.1926 г. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 18. Д. 265. Л. 37.
30. Письмо КАССР от 25 апреля 1926 г. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 19. Д. 303. Л. 36-39.
31. Протокол №60 заседания Президиума ЦИК Союза ССР от 30. 04.1926 г. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 13. Д. 4. Л. 174,177 об.
32. Протокол №27 заседания Секретариата ЦИК Союза ССР от 21.12.1926 г. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 20. Д. 380. Л. 94.
33. Заключение по вопросу пересмотра постановлений Президиума ЦИК СССР от 10.09.1926 г. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 19. Д. 303. Л. 5-8.
34. Протокол №3 заседания паритетной комиссии ЦИК СССР от 24.01.1927 г. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 20. Д. 380. Л. 154.
35. Протокол №2 заседания Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 3.05.1927 г. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 20. Д. 380. Л. 209.
36. Дело о передаче Бакса-Исфандейской и Чапкулукской волостей в состав КАССР. Ошского

регионального управления архивной службы МЦЗ7. 36. Протокол №1 заседания Президиума ЦИК КР. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 144.
Союза ССР от 4.05.1927 г. ГАРФ Ф. 3316. Оп. 3. Л. 70,71,72.

Kanybek Botobaev (Kyrgyz Republic),
Applicant of the Institute of History,
Archaeology and Ethnology named after
B.Dzhamgerchinov of the National Academy of the Kyrgyz Republic
botobaev@mail.ru

NATIONAL-STATE DEMARCACTION IN CENTRAL ASIA IN THE 20S OF THE TWENTIETH CENTURY

Summary. This article examines the process of national-territorial demarcation carried out in the region in the 20s of the twentieth century by the Soviet government. In October 1924, the Plenum of the Central Committee of the Russian Communist Party (b) approved a project for carrying out national-territorial delimitation.

A special commission was established under the Sredazlivedkom to clarify the boundaries of new state entities, which in its work had to be guided by certain principles, which, unfortunately, were not observed in practice. As a result, disputed areas have formed on the border of Kyrgyzstan with neighboring republics in the Ferghana Valley.

The results of the activities of the parity commission headed by D. Petrovsky on the settlement of border disputes between the KKAO and Uzbekistan in January 1926 did not satisfy the Kyrgyz side. Another parity commission headed by B. Kulbeshev in January 1927 resolved the disputed issues between them, but was unable to describe the boundaries and prepare planning and cartographic material indicating the boundaries.

On May 4, 1927, the Central Executive Committee of the USSR considered the report on the work of the said commission and adopted a corresponding resolution, to which there are no annexes.

Thus, the final boundaries have not been described and established on the ground. They were also not approved by the Presidium of the Central Committee, which led to sad consequences in the post-Soviet period.

Keywords: Central Asia, national-territorial delimitation, KKAO, parity commission, disputed areas, resolution.

Каныбек Ботобаев (Кыргызская Республика),
соискатель Института истории,
археологии и этнографии им.Б.Джамгерчинова НАН КР
botobaev@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ РАЗМЕЖЕВАНИЕ В СРЕДНЕЙ АЗИИ В 20-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Резюме. В данной статье рассматривается процесс национально-территориального размежевания, проведенного в регионе в 20-е гг. ХХ в. советской властью. В октябре 1924 г. на Пленуме ЦК РКП (б) был одобрен проект по проведению национально-территориального разграничения.

При Средазлivedкоме была создана специальная комиссия по уточнению границ новых государственных образований, которая в своей работе должна была руководствоваться определенными принципами, которые, к сожалению, на практике не соблюдались. В результате на границе Кыргызстана с сопредельными республиками в Ферганской долине образовались спорные участки.

Результаты деятельности паритетной комиссии во главе с Д.Петровским по урегулированию пограничных разногласий между ККАО и Узбекистаном в январе 1926 г. не удовлетворили кыргызскую сторону. Другая паритетная комиссия во главе с Б.Кульбешевым в январе 1927 г. решила спорные вопросы между ними, но не имела возможности произвести описание границ и подготовить планово-картографический материал с указанием границ.

4 мая 1927 г. ЦИК СССР рассмотрел доклад о работе указанной комиссии и принял соответствующее постановление, приложений к которому не имеется.

Таким образом, окончательные границы не были описаны и установлены на местности. Президиумом ЦК они также не были утверждены, что привело к печальным последствиям в постсоветский период.

Ключевые слова: Средняя Азия, национально-территориальное размежевание, ККАО, паритетная комиссия, спорные участки, постановление.

Гасан АЛИЕВ (Азербайджан),
магистр Конституционного права
DOI: 10.52340/lap.2024.03

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ НОРМ И СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ ПО ВОПРОСАМ, СВЯЗАННЫМ С ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМИ КОНФЛИКТАМИ, НА ПОЛОЖЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

Годы конца 1980-х – начала 1990-х годов явились периодом окончания «холодной войны», сопровождались рядом глобальных событий XX века – распадом Союза ССР и лагеря социалистических государств, воссоединением Германии, установлением однополярного мира.

Европейским Сообществом в связи с необходимостью регламентации происходящих процессов на основе норм международного права 16 декабря 1991 года приняло две Декларации: «О руководящих принципах признания новых государств в Восточной Европе и Советском Союзе» и «О Югославии». Этими документами Европейское Сообщество, подтверждая свою приверженность Хельсинкскому Заключительному Акту 1975 года и Парижской Хартии для новой Европы 1990 года, выразило готовность признать государствами субъекты, которые отвечают стандартам международной практики, созданы на демократических основах, выполняют международные обязательства. При этом в Декларации «О руководящих принципах признания новых государств в Восточной Европе и Советском Союзе» для признания перед новыми государствами были поставлены следующие условия (требования):

1) уважение положений Устава ООН и обязательств, вытекающих из Хельсинкского Заключительного Акта и Парижской Хартии, прежде всего, касающихся демократии и прав человека;

2) гарантирование прав этнических и национальных меньшинств;

3) уважение принципа нерушимости границ, которые могут быть изменены мирными средствами и путем согласия;

4) с целью безопасности и региональной стабильности принятие всех соответствующих обязательств о разоружении и нераспространении ядерного оружия;

5) решение всех вопросов о правопреемстве и региональных споров путем согласия [См.: 1, pp. 1486-1487, at p. 1487].

Именно в этом контексте шел процесс создания законодательств новых суверенных государств, а также процесс их дальнейшего совершенствования, имплементации в них международно-правовых стандартов.

В начале 1990-х годов определенные силы, воспользовавшись демократическими процессами в обретающих независимость государствах, попытались создать, под прикрытием демократических и националистических лозунгов, насильственным путем, посредством перекройки границ (т.е. нарушая принцип территориальной целостности и нерушимости границ) новые государства (нагорный Карабах в Азербайджане, Абхазия и Южная Осетия в Грузии, Приднестровье в Молдове, Чечня в России). Характерно, что ни в одном из этих случаев эти квази-государства не создавались на основе правового договора, который был бы признан мировым сообществом. Причина основана на принципиальной позиции мирового сообщества: оно не рассматривает насилие в качестве способа или метода создания нового государства. Создание нового государства в сегодняшнем демократическом мире возможно лишь при наличии правового договора, когда к добровольному согласию пересмотра границ приходят все заинтересованные стороны [См.: 2, с. 35]. Если обратиться к Декларации Европейского Сообщества от 16 декабря 1991 года о руководящих принципах признания новых государств Восточной Европы и Советского Союза, мы увидим международно-правовую фиксацию уважения «неприкосновенности всех границ, которые могут быть изменены только мирными средствами и по взаимному согласию» [См.: 1, pp. 1486-1487, at p. 1487]. В 1991 году в Брюсселе состоялось заседание ЕС на уровне министров иностранных дел, где было обсуждено положение в Советском Союзе и некоторых странах Восточной Европы. В принятом 23 декабря на этом заседании Заявлении «Двенадцати» о будущем статусе России и других бывших республик было подчеркнуто, что не будут

признаваться государства, возникающие в результате агрессии [См.: 3, с.159-161].

Член Подкомиссии ООН по защите прав человека А. Эйде пишет, что «...в рамках ООН был достигнут широкий консенсус в отношении того, что границы союзных республик как в бывшем СССР, так и бывшей Югославии должны быть установлены не на основе этнического расселения, а на основе принципа *uti possidetis juris*, означающего, что новыми должны считаться границы, которые ранее существовали как границы союзных республик федерации» [См.: 4, р. 282]. По компетентному мнению Райна Мюллера, в международном праве принцип *uti possidetis* означает, что «после обретения независимости, существующие границы защищаются международным правом и любые изменения должны происходить мирно без угрозы силой или ее применения» [См.: 5]. В одном из разъяснений Международного Суда сказано, что «когда два государства устанавливают границу между ними, одна из главных целей состоит в обеспечении стабильности и окончательности. Это невозможно, если установленная таким образом линия может в любой момент и на основе постоянно наличествующего процесса ставиться под сомнение» [См.: 6, pp. 6, 34].

Можно прийти к выводу, что принцип *uti possidetis* представляет собой крайне важную доктрину, составляющую базис процесса образования государства, формирования их правовой базы согласно международному праву. По своей сути, этот принцип предопределяет, что новые государства обретают независимость в тех границах, которые они имели, будучи административными образованиями в рамках территорий либо колониальной державы, либо уже независимого государства. Цель этой доктрины вытекает из сути Хельсинских соглашений и заключается в подчеркивании принципа стабильности государственных границ, но одновременно эта наделяет новое государство легитимностью. «Эта легитимность может вытекать из границ, которые первоначально были международными границами, или из границ, которые первоначально были внутренними разграничительными линиями. В первом случае будет, разумеется, применяться норма, касающаяся преемства государств в отношении границ, установленных договорами. Однако норма относительно преемственности международных границ представляет собой общий принцип и

будет также применяться, независимо от того, как были установлены эти границы, например посредством признания или посредством международного арбитражного решения» [См.: 2, с. 36]. В Деле Буркина-Фасо/Мали Международный Суд убедительно заявил, что «обязательство уважать ранее существовавшие международные границы в случае правопреемства государств вытекает из общей нормы международного права» [См.: 7, pp. 554, 566. См. также 8, pp. 18, 65-66].

Азербайджанская Республика, основываясь на этих нормах, зафиксировала в ч. III статьи 11 Конституции, что государственные границы могут изменяться только путем референдума, проводимого по решению Милли Меджлиса Азербайджанской Республики среди всего населения Азербайджана, на основе волеизъявления народа Азербайджана. Эти юридические гарантии целостности Азербайджанского государства имеют не только внутригосударственный, но и geopolитический смысл.

Применительно к недавней истории образования постсоветских государств это означает, что принцип *uti possidetis* действует в контексте передачи суверенитета и создания нового независимого государства и обуславливает этот процесс. С обретением новым государством независимости, в силу вступает норма территориальной целостности государства в целях обеспечения защиты его территориальных пределов.

В статье 2(4) Устава ООН провозглашается, что «все Члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства...». Это один из основополагающих принципов ООН. Международный Суд в решении по делу о Никарагуа процитировал с явным одобрением комментарий Комиссии международного права (КМП) к проекту текста Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года о том, что закрепленный в Уставе запрет на применение силы в отношениях между государствами является «одним из показательных примеров» *jus cogens* [См.: 9, 247]. На практике это означает, что любой договор, вступающий в прямое противоречие с запретом на применение силы,

будет недействительным в силу статей 53 или 64 Венской конвенции [См.: 10, 140, 154]. В унисон звучит статья 52 Венской конвенции, касающаяся принуждения государства, которая предусматривает следующее: «Договор является ничтожным, если его заключение явилось результатом угрозы силой или ее применения в нарушение принципов международного права, воплощенных в Уставе Организации Объединенных Наций» [См.: 10, 153]. Еще в 1973 году в решении по делу «Об юрисдикции над рыбными промыслами» Международный Суд постановил следующее: «Не вызывает сколько-нибудь сильных сомнений, что, как это подразумевается в Уставе Организации Объединенных Наций и признается в статье 52 Венской конвенции о праве международных договоров, согласно современному международному праву, соглашение, заключенное в результате угрозы силой или ее применения, является ничтожным» [См.: 11, 14]. Как следствие, любой договор об уступке территории, согласно которому государство-агрессор предполагает получить законный титул над территорией в результате обретения ее с помощью незаконной силы, является ничтожным *ab initio*. Намик Алиев приходит к выводу, что большинство ученых, цитируя статью 2(4) Устава ООН, делает акцент на словах «против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства». Вместе с тем необходимо отметить, что другая часть этого же предложения гласит: «так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Организации Объединенных Наций». Вывод заключается в том, что этот запрет является всеобъемлющим и охватывает все случаи межгосударственного применения силы в «международных отношениях» между государствами - членами Организации Объединенных Наций, за исключением случаев, предусмотренных в Уставе [См.: 2, с. 37-38].

Не выдерживает критики и позиция, пытающаяся установить приоритет права народов распоряжаться своей судьбой (или как его политизировано называют «правом народа на самоопределение») над принципом территориальной целостности государств. Европейский суд по правам человека в Страсбурге в своей практике рассматривает права меньшинств исключительно в контексте неделимости государств, к которым те принадлежат. Так, в деле Объединенная Коммунистическая партия Турции и

другие против Турции он недвусмысленно заявил, что право на самоопределение должно осуществляться совместно и посредством демократической реструктуризации, и без разрушения территориальной целостности Турции [См.: 12, pp. 1-43, at pp. 26-27, para. 56].

По мнению одного из признанных юристов-международников «для государств уважение их территориальной целостности имеет первостепенное значение... Эта норма играет важнейшую роль в международных отношениях» [13, р. 6]. Другие авторитеты подчеркивали, что «мало какие принципы в современном международном праве укоренились настолькоочно, как принцип территориальной целостности государств» [14, para.2.16]. По их мнению, уважение территориальной целостности государств может рассматриваться как норма *jus cogens*, и, вне всяких сомнений, тот аспект этой нормы, который запрещает агрессию против территориальной целостности государств, имеет статус императивной нормы [14, para.66].

Вопросы ответственности за положение на оккупированных территориях и других, связанных с ними аспектов, наглядно усматриваются из дела «Чирагов и другие против Армении» [См.: 15]. 12 декабря 2017 года Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) вынес окончательное решение по этому делу. Верхняя палата ЕСПЧ вынесла решение об удовлетворении ущерба, нанесенного гражданам Азербайджана в результате армянской агрессии. В 2005 году жители Лачинского района Азербайджана Эльхан и Адыширин Чираговы, Рамиз Джабраилов, Акиф Гасанов, Фахраддин Пашаев и ныне покойный Гара Джабраилов направили в Европейский суд по правам человека обращение, требуя удовлетворения морального и материального ущерба, нанесенного им в ходе армянской агрессии и нарушения их гражданских прав. Истцы в своих требованиях опирались на Европейскую конвенцию о правах человека, в частности на ее положения "О неприкосновенности частной собственности", "О защите частной жизни", "О праве на справедливое судебное решение". Как известно, эти положения имплементированы в конституционное право и Азербайджана, и Молдовы. Первое заседание по этому делу верхняя палата ЕСПЧ провела в 2010 году. В 2011 году в ЕСПЧ посчитали, что жалоба Чирагова и других находится вне юрисдикции Европейского суда по правам человека, и по этой причине вернула эту жалобу обратно. Однако 16

июля 2015 года ЕСПЧ принял решение о том, что факты, изложенные в иске "Чирагов и другие против Армении", подпадают под определенные положения и статьи Европейской конвенции о правах человека.

Особенность данного дела, заключалась в том, что нарушение прав истцов происходило на суверенной территории Азербайджанской Республики. Однако при этом ответственность за эти нарушения несет Республика Армения, которая на тот момент оккупировала 20% территории Азербайджана. Для установления факта нарушения прав Чирагова и других Европейским судом необходимо было доказать, что оккупированная территория находится под контролем Армении. В предыдущем решении Европейского суда указывалось, что не только Лачинский район, но и 1. бывшая Нагорно-Карабахская Автономная Область и окружающие ее 7 районов Азербайджанской Республики находятся под эффективным контролем Республики Армения. Со ссылкой на Положения о законах и обычаях². сухопутной войны от 1907-го года указывалось, что понятие эффективного контроля фактически³. относится к понятию военной оккупации. То есть в решении Европейского суда подтверждался факт оккупации территории Азербайджана Республикой Армения.

ЕСПЧ установил, что незаконный режим в⁴. Нагорном Карабахе существовал лишь благодаря военной, политической, экономической, финансовой, административной и иной помощи Республики Армения. Кроме того, в решении было доказано, что суды Республики Армения осуществляли юрисдикцию на этой территории⁵. Следовательно, Армения несла полную ответственность за происходящее на оккупированной территории. Кроме того, был разрешен вопрос ответственности Республики⁶. Армения. Было установлено нарушение права⁷. собственности и права на проживание в своем доме⁸. азербайджанских вынужденных переселенцев⁹. Европейский суд подтвердил право граждан Азербайджана на возвращение в свои дома, право пользования ими своим имуществом и землей. В¹⁰. своем решении ЕСПЧ указал на оккупацию азербайджанских земель вооруженными силами¹¹. Республики Армения, проведение политики этнических чисток против азербайджанского народа, а также установил, что Республика¹². Армения несет ответственность за продолжение имевшей место на тот момент ситуации.

Таким образом, ЕСПЧ положил конец измышлению о статусе так называемой «Нагорно-Карабахской республики» как независимого государства. Республика Армения была лишена возможности где-либо заявлять, что это образование существовало самостоятельно, а армянское правительство не несло ответственности за осуществляющую им деятельность на оккупированных в течение почти 30 лет территориях.

Восстановление Азербайджаном своей территориальной целостности, освобождение земель от оккупации явилось реализацией как международных, так и усовершенствованных национальных (конституционных) правовых норм.

Библиография:

1. О руководящих принципах признания новых государств в Восточной Европе и Советском Союзе. Декларация Европейского Сообщества от 16 декабря 1991. - International Legal Materials, 1992, № 31, pp. 1486-1487, at p. 1487
2. Алиев, Намик. Международное право и нагорно-карабахский конфликт. – Москва: Вече, 2013, с.35
Действующее международное право. В 3-х томах. Составители Ю.М.Колосов и Э.С.Кривчикова. Том 1. – Москва: Издательство Московского независимого института международного права, 1996
3. Eide A. Territorial integrity of States, minority protection and guarantees for autonomy arrangements: approaches and roles of the United Nations. Local self-government, territorial integrity and protection of minorities. – Strassburg: Council of Europe Publishing, 1996
4. Mullerson R. The Continuity and Succession of States, by Reference to the Former USSR and Yugoslavia, 42 International and Comparative Law Quarterly 473, 486(1993)
5. Temple of Preah Vihear. – ICJ Reports, 1962
6. Дело Буркина-Фасо/Мали. - ICJ Reports, 1986
7. Дело Тунис/Ливия. - ICJ Reports, 1982
8. Report of the International Law Commission to the General Assembly, 18th Session, [1966] II Yearbook of the International Law Commission 172
9. Vienna Convention on the Law of Treaties, 1969, [1969] United Nations Juridical Yearbook
11. Fisheries Jurisdiction case (Jurisdiction of the Court) (UK v. Iceland), [1973] Reports of the International Court of Justice 3
10. United Communist Party of Turkey and Others v. Turkey, ECtHR Judgment (Merits and just satisfaction), 30 January 1998, Reports 1998-I № 62

11. Kohen, M.G. «Introduction» in M.G.Kohen (ed.), Secession: International Law Perspectives. – Cambridge, 2006
12. Opinion on the «Territorial Integrity of Quebec in the Event of the Attainment of Sovereignty» by Professors Franck, Higgins,
- Pellet, Shaw and Tomuschat on 8 May 1992.
– <http://www.uni.ca/library/Sexperts.html>
13. Дело «Чирагов и другие против Армении». –
[https://hudoc.echr.coe.int/eng#{"sort": \[{"kpdate%20Descending"}\], "itemid": \["001-108383"\]}}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{)

Гасан АЛИЕВ (Азербайджан),
магистр Конституционного права

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ НОРМ И СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ ПО ВОПРОСАМ, СВЯЗАННЫМ С ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМИ КОНФЛИКТАМИ, НА ПОЛОЖЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

Резюме. В данной статье рассматривается влияние международно-правовых норм и судебных решений на вопросы, связанные с территориальными конфликтами, и их взаимодействие с положениями конституционного права. Автор анализирует основные международные договоры и прецеденты, касающиеся территориальных споров, а также их применение в национальных юрисдикциях. Особое внимание уделяется тому, как международные обязательства и решения международных судов формируют правоприменительную практику в странах, испытывающих территориальные конфликты. Исследуется, каким образом данные нормы влияют на конституционные процессы и защищают права граждан в контексте конфликтов. Статья также поднимает вопросы о балансе между международными обязательствами и национальным суверенитетом, а также о роли правозащитных механизмов в разрешении споров на уровне конституционного права.

Ключевые слова: международное право, конституционное право, территориальные конфликты, судебные решения, международные нормы, правоприменительная практика, суверенитет, правозащитные механизмы, национальные юрисдикции, прецеденты.

Hasan ALIYEV (Azerbaijan),
Master of Constitutional Law

THE INFLUENCE OF INTERNATIONAL LEGAL NORMS AND JUDICIAL DECISIONS ON ISSUES RELATED TO TERRITORIAL CONFLICTS ON THE PROVISIONS OF CONSTITUTIONAL LAW

Summary. This article examines the impact of international legal norms and judicial decisions on issues related to territorial conflicts and their interaction with the provisions of constitutional law. The author analyzes the main international treaties and precedents concerning territorial disputes, as well as their application in national jurisdictions. Special attention is paid to how international obligations and decisions of international courts shape law enforcement practice in countries experiencing territorial conflicts. The article examines how these norms affect constitutional processes and protect the rights of citizens in the context of conflicts. The article also raises questions about the balance between international obligations and national sovereignty, as well as the role of human rights mechanisms in resolving disputes at the level of constitutional law.

Keywords: international law, constitutional law, territorial conflicts, judicial decisions, international norms, law enforcement practice, sovereignty, human rights mechanisms, national jurisdictions, precedents.

Alina AMIRLI (Azerbaijan),

Master student of International Relations and Diplomacy
at the Academy of Public Administration under
the President of the Republic of Azerbaijan

CYBERCRIME AND LEGAL REGULATION: PERSONAL DATA PROTECTION AND CYBER SECURITY IN THE DIGITAL AGE

In modern times, the development of the information society, the large scale of globalization, as well as the spread of technology and information environment to transnational crimes in this field and new in the national law of countries led to the creation of the category of crimes. Activities related to the improvement of ICT in the international world and effective management of this system made it necessary to set it in legal order.

Developed countries make extensive use of ICT, speeding up processes and saving human resources. This form of information exchange helps the formation of civil society by making legal processes and public administration more efficient. Thanks to the development of ICT, "electronic democracy" and "electronic state" are emerging in public administration. In turn, the management of state power, the provision of human rights and social-legal equality between people, the state's electronic management system balances trust in the government and other democratic values.

According to scientists, in recent times, average personal computers have surpassed the capabilities of the human brain will pass, in 2029 the electronic intelligence will be 1000 times greater than the human mental capacity. Fifty million it took 38 years for radio and 13 years for television to cover the audience. In 1993 on the global network while there were only 50 pages, today they number in the billions. The number of Internet users in the world last year It exceeded 3.8 billion. This is more than half of the world's population. 53% of Internet users are Asia-Pacific Oceania, Europe 15%, Africa & Middle East 13%, Latin America 10%, North America 9%, China 21%, China 12% It fell to India and the United States. 24 percent of the world's population using the Internet in 2009 if it was, last year this number increased to 51 percent. This is the dynamic development of ICT and social relations, he including the impact on national and international law [4].

Appearing in connection with the operation of computer systems and programs, ICT, as well as the

Internet selection and application of appropriate mechanisms for effective regulation of public relations is important. As a result of the weakness of legal regulation, today computer crimes are criminal has become the most dangerous type of odes [5,6]

In cyberspace the arrangement eliminates space and time constraints traditional approaches and mechanisms in relation to the rise does not give the necessary effect when it is carried out through. Made to the information infrastructure attacks, mainly of computer systems or data intentional damage, deletion, corruption, alteration, through blocking, falsification, or interception are carried out, which are also about Cybercrime Convention, as well as the Republic of Azerbaijan Crime According to the Code, organizing acts considered as cybercrime does [1, p. 56].

Related to cybercrime developed by Symantec Corporation report that 50% of adults worldwide use the Internet about facing cybercrime or other negative online situations data, in general, of the weakness of cybercrime fighting mechanisms can be taken as an indicator. In April and May 2007, one of the Republic of Estonia a number of government, media, banking and other important websites were subjected to cyber attacks precisely because of the lack of necessary protection measures and mechanisms resulted in significant damage [2, p. 9].

In our modern era, as the use of ICT by people in all areas of life becomes widespread, it leads to an increase in their electronic footprints. This also applies to traces left in criminal cases. Therefore, both relevant electronic evidence cybercrimes and the use of ICT are particularly important for the investigation and appropriate sentencing of those crimes. It should also be noted that these evidences do not affect the initiation or dismissal of criminal proceedings. Simply, the important details of the incident during the preliminary investigation are sufficient factual information and legal basis for the examination during the trial. After that, that information is crucial in achieving efficiency in trial and sentencing.

Each of these stages to comply with one's procedural requirements identification, acquisition, storage, analysis, litigation of electronic evidence it is necessary to submit to the review. This is special from law enforcement agencies requires the application of technical programs, mechanisms, methods and tools. These requirements Some of the work of law enforcement agencies is related to the use of ICT although it is helpful in some aspects, it makes it difficult in a number of cases [2, p. 10].

A. Information volume and transmission speed.

Large stored in modern computer memories and transmitted over networks This is the selection and analysis of information for the purpose of research It is one of the main difficulties in the direction [3]. It is another aspect that complicates the situation for law enforcement agencies is that the transmission of information containing the elements of the crime, mainly it is done in a very short time – just a few seconds. This is research that there is too limited time to collect the necessary evidence for the purpose means at the same time, electronic evidence is easily in a very short time can be changed, completely destroyed operative in the criminal prosecution process and requires more careful handling. In addition, from other types of material evidence on the contrary, considering that the slightest carelessness can completely lose the importance of evidence It should be noted that the electronic evidence obtained during the investigation the use of a copy or image for the protection of their original, each in one case, it is more appropriate. In addition, it should be noted that the cloud acceleration of the transition to technologies (Cloud Computing) in the future of cybercrimes Before collecting the electronic evidence necessary for the investigation, one of the sufficiency will create the problem of a little difficulty and the collection of necessary and reliable evidence will limit [2, p. 11].

B. Location of Information, Anonymity and Confidentiality

ICT has a role to play in addressing the technological side of electronic evidence challenges and although it has opportunities, the solution of the legal aspects of the problem depends on the application of the relevant regulatory and legal mechanisms. Investigation and investigation of cybercrimes along with the application of adequate investigative tools and means, with electronic evidence also requires compliance with relevant procedural rules and legislation. Just improving national legislation to fight cybercrime does not ensure effectiveness and efficiency. Because the object and subject of the crime

transnational, realized without the need for physical proximity or contact between them In addition to jurisdictional issues, the investigation of cybercrime in nature, electronic it also creates difficulty in collecting evidence. So, in a number of cases cybercrime Difficulty in locating the perpetrator of that crime obstacles to obtaining electronic evidence that is important for creates. At the same time, most of the infrastructure is private or privately owned its presence requires the cooperation of law enforcement agencies with various sectors. In this sense, another noteworthy point is life through cyberspace ensuring anonymity and confidentiality in information exchanges there is a wide range of opportunities for Such opportunities during the realization of cybercrimes Widely used by law enforcement officers during the investigation of crimes complicates legal processes such as gathering and evaluating evidence.

Only to the owner of the information and encrypting it based on algorithms known to the addressee of programs and technologies that provide a higher level of confidentiality Availability for Internet users in this sense of anonymity in the face of research creates a greater barrier. Password by key password research authorities Eliminates the impossibility of availability of information that can be obtained from the owner raises But in addition to anonymity, all encrypted through such programs communications and electronic documents against lawful interceptions and searches gains immunity, and such electronic transfers are carried out in any state can be out of control. The use of these methods in the commission of cybercrimes in recent years Evidence of anonymous and encrypted information and documents, taking into account the rapid increase collection, inspection, evaluation, storage as well it is necessary to improve the normative-legal as well as the scientific-technical base [2, p. 12].

C. Access to the international level

Area in transactions carried out through modern computer networks national traditional criminal-legal mechanisms operating under their jurisdictions to be able to easily go beyond the spheres of influence for the commission of cybercrimes Despite creating new opportunities and goals, one before their exploration causes a number of difficulties. Because cyberspace is divided into territories and jurisdictions does not operate and the area where the working mechanism is applied in physical space does not depend on its limitations. Therefore, transnational cybercrime adapted to the requirements of physical space in investigation and prevention it is not possible

to ensure effectiveness through legal mechanisms. With cybercrime comprehensive, efficient and effective fighting and their investigation collection of electronic information necessary during international cooperation, especially stipulates mutual legal and technical assistance between countries [2, p. 12].

Legal regulations against cybercrime

Council of Europe (CoE) signed in Budapest in 2001 and in 2004 entered into force Cybercrime or the Budapest Convention with cybercrime It can be considered a historical achievement in the fight and a leader in the relevant field to this day and is the most widely cited international document. Until February 2014 Budapest Convention signed by 49 countries, ratified by 41 countries has been done. The Budapest Convention is also open to non-EEC countries and is a regional agreement is not considered. The United States, Canada, Japan and South Africa, which are not members of the Council of Europe signatories, the United States and Japan, Australia, the Dominican Republic and Mauritius The Republic has ratified [2, p. 13].

The UN, especially by its main bodies, the General Assembly and the Economic and Social Council adopted a number of resolutions in the field of combating cybercrime from the very beginning of the 21st century has done. Thus, in 2001, the General Assembly adopted the "Information Technologies the resolution (A/RES/55/63) entitled "combating criminal abuse" was adopted. This resolution states that states in the fight against anyone who abuses information technology, their security they will play an active role in providing it within their internal powers. Besides, it is emphasized there that the transnational problems related to this field are coordinated by all the states that have agreed should be researched [4].

In its 2013 statement, the UN Office on Drugs and Crime emphasizes that In 2011, approximately 2.3 billion people (about a third of the world's total population) had access to the Internet has been. In 2017, the number of mobile and electronic users made up 70 percent of the world's population as a whole did. By 2020, one out of every 6 people on the planet will use the Internet may not have a user. And imagining "computer crimes" in tomorrow's hyperconnected world so it will be difficult and most likely every Internet Protocol (IP) related and not related to electronic element any criminal act. As can be seen from these views, there is actually more international cooperation regarding cybercrimes It is important for the protection and safety of humanity from present and future threats [4].

Universal and regional in the regulation of relations in the field of combating cybercrime one of the most important scientific tools related to the role of international agreements is organized in this field are international conferences, seminars, congresses, symposiums and forums. These are, of course, the beginning of cooperation is very important for the construction of lines. Issues of international legal cooperation in the field of combating cybercrime in the new era When reviewing the I Interpol on Computer Crime held in April 1995 in this field The international conference should be specially mentioned. Law enforcement and special service agencies of 49 countries The conference was held with the participation of representatives, employees of large banks and experts preliminary form of cooperation in the direction of the formation of the international legal treaty base on crimes is considered. Universal international on the regulation of relations in the field of combating cybercrime One of the events of exceptional importance in the formation of agreements was held within the framework of the UN in 2000 X Congress on Crime Reporting and Offender Treatment and the level of growth of cybercrimes in the world is especially noted, in the field of high technologies the expansion of types of crimes and the emergence of new manifestations of this type of acts were emphasized [4].

In January 2001, the European Commission "Modernization of information infrastructure and Adoption of the Communiqué on creating a secure information society by fighting cybercrimes did. This document is the basis of the European regional policy against crime in the field of high technologies strengthened. However, this Communiqué is a recommendation to member states against cybercrime does not include general mandatory rules for the implementation of the struggle. Treaty mechanisms on cybercrime within the EU also provide a number of further strategies and led to the adoption of action plans, as well as the formation of institutional structures. April 26 In 2010, at the 3010th (Luxembourg) meeting of the Council of Ministers of the EU, on the fight against cybercrimes Action Plan for the implementation of the joint strategy, 4 June 2012 European Cybercrime The draft decision of the EU Council on the establishment of the Center was adopted [4].

Bibliography:

1. Balajanov Elvin, "Fighting cybercrime: challenges and opportunities" University

of Leeds, Leeds, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, May 2015, p 56

2. Heydarov. H. M, "Convention of Cybercrime" lecture, Police Academy, Baku, June 2019, p 9-13

3. Balajanov Elvin, The role and importance of legal regulation and criminal-legal norms in the fight against cybercrime // Azerbaijan Law Journal. 2020 (No. 1), p. 26-37

4. Police Academy , Understanding cybercrime as a transnational crime: individual trends and conceptual perspectives.

https://www.google.com/url?sa=t&source=web&rct=j&opi=89978449&url=https://www.pa.edu.az/library/8/61/kibercinayetlerin_anlayishi_ferqli_tendensiyalar_ve_konseptual_baxishlar.pdf&ved=2ahUKEwiD0fv2mf6IAxXHSPEDHRExAqUQFnoECDQQAQ&usg=AQVaw1CChOxyNNWtCk03W-bIjZj____(date of application 06.10.2024 ,20:15)

5. Lessing L., Code and Other Laws of Cyberspace, New York: Basic Books, 1999. p 297

6. Scott C., 'Analysing Regulatory Space: Fragmented Resources and Institutional Design' (2001) Public Law. p 283-285

Alina AMIRLI (Azerbaijan),

master student of International Relations and Diplomacy at the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Azerbaijan

CYBERCRIME AND LEGAL REGULATION: PERSONAL DATA PROTECTION AND CYBER SECURITY IN THE DIGITAL AGE

Summary. Starting from the 1980s, cybercrime, with its modern name, is one of the main problems of the time, whether at the household or state level. Although ICT makes our life easier, information security is in doubt. Apart from these people, it is a source of real danger for the states. In addition to playing an important role in ensuring the efficiency of public administration, the databases where important state information is stored are directly connected to ICT. The existence of a weak security system will create conditions for obtaining such information.

Like climate change, global warming, and terrorism, cybercrime is a global problem that must be solved not by one state, but by the nations of the world together. Although legal regulations play a decisive role in other types of crime, in cybercrime the concepts of time and space disappear, as well as the rapid development of technology, puts the legal system somewhat in the background.

As a result, states and international organizations cooperate by signing international, regional and bilateral agreements and implement effective legislation in order to prevent cybercrime - the Budapest Convention was the main document that laid the foundation for the mentioned processes. In addition, certain decisions on cybercrime have been adopted within the UN, European Union, CIS and Eastern countries.

Keywords: ICT, Cybercrime, Cybercrime Convention, Legal solution of Cybercrime, computer, Internet

Алина АМИРЛИ (Азербайджан),

магистрант Академии Государственного Управления при Президенте Азербайджанской Республики

КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ: ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ И КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Резюме. Начиная с 1980-х годов киберпреступность в современном названии является одной из главных проблем современности, как на бытовом, так и на государственном уровне. Хотя ИКТ облегчают нашу жизнь, информационная безопасность находится под вопросом. Помимо этих людей, это источник реальной опасности для государств. Базы данных, в которых хранится важная государственная информация, не только играют важную роль в обеспечении эффективности государственного управления, но и напрямую связаны с ИКТ. Наличие слабой системы безопасности создаст условия для получения такой информации. Подобно изменению климата, глобальному потеплению и терроризму, киберпреступность — это глобальная проблема, которую должны решать не одно государство, а народы мира вместе. Хотя правовое регулирование играет решающую роль и в других видах преступлений, в киберпреступности исчезают понятия времени и пространства, а бурное развитие технологий ставит

правовую систему несколько на второй план. В результате государства и международные организации сотрудничают, подписывая международные, региональные и двусторонние соглашения и внедряя эффективное законодательство в целях предотвращения киберпреступности – Будапештская конвенция стала основным документом, заложившим основу для упомянутых процессов. Кроме того, определенные решения по киберпреступности приняты в рамках ООН, Евросоюза, стран СНГ и Востока.

Ключевые слова: ІСТ, Киберпреступность, Конвенция о киберпреступности, Правовое решение киберпреступности, компьютер, Интернет.

Аян АЛИЕВА (Азербайджан),
докторант кафедры «Регионоведения»
Азербайджанского Университета Языков

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ СТРУКТУРЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

В большинстве развитых демократий, включая страны Европы, США и другие, местное самоуправление имеет правовую основу, что подтверждается такими документами, как Европейская Хартия местного самоуправления, конституции Германии и Австрии, а также законодательные акты Швейцарии и отдельные законы Великобритании и Соединенных Штатов. В большинстве случаев местным властям предоставлены значительные полномочия [1].

Для правильного толкования значения местного самоуправления необходимо обязательно понимать, что задачи повседневного управления населением решаются в первую очередь на коммунальном, а не на государственном уровне. От момента рождения и до самой своей смерти отдельный человек опутан сетью коммунальных отношений. Ведь община и ассоциации общин отвечают за функционирование учреждений здравоохранения, образования, культуры, спорта, социального обеспечения, отдыха, экономики, а также за водоснабжение, электроэнергетику, очистку воды и сбор мусора, а также за уборку улиц. Они также заняты разработкой планов развития территорий, строительством дорог, организацией служб спасения и пожаротушения, а также ведут хозяйственную деятельность и другие подобные мероприятия [3].

Согласно X поправке к Конституции США, организация местного самоуправления относится к ведению штатов. Большинство штатов регламентирует ее лишь в самой общей форме. Более 40 штатов предусмотрели в своих конституциях положение о том, что их законодательные собрания не вправе принимать законы, детально регламентирующие местное управление. Отсюда большая свобода в организации и деятельности органов местного самоуправления, в особенности городского (муниципального), обилие нестандартных учреждений и полномочий.

Местные учреждения занимаются вопросами социального обслуживания: школьным

образованием, библиотечным делом, местами отдыха, социальным обеспечением. Второе место занимают вопросы административно-управленческие: поддержание порядка (прежде всего, управление полицией), обеспечение противопожарной охраны и правосудия, сбор налогов, проведение выборов, запись актов гражданского состояния, контроль за качеством товаров. В меньшей степени местные органы занимаются хозяйственными делами, так как в этой сфере господствуют частные предприниматели. Органы местного самоуправления руководят принадлежащими им предприятиями и службами, управляют своим имуществом и, как правило, только косвенно регулируют деятельность частных предприятий. Они также строят муниципальное жилье, устанавливают ставки арендной платы, занимаются реконструкцией городов, строительством и эксплуатацией дорог, гаваней, аэропортов, развитием территории (в том числе отводом и эффективным использованием земель и другими вопросами землепользования) и охраной окружающей среды.

Создание и функционирование местных органов власти в США регулируются исключительно законодательством штатов, которое исторически имело тенденцию к предоставлению гражданам широкой свободы самоуправления. Наиболее распространенной административной единицей в составе штата традиционно является графство. Совет графства и основные должностные лица избираются населением. На уровне властей округа осуществляется контроль за состоянием местных дорог, содержанием мест заключения, больниц, рекреационных зон и т.д.

Формы самоуправления на более низком уровне отличаются еще большим разнообразием. Наиболее распространенными являются муниципалитеты, городские советы (часто во главе с мэром), и «тауншипы» в сельской местности. Иногда существует избираемый населением совет

управляющего для руководства городским хозяйством.

Корни современного самоуправления Германии уходят во времена наполеоновских войн. В качестве ответной реакции на них в Германии были проведены радикальные реформы, коммунальные аспекты которых нашли отражение в Прусском городском уложении 1808 г.

В настоящее время в основе местного самоуправления лежит самоопределение граждан в рамках административно-территориальных единиц, организованных по принципу децентрализации [4]. С одной стороны, речь идет о противодействии государственному централизму: решения должны приниматься децентрализовано, на местах, т.е. предоставить людям на местах самостоятельно решать свои проблемы. С другой стороны, общины являются основой демократического государственного порядка. Во главе их стоят демократически избранные народные представительства и выбранный, обычно напрямую, народом бургомистр.

В Германии существуют два субъекта местного управления: общины и районы. В то время как общины занимаются решением вопросов, касающихся их территории и проживающих на ней жителей, районы являются органами общественного управления более высокой ступени. Они объединяют несколько общин и определяются конституцией страны как общинные объединения. При этом они играют также роль своеобразного компенсатора различных организационных и финансовых возможностей общин. Так же как и общины, они имеют законные демократические (выбранные гражданами) народные представительства. Управленческие органы общин и районов вовсе не взаимоисключают, а скорее дополняют друг друга. Как правило, каждый проживающий в Германии является одновременно жителем общины и района. Следует отметить, что общины и их объединения не только не имеют право, но в ряде случаев обязаны сотрудничать между собой. Общины и районы могут также создавать самостоятельные субъекты права, например, различного рода публично-правовые учреждения и хозяйствственные предприятия. Право общин и районов на самоуправление обеспечивается не только обычным законом, но и конституцией страны.

Общины получают полную компетенцию в вопросах, касающихся совместного проживания и существования членов общины и имеющих для них

значение именно как для членов данного коммунального образования. Конечно, законодатель в силу своих прав может учредить для местной общины какие-либо иные полномочия. Однако при этом законодатель должен ограничиваться рамками, в которые он поставлен конституционно-правовыми гарантиями самоуправления.

Что касается районов, то их правовое положение иное. У них нет конкретной сферы деятельности, непосредственно гарантированной конституцией.

Можно констатировать, что суть самоуправления в Германии заключается в возможности решать собственные проблемы под собственную ответственность. Ответственность же означает свободу от государственного вмешательства. Таким образом, общинаам и районам должна предоставляться своя собственная сфера самостоятельной деятельности. Ими должна вестись регулярная работа по принятию самостоятельных решений в сфере их компетенции [4].

Следует отметить, что конституционно-правовые гарантии местного самоуправления обеспечивают ему право на судебную защиту. Общины являются непосредственными носителями государственной власти, а не общественными инстанциями. В то же время положения о самоуправлении предоставляют общинаам и районам субъективные права в отношении всех других носителей государственной власти, которые должны учитываться всеми судами.

Как правило, все общины состоят из двух основных органов: местного народного представительства как органа принятия решений и главного исполнительного органа, который, как правило, носит единовластный (бургомистр) или, порой, коллегиальный (магистрат) характер. Поскольку коммунальное право относится к ведению земель, то внутреннее строение общин и районов может различаться в деталях.

Финансированию деятельности общин придается важное значение, поскольку без финансирования никакое местное самоуправление функционировать не может. Конституция страны и земельные конституции содержат финансовые гарантии в отношении общин и районов.

Административная деятельность общин является, по своей сути, деятельностью по организации оказания услуг. Поэтому в

положениях об общинах отмечается, что общины в рамках своей деятельности создают общественные учреждения, необходимые для хозяйственного, социального и культурного обслуживания своих жителей. К ним относятся, например, музеи, бассейны, библиотеки, транспортные предприятия, дома престарелых, детские сады, театры, ночлежки для бездомных, парки. Все жители в соответствии с действующим правом могут пользоваться общественными учреждениями и должны платить за это.

В организационной деятельности общины и районы имеют широкие возможности для инициативы. Например, если им не с руки самим организовывать предоставление услуг гражданам, они могут привлечь в этих целях какое-либо частное предприятие, которое будет действовать по поручению общины, или организовать с частником совместное предприятие.

Хозяйственная деятельность общин предполагает организацию деятельности предприятий, выступающих на рынке в качестве производителя услуг или по-средника в их предоставлении, включая и участие частных предприятий. Общины имеют право заниматься только такой хозяйственной деятельностью, которая оправдана общественными нуждами, а вид и размеры этой деятельности соответствуют возможностям общины.

Следует констатировать, что коммунальное управление в Германии играет очень важную роль, поскольку граждане страны идентифицируют себя скорее с общиной, чем с государством, и имеют в коммунальной области совсем другие возможности воздействия, чем на государственном уровне. Именно таким образом общинное самоуправление обеспечивает решение проблем, более выгодное гражданам, чем это могло бы быть на федеральном уровне.

В Дании на региональном уровне существуют окружные префектуры. Префект назначается государством, он возглавляет комитет, избираемый на общих выборах. Этот комитет контролирует деятельность муниципалитетов. Он вправе отменить решения муниципальных органов, если они не соответствуют законодательству. Муниципалитеты обязаны представлять в комитет свои финансовые отчеты с тем, чтобы доказать, что их деятельность проводится в соответствии с законодательством.

Для Франции высокая степень централизации местного управления и

самоуправления является исторически традиционной [5]. Здесь достаточно долго существовала система многоуровневой власти на местах, при которой деятельность нижестоящих звеньев в значительной степени определялась (прежде всего, в административном и финансовом смысле) вышестоящими органами управления.

В настоящее время основным звеном местного самоуправления во Франции являются коммуны – муниципальные образования, создаваемые жителями небольших городов и сельских поселений. Каждая коммуна имеет свой представительный орган – совет и мэра, избираемого из числа жителей и выступающего одновременно в качестве государственного служащего и главы местного самоуправления; депутаты муниципального совета, работающие на постоянной основе, образуют муниципалитет. Деятельность мэра осуществляется под контролем муниципального совета и под административным контролем республики. Последний следит за законностью принимаемых коммуной решений и в случае нарушения прав граждан обращается в суд за их отменой.

В Нидерландах бургомистр, являющийся председателем исполнительного органа, назначается королевским указом по рекомендации королевского комиссара по делам данной области после консультаций с муниципальным советом. Он наделен некоторыми государственными полномочиями, на нем лежит ответственность за полицию и пожарные службы. Он вправе, если сочтет, что то или иное решение муниципального органа противоречит законодательству или общим интересам, воздержаться от его выполнения и должен проинформировать об этом исполнительный орган провинции, который выносит вопрос на рассмотрение правительства [5].

В Бельгии мэр избирается не напрямую, а его кандидатура выдвигается партией большинства, избранной по партийному списку. Потом мэр утверждается королем. У мэра есть определенные полномочия, которые отличаются от полномочий совета, например, правопорядок, полиция, пожарные; надзор за деятельностью муниципалитетов осуществляется региональными правительствами и правительством провинции. Кроме того, любой гражданин может обратиться в администрацию с жалобой на деятельность муниципалитета.

Законодательство Бельгии предусматривает разные формы межкоммунального объединения [5]. Межкоммунальные объединения в Бельгии представляют собой некоммерческие ассоциации с четко определенными вопросами в интересах коммун. Они создаются на добровольной основе как акционерные общества, кооперативы или ассоциации с неимущественными целями.

Конституция Италии подчеркивает, что представительная система в стране организована в соответствии с требованиями децентрализации. Так, основной закон признал необходимость местной автономии в рамках государства. В соответствии с этим принципом в Италии была создана система демократической власти, территориально расчлененная на три составляющих: коммуну, провинцию и область. Они, согласно конституции, должны обладать и автономией, и законодательной властью, им должно быть доверено выполнение государственных функций, с тем, чтобы дать народу возможность участвовать в местном самоуправлении.

Муниципальная система Италии принадлежит к так называемому французскому типу. В Италии, как и во Франции, во всех территориальных единицах обязательно должны быть представители центральной власти.

В целом, анализируя законодательство о местном самоуправлении ряда стран, можно сделать вывод, что муниципальная власть в США, а также в европейских странах находится под надежной опекой государства в части соблюдения ее прав и интересов, а также независимости в принятии решений.

Таким образом, в качестве основополагающей тенденции развития муниципальной власти можно выделить стремление к оптимальному сочетанию самоуправления со свойственной ему определенной автономией, самостоятельностью и государственным управлением на местном уровне, что позволит обеспечить в деятельности муниципальных органов реализацию и защиту общенациональных интересов [6].

С 1985 г. в Европе создана новая базовая основа для местного самоуправления – «Европейская хартия о местном самоуправлении», принятая Советом Европы. В четвертой статье этой Хартии регулируется объем местного самоуправления, в ней устанавливается, что: «осуществление государственных полномочий, как

правило, должно преимущественно возлагаться на органы власти, наиболее близкие к гражданам. Предоставление каких-либо из этих полномочий иному органу власти должно производиться с учетом объема и природы поставленной задачи, а также требований эффективности и экономии». Эта формулировка отражает принцип, значение которого в современной жизни демократического государства постоянно должно возрастать. Данный принцип предполагает, что органы власти, стоящие над муниципальными образованиями, т.е. региональные и федеральные органы власти, должны брать на себя осуществление только тех полномочий, которые не выполнены на местном уровне [7].

Представляется, что наиболее полно принципы самостоятельности местного самоуправления реализованы в Швейцарии [8]. Базируясь на том, что вся власть исходит от народа, в Швейцарии на первом месте стоят муниципальные образования – общины. Именно они образуют основу государственной политической структуры. Статус общин не зависит от их величины и является одинаковым по всей стране. Однако существует разница в правах и обязанностях общин. Связано это с тем, что в рамках национального законодательства Швейцарии действует целый ряд конституций, при этом каждая из них относится к отдельному объединению общин (кантону), в определенной общине и соответствующие муниципальные законы. Причем в некоторых вопросах наблюдаются значительные расхождения.

Местное самоуправление в Швейцарии предполагает: право на существование общин, право на объединение общин, право общин на создание собственных политических и административных структур в рамках законодательства и т.д.

Помимо рассмотренных нами административно-территориальных общин в Швейцарии существуют гражданские общины. Эти образования во многих отношениях переплетаются с административно-территориальными общинами, они образуются в виде церковных, школьных и т.п. общин, позволяют гражданам в полной мере реализовывать на практике свои права на осуществление местного самоуправления, что выступает важной и неотъемлемой частью современной демократии. К сожалению, местное самоуправление в Азербайджане как на теоретическом, так и на практическом уровне

очень слабо разработано, поэтому создавая в Азербайджане органы местного самоуправления, возможно, стоит переосмыслить зарубежный опыт. Тем более что вопрос о реформировании муниципальных органов и возник у нас, в том числе, как следствие подписания Европейской хартии местного самоуправления [9].

Действительно, в Азербайджанской Республике управляющие органы на местах часто все еще слабы, а их деятельность зачастую плохо определена и слабо финансируется [10]. В то же время существуют как минимум два фактора, которые свидетельствуют о несомненной пользе местного самоуправления в Азербайджане. Во-первых, это география страны, а именно, существование анклава в составе Республики. Во-вторых, в Азербайджане существует давняя, исторически сложившаяся и устоявшаяся традиция община сходов.

Библиография:

1. Игнатов В.Г., Бутов В.И. Местное самоуправление: российская практика и зарубежный опыт. – Москва, 2005.
2. Емельянов Н.А. Муниципальные системы зарубежных стран: Курс лекций. – Москва, 1998.
3. Шатров И. Муниципальная власть по-европейски. – Москва, 2002.
4. Алебастрова И.А. Муниципальные системы в странах Восточной Европы: конституционные вопросы. – Москва, 1997.
5. Барабашев Г.В., Шеремет К.Ф. Организация и функционирование местного самоуправления (опыт зарубежных стран). – Москва, 1991.
6. Местное управление и самоуправление в России и за рубежом / Отв. ред. В.В. Маклаков, В.И. Фадеев. – Москва, 2000.
7. Баранчиков В.А. Правовые проблемы становления и развития местного самоуправления в РФ. Монография. – Москва, 2005.
8. Бапст Э. В защиту швейцарских общин // Казанский федералист. 2003. № 2.
9. Местное самоуправление в России: Сборник статей / Отв. ред. В.Б. Зотов. – Москва, 2003.
10. Лапин В.А., Любовный В.Я. Реформа местного самоуправления и административно-территориальное устройство России. – Москва, 2005.

Ayan Aliyeva (Azerbaijan),
Phd student of the Department of Regional Studies of
Azerbaijan University of Languages

INTERNATIONAL EXPERIENCE IN THE FORMATION OF THE LOCAL GOVERNMENT STRUCTURE

Summary: This scientific article explores the international experience of the formation of the structure of local self-government, analyzing various models and approaches used in different countries. The author examines the basic principles and fundamental differences in the organization of local government, paying attention to the factors affecting the effectiveness and democracy of this system. As a result of the study, the key factors of the successful functioning of local self-government are highlighted and recommendations for the development of this sphere in Azerbaijan are proposed.

Keywords: local government, municipality, prefecture, European Charter of Local Government, US Constitution

Аян Алиева (Азербайджан),
докторант кафедры «Регионоведения»
Азербайджанского Университета Языков

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ СТРУКТУРЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Резюме: Данная научная статья исследует международный опыт формирования структуры местного самоуправления, анализируя различные модели и подходы, применяемые в различных странах. Автор

рассматривает основные принципы и принципиальные различия в организации местного управления, обращая внимание на факторы, влияющие на эффективность и демократичность данной системы. В результате исследования выделяются ключевые факторы успешного функционирования местного самоуправления и предлагаются рекомендации для развития данной сферы в Азербайджане.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципалитет, префектура, Европейская Хартия местного самоуправления, конституция США

LEGAL AND CONSTITUTIONAL BASIS OF THE MILLI MAJLIS OF THE REPUBLIC OF AZERBAIJAN

Introduction

World experience shows that at the present stage of development it is impossible to imagine developed parliamentarism without periodic parliamentary elections. Because in modern democratic and legal states, elections are an integral part of the institution of popular representation. From this point of view, the full representation and expression of the interests of the people in the legislative body and, indirectly, in legislative norms, is mostly due to the quality and democratic nature of parliamentary elections.

The implementation of the constitutional provisions on the sovereignty of the people is directly and closely related to the effective functioning of representative democratic institutions. This efficiency is achieved by the presence in the legislation of various forms of people's use of their sovereignty, the accumulated experience of their use. As is clear from the provisions of the doctrine, one of the main features of representative democracy is the presence and functioning of representative bodies of power in the country, consisting of specially authorized representatives who represent the interests of the people and are directly elected by the people.

Any organization or institution is guided not only by legislative and legal documents of national importance, but also by organizational and legal documents prepared by the organization (institution) itself (charter, regulations, job descriptions, etc.). As the number of adopted laws increases, the problem of their effectiveness and quality becomes especially urgent. The creation of harmonious legislation is becoming a serious necessity. If the procedural forms of parliamentary regulation are not improved, the successful solution of this task will be very difficult. One of the most important legal acts defining such procedural forms is the Internal Charter of the Milli Majlis (Parliament) of the Republic of Azerbaijan, which reflects the norms of regulations. The main purpose of the regulations is to determine the process of solving individual cases arising in the performance of the functions of parliament, which is the highest representative body.

The subsidiary bodies are responsible for ensuring the activities of the deputies, as well as for the development of draft laws. The subsidiary bodies of the Milli Majlis are not endowed with state power. The scope of functions performed by each subsidiary body is

determined by the regulatory legal acts that govern their activities. In addition to exempting deputies from technical work, the auxiliary apparatus helps to increase their professionalism. All of the above is the constitutional and legal basis for the formation and activities of the Milli Majlis of the Republic of Azerbaijan as a legislative body, in particular, the legal regulation of the electoral system as a mechanism for the formation and representative nature of the Milli Majlis, the role of the Constitution of the Republic of Azerbaijan and the Internal Charter of the Milli Majlis of the Republic of Azerbaijan, as well as the legal status of the subsidiary bodies of the Milli Majlis and their activities are highly relevant.

Results

It should be noted that the development of the electoral system in the country is closely related to the formation of the people's government. Because the elections themselves, in fact, are a form of direct expression of the will of citizens with the aim of forming representative bodies, empowering officials and are the most common mechanism for the formation of government bodies. Therefore, any attempt to provide a real basis for the people's power is always associated with the functioning of the electoral system and electoral law. If the state does not create a clear and qualitative mechanism for the influence of the will and votes of voters on the nature and structure of public authorities, then there are no theoretical and methodological grounds for characterizing the state as a legal and democratic state [28, p. 21-28].

High-quality and effective functioning of the electoral system is one of the necessary conditions and guarantees for the successful implementation of the political rights and freedoms of citizens. Here, first of all, we are talking about the fundamental electoral law, which is very important for the organization of democratic governance and the implementation of the basic principles of such governance.

As you know, government bodies are formed in two ways: by elections and by appointment. However, appointments to senior government positions are also made by elected bodies. Therefore, elections in any case ensure the legitimacy of all higher authorities.

The electoral system plays an important role in the formation of the system of government bodies as a

whole, as well as in the procedure for organizing and holding elections to representative government bodies through elections and voting. From this point of view, the electoral system is associated not only with such an important institution as political parties, but also with the activities of parliament. Thus, in many cases, changes in parliament are associated with changes in the electoral system or certain mechanisms used in the process of holding elections and distributing deputy mandates [20, p. 82-83].

The legislation of the Republic of Azerbaijan fully complies with international standards in the field of the electoral system and electoral law. The basis of the state power of the Republic of Azerbaijan is the will of the Azerbaijani people. The will of the Azerbaijani people is manifested in free and regular elections by secret and personal ballot on the basis of universal, equal and direct suffrage, as well as in a nationwide referendum held by secret and personal ballot on the basis of universal, equal and direct suffrage. The Azerbaijani state guarantees the free expression of the will of the citizens of the Republic of Azerbaijan, protecting the principles and norms of electoral law [3, p. 167].

Elections to the Milli Majlis of the Azerbaijan Republic are regulated by the Constitution of the Azerbaijan Republic and the Election Code of the Azerbaijan Republic. However, the guiding principles for elections to the Milli Majlis are reflected in the constitution, which is the main source of both constitutional law and electoral law. The Election Code and other normative legal acts regulating public relations related to the organization and conduct of elections are based on the provisions of the Constitution and specify these provisions. According to the Constitution, the only source of power is the people, and referendums and elections are the main forms of it will.

According to the first part of Article 55 of the Constitution of the Republic of Azerbaijan citizens of the Republic of Azerbaijan have the right to freely participate in administration of the state. They can exercise this right directly or through their representatives. This right is realized, first of all, through the active (selective) and passive (elected) electoral rights of citizens.

According to Article 85 of the Constitution of the Republic of Azerbaijan, every citizen of the Republic of Azerbaijan enabled with the right to participation in election may be elected, as prescribed by law, as a deputy of the Milli Majlis of the Republic of Azerbaijan. There is no separate chapter on elections in the Constitution of the Republic of Azerbaijan. However, this does not mean that the Constitution does not contain provisions on elections. The principles and norms of

electoral law are reflected in the chapters on the foundations of the constitutional system, human and civil rights and freedoms, and the system of state power. These principles and norms serve as the starting point and guidelines for current legislation. The main place among such legislative acts is occupied by the Election Code. The fifth section of the Election Code is devoted to the legal regulation of elections to the Milli Majlis of the Republic of Azerbaijan. It indicates that 125 deputies (from one district - one deputy) are elected to the Milli Majlis in single-mandate constituencies [2].

The formation of the Milli Majlis in Azerbaijan on the basis of a majoritarian electoral system undermines the legislative activity carried out in the Milli Majlis on the independent initiative of the deputies. Thus, the absence of a proportional electoral system, the creation of the Milli Majlis on the basis of territorial representation, the absence of party and program unions, independent factions, an unbalanced and unified unchallenged line of development of the legislative process, minimization of the role of political force in the life of the country, as well as the absence of disagreements between the President and the Milli Majlis in connection with its activities are also contingent factors [8]. These points indicate the need to restore the practice of using a mixed electoral system when forming the Milli Majlis.

Today, one of the most urgent issues of the electoral system as a whole, including parliamentary elections, is the use of blockchain technology in elections. This issue is seriously discussed by both theorists and practitioners. In order to use blockchain technology in elections, the election authority must create "digital wallets" for each registered candidate (or party), that is, a variation of the vote. Also, each voter is provided with digital token (digital coin), which the voter can transfer to one of the candidates (or parties) participating in the elections. Voters can vote anonymously using their personal virtual avatars and sending their "digital coins" to the "digital wallet" of the candidate (or party) of their choice (i.e. the principle of secret ballot, one of the basic democratic principles of suffrage, is not violated). The blockchain system not only registers, but also confirms the transaction, that is, the vote of the voter. The winning candidate (or party) is determined on the basis of the number of "digital coins" collected in the "digital wallet" [13; 9, p.27-32].

According to experts in the field of organizing and conducting election campaigns, blockchain technology can completely eliminate corruption in this area. For example, in the 2014 Indonesian presidential election, an anonymous group of 700 hackers formed an organization called Kawal Pemilu ("Guard the election"). The aim was to present the voting results on the Internet so that

voters have no doubts about the reliability of the results. Voting results could be checked at any polling station. This technology, used in conjunction with computer protection from malicious cyber attacks, provides additional guarantees for transparent democratic elections [26, p. 108-116].

Experience shows that blockchain technology also significantly increases voter turnout. For example, 70% of voters took part in the presidential elections on March 7, 2018 in Sierra Leone. This was largely due to the use of blockchain technology.

Discussion

The basis of parliamentarism is the recognition of the people as sovereign and the only source of power. Parliamentarism is a social phenomenon, the essence of which is expressed in ensuring the sovereignty of the people through the principle of representation. In this context, the parliament is the main representative body. Its functions include: representing the interests of the people, their registration at the legislative level, control over the implementation of laws, the distribution of financial and budgetary funds in accordance with the law. These functions reflect the social role of parliament in society. The method of social parliamentarism makes it possible to more clearly understand how a representative regime operates effectively and successfully. The legal thinking of the people, ready to understand political freedoms, the right to vote and the joint solution of common issues, is a prerequisite for the formation of parliamentarism. All social groups of the population trust the parliament to express and protect their interests [23, p. 8].

K.S. Mill notes that if the size of the state is larger than the area of a small town, then it is impossible to imagine people holding a direct meeting to solve their important problems. In this case, instead of direct management, it is necessary to organize this management through representatives elected by the people. As a result, representative institutions appear that should represent the interests of the people [19, p. 68-69].

Some authors do not consider the election of a representative body as one of its main characteristics, but indicate that such a body has a system of special functions to represent the interests of the people as the main characteristic. Proceeding from this, they propose that, in fact, all state power and all bodies exercising it should be representative [14, p. 17]. However, we cannot agree with this approach. Because talk about the representativeness of a state body that is not directly elected by the people does not correspond to the content and essence of the institution of popular representation. The legislature is formed by elections, acts on behalf of the people and is accountable to them. The functions of

the legislative power are performed by the parliament, the highest representative body of the state. Accordingly, in the legal literature, parliament is characterized as an integral institution of a democratic state structure, one of the important branches of state power, created by the country's population through elections, representing the legislative branch [4, p. 248].

According to V.I. Chervonyuk, the representative character of the legislative power is a defining component. At least two postulates can be deduced from the representative character of the legislature, which form the basis of any legislature:

- 1) the product of legislative activity depends on the nature of the legislative body;
- 2) the adoption of a representative (socially adequate) law by its characteristics and its inclusion in the legal system is possible if the parliament by its nature is a truly representative body of state power [27, p. 136].

Thus, the analysis of the legal literature shows that the parliament is, first of all, representative. This means that parliament is an expression of the interests and will of the people, that is, of all citizens of the state. Hence the fact that this is a national or popular representation.

The article 4 of the Constitution "The Right to Represent the People" states that no one except authorized representatives elected by the people has the right to represent the people, speak on behalf of the people and to make statements on behalf of the people. As stated in our Constitution, power belongs to the people. However, people cannot use this power directly on every issue. Thus, of course, it is impossible and absurd to convene a referendum on every issue decided by the Milli Majlis. As a result, the institution of representative power was created. As a result of the existence of this institution, people trust it to govern the state and society, choosing from among themselves the most worthy candidates for a certain period. The elected, in turn, have the right to represent the people, speak on behalf of the people [7, p. 89-91].

Parliament directly represents the people as a representative body, elected by the people, and exercises the part of state power that belongs to the people - the legislature. In other words, a parliament elected by the people receives a mandate from the people, the sole source of state power, to represent and express their will, and to exercise legislative power by passing laws based on that will. This mandate provides for the exercise of only part of the state power, not all. Thus, the parliament cannot resolve issues and take measures related to the powers of other authorities [5, p. 89-90].

The Parliament of Azerbaijan has representative functions in the system of state bodies. Representative functions are very important in the process of legal,

secular and democratic construction in Azerbaijan. Parliament collects the interests of various social groups, political parties and other civil society actors, expresses them and turns them into the will of the government. Therefore, the protection of the traditions of parliamentarism in Azerbaijan, which develops in a democratic way and forms an open civil society, meets the interests of society and the state as a whole. For example, in the current market economy in Azerbaijan, parliamentary activity is required for effective government [6, p. 43].

The Internal Charter of the Milli Majlis of the Azerbaijan Republic was approved by the Law of the Azerbaijan Republic dated May 17, 1996 "On approval of the Internal Charter of the Milli Majlis of the Azerbaijan Republic". The charter defines the general rules for the activities, the bodies and the status of Milli Majlis, the internal responsibility of the deputies, as well as a number of transitional and final provisions.

Although in many countries of the world the document defining the organization of the parliament's work is called the "Regulations", in our republic this document is called the "Charter" (Internal Charter of the Milli Majlis of the Republic of Azerbaijan).

Despite certain differences, the charter and provisions are similar legal acts in their legal nature, content and procedure of adoption. In the legal literature, the term "regulations" is often used in relation to a document that defines the internal organization and rules of the parliament. Therefore, from the point of view of the possibility of invoking the doctrine of law without changing the term, and also for the purposes of this paragraph, the terms "Internal charter of parliament" and "Rules of procedure of parliament" will be considered synonymous.

In the constitutional jurisprudence of the Soviet period, the problem of parliamentary regulation was not given due attention. This was due to the formation in the Soviet period of an extremely negative attitude of the parliamentary institution to itself, the denial of the idea of parliamentarism and its political and legal significance [25, p. 3-5]. In Soviet times, the word "parliament" was excluded from the legal dictionary as an independent scientific term. During the years of the totalitarian regime, the issue of the regulations of the legislative power was not discussed at all [18, p. 6].

In constitutional jurisprudence, the term "regulations" is traditionally used to denote the source of constitutional law that determines the functioning of the parliament (or its chambers), the legislative and representative body of state power.

The Constitution contains the main provisions governing the organization and activities of parliament. The

regulations concretize these provisions in accordance with constitutional norms. Constitutional norms determine the content of the parliament's activities, the scope and general legal status of the subjects participating in the parliament's activities, as well as other necessary initial legal conditions necessary for the parliament's activities. The constitutional norms concerning the activities of the parliament mainly provide for the following: a) the procedure for the convocation and dissolution of the parliament; b) the procedure for calling new parliamentary elections; (c) the procedures for the chambers to work together in the exercise of their powers in the complex structure of parliament; d) the quorum required to obtain the powers of the parliament; d) the majority of votes required for the adoption of parliamentary decisions, etc. Chapter III of the Constitution of the Republic of Azerbaijan, entitled "State Power" determines the numerical composition of the Milli Majlis (Article 82), the procedure for its foundations, the term of office (Articles 83-84), verification and validation of results of elections of deputies of the Milli Majlis (Article 86), termination of office of deputies of the Milli Majlis, holding elections to replace those who left the Milli Majlis, as well as the procedure for recognizing the Milli Majlis as competent (Article 87), the number of sessions of the Milli Majlis, the time of the first session, the procedure and conditions for holding extraordinary and closed sessions (Article 88), forfeiture of the mandate and loss of the mandate of deputies of Milli Majlis (Article 89), the principle of immunity of deputies and prohibition on initiating proceedings against a deputy (Articles 90-91), the procedure of organizing of work of the Milli Majlis (Article 92), General rules and Issues of Milli Majlis (Articles 94-95), the scope of subjects of the right of legislative initiative, the procedure for submitting and considering laws using this right, provisions reflecting the deadline for submitting laws for signing, the procedure for entry into force (Articles 96-98), as well as the procedure of the dissolution of the Milli Majlis for dissolving Milli Majlis of the Azerbaijan Republic (Article 981).

In all constitutions of the world, an important place is given to the status of parliament. Constitutional regulation mainly deals with general issues of parliamentary activity. Subsequent and more detailed regulation of parliamentary activity is carried out by special, i.e. statutory laws (on parliamentary elections, on the status of parliament, on the status of a member of parliament, on rules or internal procedures) [15, p. 4].

Although constitutional norms by their nature have direct legal force, they are intended to regulate more important legal relations. Consequently, they cannot regulate the

entire system of legal relations related to the activities of parliament. Hence the need for laws that determine the scope of additional powers of parliament, legislation and other forms of interaction of foreign participants in parliamentary activity [11, p. 39].

In the legal literature [22, p. 12] subsidiary bodies are defined as an organization of civil servants that professionally performs coordination, consulting, expert and other functions established by the state to ensure the activities of higher government bodies.

The implementation of the technical functions of the deputies by the apparatus frees them from routine work and creates conditions for them to perform political and representative functions. It is known that a person cannot be equally prepared in all spheres of life, and laws regulate practically all spheres of social relations. From this point of view, naturally, the deputy corps can miss something and make mistakes. To fill this gap, legislators need assistants, experts, consultants, that is, specialists in a specific narrow area of public relations. It is they, each of whom, as highly qualified specialists in their field, collectively "turn deputies into universal professionals" [21, p. 68].

The main body of the Milli Majlis is its Apparatus.

The activity of the Apparatus is regulated by the Regulations approved by the Order of the Milli Majlis of the Azerbaijan Republic dated July 14, 2020 on the approval of the Regulations "On the Apparatus and Management of Affairs of the Milli Majlis of the Azerbaijan Republic" [1].

The directions of the Apparatus' activities are as follows:
- ensuring the implementation of the powers of the Milli Majlis arising from the Constitution and laws of the Republic of Azerbaijan;

- implementation of organizational, legal, analytical and information support of the activities of the Milli Majlis.

The second chapter of the Internal Charter of the Milli Majlis is devoted to the regulation of the status and activities of the bodies of the Milli Majlis. It specifies the following bodies: a) Chairman; b) Committees; c) The Counting Commission; d) Disciplinary commission; d) Temporary commissions; e) Deputy factions (groups); g) Accounts Chamber.

The Chairman holds meetings of the Milli Majlis, convene an extraordinary session at the request of the President of the Republic of Azerbaijan or 42 deputies, and also distributes work between the deputies of the Milli Majlis. Together with the deputy chairmen and the chairmen of the committees of the Milli Majlis, he draws up an annual plan for the development of draft laws, submits it to the President for mutual approval and submits legislative acts. The work plan of each subsequent session is submitted for approval to the Milli

Majlis and carries out other powers stipulated by the Charter.

Parliamentary committees (commissions) are usually characterized as subsidiary bodies composed of deputies and assisting them in the exercise of the powers of the chambers. The use of the term "committee" or "commission" depends on the terminology used in the country. For example, the Hungarian language uses one term "bizottság", which can refer to both a commission and a committee. These important structural elements of a parliamentary institution cannot be seen as mechanically separate parts of a whole. As a structural unit, each committee and commission interacts with other structural elements within the body of people's representation, which is a single system, and gives this body a qualitative characteristic that reflects its representative character [24, p. 13-17; 16, pp. 454-455].

The role of parliamentary committees and commissions in the performance of parliamentary functions is enormous. For example, Woodrow Wilson, President of the United States from 1913 to 1921, wrote: "Meetings of Congress are a demonstration of activities to the public, while the real work takes place in the meeting rooms of its committees" [10, p. 159; 12, pp. 26-36; 17, p. 243].

The legal literature shows that in the practice of a number of countries, these intra-organizational bodies (committees) were able to play an important role not only in the legislative body, but also in the political system as a whole. For example, in Spain and Italy committees have the power to approve bills, which essentially equates them with parliament.

Milli Majlis of the Azerbaijan Republic creates the following committees: The Committee for Law Policy and State Building; Defense, Security and Counter Corruption Committee; The Human Rights Committee; The Committee for Natural Resources, Energy and Environment; The Committee for Economic Policy, Industries and Enterprising; The Agrarian Policy Committee; The Committee on Labor and Social Policy; The Healthcare Committee; The Committee for Family, Women's and Children's Affairs; The Youth and Sports Committee; The Committee for Public Associations and Religious Institutions; The Committee for Regional Affairs; The Science and Education Committee; The Culture Committee; The Committee for International Relations and Interparliamentary Connections.

The Committee has the right to request documents and materials necessary for the preparation of draft laws and decisions from central and local executive and judicial bodies, local government bodies, state and non-state enterprises, departments and organizations, and invite their representatives (experts) to meetings of the

committees.

The next convocation is established at the first meeting of the Milli Majlis, and then at the first meeting of the spring session annually. The Counting Commission acts only at meetings of the Milli Majlis for the purpose of holding open and secret voting and determining their results. The Counting Commission is elected from among the deputies for a period of 1 year in the amount of 7 people. After the election, the Counting Commission elects from among its members the chairman and the secretary of the commission. A meeting of the Counting Commission is competent if at least 4 of its members are present. All decisions are made by a simple majority of votes of its members present at meetings (Article 40 of the Internal Charter of the Milli Majlis).

The Disciplinary Commission is created at the first meeting of the Milli Majlis of the next convocation, and then at the first meeting of the spring session every year. The Disciplinary Commission is elected from among the deputies for a period of 1 year in the amount of 11 people. A meeting of the Disciplinary Commission is legally competent if it is attended by at least 6 members. All decisions (conclusions) of the Disciplinary Commission are made by a simple majority of votes of its members present at meetings. At the meetings held with the aim of giving an opinion, the assistance of lawyers can be used. Experts can serve on the Disciplinary Commission for remuneration or on a voluntary basis. Labor relations of hired specialists are regulated by the Labor Code of the Republic of Azerbaijan.

Deputy factions (groups) act as one of the body of the Milli Majlis. According to Article 43 of the Charter of the Milli Majlis, at least 25 deputies can voluntarily unite and form deputy factions (groups). The statement on the creation of a parliamentary faction (group) is announced at a meeting of the Milli Majlis and the deputy faction (group) is registered in the Milli Majlis Apparatus. A deputy faction (group) has the right to submit proposals for discussion in the Milli Majlis. It can express opinion on all issues brought up for discussion by the Milli Majlis. If, as a result of the withdrawal of a deputy from a faction (group), the composition of the deputy faction (group) is less than 25 deputies, the deputy faction (group) is considered dissolved, and this is announced at a meeting of the Milli Majlis.

According to Article 92 of the Constitution of the Republic of Azerbaijan, Milli Majlis creates the Chamber of Accounts. The Internal Charter defines the legal status of the Chamber of Accounts as a permanent supreme control body accountable to the Milli Majlis. The Court of Accounts consists of a chairman, a deputy chairman and 5 auditors.

Conclusions

Thus, the generalization of the above allows us to draw the following conclusions:

1. As always, at the current stage of development of parliamentarism, the role of transparent, democratic and fair parliamentary elections is exceptional and indispensable for the full expression of the interests of the people in the legitimate legislative branch and, indirectly, in legislative norms.
2. It is advisable to restore the practice of using a mixed electoral system when forming the Milli Majlis of the Republic of Azerbaijan. Because this system:
 - neutralizes the shortcomings of the majority and proportional electoral systems;
 - acts as an additional incentive for the development of political parties and the formation of a modern party system in the country;
 - increases the possibility of small parties to be represented in the Milli Majlis;
 - creates conditions for a more adequate representation of the political forces of society in parliament;
 - more fully ensures the compliance of the composition of the representative body with the political priorities of various groups of voters;
 - more democratic, as it significantly reduces the risk of losing voters;
 - prevents excessive regionalization of deputy mandates (a deputy elected by a proportional electoral system becomes a representative of citizens of a certain territory, not a region).
3. The determination of the number of signatures required for registration of a candidate (450 signatures) is approximately four times less than in the previous legislation (2000 signatures) significantly increases the chance of choosing a candidate unsupported by the majority of voters, and this requires some tightening of the corresponding requirement provided for in Article 147 of the Electoral Code of the Republic of Azerbaijan.
4. At the current stage of development, when the active use of new online technologies and digital solutions is especially important at the voting stage, it is necessary to move to a new stage of the national electoral system, including parliamentary elections (especially with regard to the organization and conduct of voting). Today, the use of blockchain technology in elections in general is one of the most pressing issues of the electoral system, including parliamentary elections. This issue is being seriously discussed by both theorists and practitioners. Today, blockchain technology is actively used in the electoral practice of the USA, Australia, Indonesia and a number of other countries, and this technology has established itself in the field of an electoral institution. There are a number of positive aspects of using

blockchain technology in elections:

- ensuring maximum transparency of elections;
- full guarantee of the principle of confidentiality;
- the minimum possibility of falsifying voting results;
- elimination of citizens' distrust of the objectivity of the election results;
- increased voter turnout due to the fact that citizens have the opportunity to vote in comfort, without overcoming any distances, etc.

Taking into account all the above-mentioned positive points, we consider it expedient to use blockchain technology in the elections to the Milli Majlis by making appropriate changes to the current electoral legislation in order to further increase the efficiency of these elections.

5. The institution of popular representation is in fact a logical expression of the sovereignty of the people.

6. Increasing the efficiency of the institution of people's representation is closely related to the extent to which the deputies are interested in the problems of their voters and at what level, with what attention they are engaged in solving these problems. From this point of view, it would be advisable for the deputies to report once a year on their work with voters, on their activities to solve their problems and on the specific measures have taken they by them.

7. As a result of the analysis and generalization of various approaches that exist in the legal literature, the following characteristics of the institution of people's representation can be noted:

- are based on fundamental democratic principles and ideas concerning popular power and popular sovereignty;
- established at the constitutional level;
- are selective;
- collegiality;
- represent the people's interests and will;
- interact with voters.

8. As the number of adopted laws increases, the problem of their effectiveness and quality acquires special urgency. The creation of harmonious legislation is becoming a serious necessity. With the imperfection of procedural forms of regulation of the parliament's activities, the successful solution of this task will be very difficult. One of the most important legal acts defining such procedural forms is the Internal Charter of the Milli Majlis of the Republic of Azerbaijan.

9. The Regulations of procedure of a representative legislative body are a system of norms that determine the structure, organization and management of its activities, as well as the procedure for exercising its constitutional powers in general.

10. The Constitution contains the main provisions governing the organization and functioning of the parliament. The regulations concretize these provisions

in accordance with constitutional norms. Constitutional norms determine the content of the parliament's activities, the scope and general legal status of the subjects participating in the parliament's activities, as well as other necessary initial legal conditions necessary for its activities.

11. The procedure for adopting constitutional laws and laws is regulated by the Constitution and the Internal Charter of the Milli Majlis. However, the norms of the Constitution are of a general nature and, of course, do not reflect many details. The Internal Charter also does not fully fill these gaps, which are growing in the context of the requirements of the current stage of development. As a result, contradictions arise in accordance with the adopted laws to the spirit of real social relations, and inevitably frequent and repeated amendments to laws. To solve this problem, it is advisable to adopt a separate law "On the rules for the adoption of laws".

12. Although Article 1 of the Internal Charter of the Milli Majlis of the Azerbaijan Republic is entitled "Fundamentals of the Milli Majlis of the Azerbaijan Republic", it does not say anything about the legal foundations of the Milli Majlis. From this point of view, it is advisable to add the following part as the first sentence of this article: "The order of activity of the Milli Majlis of the Azerbaijan Republic is determined by the Constitution, laws of the Azerbaijan Republic and this Charter".

13. The Apparatus of the Milli Majlis is the body that ensures its activities. Most of the activities of the Milli Majlis are related to the activities of its bodies (committees, commissions, etc.) specified in the Charter. However, for some reason, the Internal Charter of the Milli Majlis does not contain specific provisions on the status of the Apparatus. However, the status and functions of the Apparatus are regulated by a separate Regulation. However, the same Regulation (Article 1.3) does not mention Charter of the Milli Majlis among the legal acts that govern the Apparatus. It seems that the rules of activity regulated by the Internal Charter and the Regulations on the Apparatus are completely different in nature. But actually it is not. Because, as mentioned above, the issues regulated by the Charter and the Regulations are organically related to each other, since the Apparatus ensures its activities, and most of the activities of the Milli Majlis are related to the activities of its bodies specified in the Charter. Therefore, we believe that the elimination of these gaps may be important for the future improvement of the legal basis of the Milli Majlis.

14. The activity of the committees is an extremely effective mechanism for professional, dynamic and prompt consideration of issues within the competence of

the Milli Majlis.

15. In the text of the last paragraph of Article 36 of the Internal Charter of the Milli Majlis, it would be advisable to replace the word "commission", used in two places, with the word "committee". Thereby, it is clear from the content of the article that we are talking about the committees of the Milli Majlis, and not about the commissions. It is likely that the term "commission" was used instead of the term "committee" as a mechanical mistake.

References

1. Order of the Milli Majlis of the Republic of Azerbaijan dated July 14, 2020 "On approval of the Regulations on the Apparatus and Administration of the Milli Majlis of the Republic of Azerbaijan." - <https://meclis.gov.az/news-haqq.php?id=22&lang=az>
2. Election Code of the Republic of Azerbaijan. - <http://e-qanun.az/code/17>
3. Jafarov, I.M. Interpretation of the Constitution of the Republic of Azerbaijan. - Baku: Legal literature, 2001. - 488 p.
4. Jafarov, I.M. Interpretation of the Constitution of the Republic of Azerbaijan. - Baku: Legal literature, 2004. - 451 p.
5. Alibeyli, Q.S. "On the theoretical foundations of parliamentary control." *Baku University News. Socio-political sciences series*, 2011, № 1, p. 88-98.
6. Mirzayev, S.A. "Development and modern functions of the Azerbaijani parliament." *Baku University News. Socio-political sciences series*, 2009, № 3, p. 40-49.
7. Seyidov, S. Constitutional foundations of the status of the deputy of Milli Majlis of the Azerbaijan Republic. - Baku: Adiloglu, 2003. 5th edition, p. 89-91.
8. Zahiri, B.M. Comparative legal analysis of the constitutional status of the President (in the experience of Azerbaijan, Iran and Russia). PhD in Law dis. abstract. - Baku, 2009. - 23 p.
9. Alekseyev, R.A. "Approbation and prospects for the implementation of blockchain technology in the selection abroad and in Russia." *Russian Political Science*, 2018, № 4, p. 27-32.
10. Bulakov, O.N. Parliamentary law of the Russian Federation. - Saint-Petersburg: Phoenix, 2004. - 736 p.
11. Grankin, I.V. "Regulatory regulation of the Chamber of the Federal Assembly of the Russian Federation." *Journal of Russian Law*, 2003, № 1, p. 39-47.
12. Gryzlov, B.V. "Specialized bodies of parliament: comparative analysis." *POLITEX*, 2009, № 1, p. 26-36.
13. How voting on the blockchain has its application in politics and business. - <https://geektimes.com/company/wirex/blog/281122/>
14. Kirichenko, P.N. Representative character of the Council of the Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation. PhD in Law Dissertation. - Moscow, 2005. -190 p.
15. Kovalev, O.I. Regulations of the State Duma as a normative and legal basis of the activity of the parliament. Abstract of the Dissertation, PhD in Law. - Moscow, 2006. - 28 p.
16. Constitutional (state) law of foreign countries. Textbook: in 4 volumes. Responsible editor B. A. Strashun. - Moscow: BEC Publishing House, vol. 1-2. 1996. - 784 c.
17. Constitutional law of foreign countries. Under general edition of M.V. Baglay, Y.I. Leibo, L.M. Entin. - Moscow: Norma, 2004. - 832 p.
18. Koroleva, I.N. Parliamentary regulations as a legal form of regulation of the order of activity of the representative body of state power: Russian and foreign models. Author's abstract. Diss. PhD in Law. - Moscow, 2007. - 30 p.
19. Mill, J.St. Representative board. - Saint-Petersburg: Edition F. Pavlenkova, 1897. - 365 p.
20. Obukhovsky, V.V. "The electoral system as a constitutional basis." *Issues of Russian and international law*, 2017, volume 7, No. 9A, - p. 80-90.
21. Osavelyuk, A.M. The relationship of deputies with personal assistants and staff of subsidiary bodies of parliaments. *State and Law*, 1996, No. 11, - p. 67-74.
22. Osavelyuk, A.M. Auxiliary apparatus of the highest bodies of state power in the mechanism of the state. Abstract. Diss. PhD in Law. - Moscow, 2007. - 45 p.
23. Romanov, R.M. Russian parliamentarism. History and modernity / scientific editor A.I. Yakovlev. - Moscow: RITs ISPI RAS, 2000. - 330 p.
24. Sadovnikova, G.D. "Committees and commissions of the chambers of the Federal Assembly of the Russian Federation." *Parliament at work. Representative power - XXI century: legislation, comments, problems*, 2006, No. 5, p. 13-17.
25. Stepanov, I.M. "Russian parliamentary law essential and regulatory-target guidelines of formation." *State and Law*, 1994, № 11, p. 3-5.
26. Fedorchenko, S.N., Fedorchenko, L.V. "Power and cloud technologies in Russia and the USA." *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Science*, 2016, No. 2, p. 108-116.
27. Chervonyuk, V.I. "The representative nature of the legislature: modern context." *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, No. 2, p. 130-137.

28. Yusov, S.V. “Electoral systems of Russia: a functional approach.” *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence*, 2017, No. 1, p. 21-28.

Эльшад ГАСАНОВ (Азербайджан),
кандидат юридических наук

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МИЛЛИ МЕДЖЛИСА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ С НЕКОТОРЫМИ ДРУГИМИ ОРГАНАМИ ВЛАСТИ

Резюме. Цель данной статьи заключается в анализе вопросов взаимоотношений определённых ветвей власти, что представляет собой одну из наиболее малоизученных и актуальных проблем государственного строительства в современное время. В данной статье автор отмечает, что существующие реформы политической и правовой систем требуют глубокого анализа, переработки и теоретической оценки места судебной власти в системе разделения властей, выдвижения её на первый план среди иных ветвей власти и совершенствования законодательства с целью достижения баланса между ветвями власти и правительством. Здесь речь идет, в первую очередь, о законах и нормах, принятых для узких корпоративных интересов. Методы. В исследовании использованы методы системного анализа, контент-анализа и сравнительного анализа. На основе этого научного анализа были выявлены особенности и перспективы развития взаимодействия Милли Меджлиса Азербайджанской Республики с ветвями власти, а метод сравнительного анализа для выявления различных направления взаимоотношений между законодательной и исполнительной власти.

Научная новизна статьи. Впервые в отечественной юридической литературе, проанализированы элементы взаимодействия всех ветвей власти с целью раскрытия актуальных проблем государственного строительства в современных условиях. Подчеркивается, что реформы политической и правовой систем требуют глубокого анализа и теоретической оценки места судебной власти в системе разделения властей, для четкого выделения ее от остальных ветвей власти. В статье определяются пути совершенствования законодательства с целью достижения баланса между всеми ветвями власти и правительством. Справедливо отмечая, что судебная власть не только обеспечивает законодательные органы правоохранительными материалами, но также служит для улучшения уровня законодательной деятельности, выделяя первостепенное место нормам морали и конституционным принципам. В заключение автор определяет пути решения проблем взаимодействия ветвей власти, показывая их как одну из основных в процессе построения нового демократического государства, основанного на верховенстве закона. Отмечается, что многолетний опыт утверждает, что отсутствие надежного и эффективного взаимодействия и механизмов влияния между ветвями власти всегда представляет серьезную угрозу не только принципу разделения властей, но и основам конституционного государственного устройства в целом.

Elshad HASANOV (Azerbaijan),
PhD in Law

LEGAL AND CONSTITUTIONAL BASIS OF THE MILLI MAJLIS OF THE REPUBLIC OF AZERBAIJAN

Summary. This article examines the constitutional and legal foundations of the formation and activities of the Milli Majlis (Parliament) of the Republic of Azerbaijan as a legislative body, in particular, the legal regulation of the electoral system as a mechanism for the formation of the Milli Majlis, the representative nature of the Milli Majlis of the Republic of Azerbaijan. The role of the Constitution of the Azerbaijan Republic and the Internal Charter of the Milli Majlis of the Azerbaijan Republic, as well as issues related to the legal status of the subsidiary bodies of the Milli Majlis of the Azerbaijan Republic and their activities were analyzed. As a result of research, the author emphasizes the role of transparent, democratic and fair parliamentary elections at the present stage of development of parliamentarism for the full expression of the interests of the people in legitimate legislative and indirect legislation, the need to restore the practice of mixed elections in the formation of the Milli Majlis. Considers it

expedient to use blockchain technology in the elections to the Milli Majlis of the Republic of Azerbaijan by making appropriate changes to the current electoral legislation, and also puts forward other important scientific provisions and proposals aimed at forming and improving the constitutional and legal foundation of the Milli Majlis of the Republic of Azerbaijan.

Davit TCHOTCHUA
(Georgia), Technical University of
Georgia, PhD in international
relations and law

HUMANITARIAN INTERVENTION AND THE USE OF FORCE ON HUMANITARIAN GROUNDS

All states are sovereign and have the right to manage their own internal affairs without interference. According to international law, the territorial integrity of all states must be protected and respected. Any interference, military or political, in the internal affairs of states is not allowed. According to Article 2(4) of the UN Charter, the use or threat of force against the sovereignty, territorial integrity or political independence of another state is prohibited.

The UN Charter states that the organization should not interfere in matters that are essentially within the internal competence of states. Advocates of intervention point out that the United Nations Charter emphasizes the importance of human rights and requires member states to ensure appropriate standards of human rights protection.¹ What is important is that the intervention is limited to a purpose consistent with humanitarian intent.²

According to the classical definition, the word "humanitarian" implies concern for the welfare of people and protection of their rights. Humanitarian intervention is the measures implemented by the international communities, which aim to protect and help people during severe humanitarian crises. Measures taken by the international community with the aim of stopping or mitigating mass and grave violations of human rights, such as genocide, war crimes, ethnic cleansing and mass murder. In many cases, it is a military or other type of intervention carried out by one or more states to ensure the protection of citizens in situations where their lives and rights are at risk. According to the UN Charter, humanitarian intervention should normally be carried out within the framework of resolutions approved by the UN Security Council. Before the adoption of the Charter of the United Nations, there are also examples

¹ Merriam John, Kosovo and the Law of Humanitarian Intervention, The Case Western Reserve Journal

of International Law, Volume 33, 2001, p.121.

² Benjamin Barry, Unilateral Humanitarian Intervention: Legalizing the Use of Force to Prevent

goals. One of them, as mentioned above, is the French intervention in Syria in 1860-1861. It was a humanitarian, geopolitical and diplomatic measure aimed at protecting the Christian population and stopping the massacre of Christians.³

In 1945, with the adoption of the UN Charter, the possibility of unilateral military actions was strictly limited. Article 2, paragraph 4 of the Charter of the United Nations (UN) is an important principle related to the prohibition of the use of force in international relations, according to which, All Member States shall refrain in their international relations from the use or threat of force against the territorial integrity or political independence of any State, or in any other manner incompatible with the purposes of the United Nations. The clause protects the territorial integrity and political independence of all states, Which means that no country should threaten or use force against the territorial integrity or political independence of another country. The clause clearly prohibits the use or threat of force in relations between states, although Article 7 of the Charter makes an exception to it and adds, except in cases provided for in the UN Charter (eg, the right of self-defense in the event of a threat to the peace and measures authorized by the Security Council). In addition, the UN Charter excludes the possibility of intervention unilaterally or without granting appropriate authority.

As for humanitarian intervention, its justification is permissible only if it is clear that it aims to protect international peace. In addition, the Charter of the United Nations excludes the possibility of intervention unilaterally or without granting appropriate authority, which is a difficult and contradictory issue in international law. While swift

Rights Atrocities, Fordham International Law Journal, Volume 16, 1992-1993, p. 156.

³ Scheffer David J., Toward a Modern Doctrine of Humanitarian Intervention, University of Toledo Law Review, Volume 23, 1991-1992, p.254

action is sometimes required to protect human rights, unilateral intervention often raises legal, ethical and political challenges. Unilateral humanitarian intervention is when one or more states decide to intervene in the internal affairs of another state due to a humanitarian crisis or mass human rights violations, without UN authorization. Despite the efforts of the United Nations, the Charter still failed to stop states from unilaterally implementing humanitarian intervention.

Examples of unilateral implementation of humanitarian intervention are Tanzania's invasion of Uganda in 1979 and India's entry into East Pakistan in 1971. Despite the fact that, due to regional instability, international peace was threatened, the General Assembly expressed a negative attitude in relation to both of the above-mentioned cases and considered that the sovereignty of the respective states was violated by unilateral intervention.⁴

Unilateral implementation of humanitarian intervention by states is legally and ethically controversial. According to the UN Charter, military intervention should only take place with the authorization of the Security Council to ensure its legitimacy and international legality. Nevertheless, the practice of unilateral interventions shows that it is difficult to comply with international law and ethics, especially when it comes to quickly resolving humanitarian crises.

Professor Brownlee points out that proponents of the doctrine of humanitarian intervention either ignore the prerequisites necessary for the formation of new principles of customary law, or, running out of time, come up with a proposal to weaken the requirement of *opinio juris*⁵.

Professor Sima considers intervention illegal even if such action is morally or politically justified. The legality of the intervention, in any case, is based on the multilateral nature of the intervention and the authority granted by the competent international

organization, and not on any stand-alone right of humanitarian intervention⁶.

According to Greenwood, it can no longer be argued that when a government organizes the massacre of its own people or state impotence turns into anarchy, international law prohibits intervention.⁷

Traditionally, "humanitarian intervention" has been defined as the use of any form of military force by one state against another state to stop or alleviate mass human rights violations such as genocide, ethnic cleansing, war crimes, and other grave humanitarian crises.

According to another view, humanitarian intervention occurs when violations are so severe within a country that the international community deems it necessary to intervene, even if the conflict is occurring within a single country. In the opinion of some researchers, the issue of protection of the person and the population is higher than the state sovereignty, which has become more popular and is becoming the basis of discussions.⁸

UN Secretary General Kofi Annan (1997-2006) played an important role in developing the idea of humanitarian intervention and drawing the attention of the international community to this issue. During Annan's tenure, several important initiatives and discussions emerged at the UN aimed at increasing the legitimacy and effectiveness of international intervention in human rights and humanitarian crises.

Kofi Annan has actively supported the discussion on how the international community should respond to humanitarian crises. Under his leadership, issues were brought to the UN Security Council for discussion on the possibility of coercive intervention when necessary for the protection of human rights. The criteria are as follows: States have a responsibility to protect their populations against genocide, war crimes, ethnic cleansing and crimes. The international community should help states to fulfill this responsibility. If a state is unable or unwilling to protect its own population, the international

⁴ Bazyler Michael, Re-examining the Doctrine of Humanitarian Intervention in Light of the Atrocities in Kampuchea and Ethiopia, Stanford Journal of International Law, Volume 23, 1987, p.589.

⁵ Brownlie Ian, Principles of Public International Law, Sixth edition, Oxford University Press, 2003, p. 712.

⁶ Simpson Gerry, Great Powers and Outlaw States: Unequal Sovereign in the International Legal Order, Cambridge University Press, 2004, Chapter Seven
⁷ Greenwood C., Is there a right of humanitarian intervention? The World Today, Volume 49, February, 1993, p.40
⁸ Rieff David, Humanitarian Intervention, Crimes of War, New York, 1999, p.181

community must take action, including coercive intervention, within the framework of the UN Charter.

In March 2000, at the 9th annual seminar dedicated to international humanitarian law in Geneva, the vice-president of the International Committee of the Red Cross, Jacques Forster, paid special attention to the issue of the incompatibility of humanitarian action and military intervention in his program speech. According to Forster, there is a clear line between the outcome of humanitarian action and excessive military action. Humanitarian action aims to stop the conflict¹, in other words, it is not aimed at resolving the conflict, its aim is to protect the violated human dignity and preserve their lives. According to the International Committee of the Red Cross, humanitarian action² cannot replace political action. These two areas should be clearly distinguished from each other. Additionally, according to the International Committee of the Red Cross, humanitarian action cannot be coercive³. Experience shows that at this time, humanitarianism is involved in political or military action that contributes⁴ to fueling the conflict rather than stopping it. Humanitarian action is successful only where the participants in said action act in accordance with the charter. Such environment is called "humanitarian space". Military intervention is necessary in order to protect international humanitarian law and create an⁶ appropriate environment for humanitarian action. Humanitarian intervention should not be the goal of military intervention.⁹

Conclusion. Forster believes that the use of military force by the international community is possible only within the framework of the UN Charter⁷. International humanitarian law cannot be invoked to justify military intervention because it has nothing to⁸ do with the use of force. Its role is sharply defined and limits the legitimacy of the use of armed force.

Traditionally, humanitarian intervention⁹ involves the use of military force by one state to stop humanitarian crises or mass human rights violations

within another state. This intervention is a difficult and controversial issue in international law, as it requires a balance between respect for sovereignty and the need to protect human rights. The international community must find ways to make legitimate and ethical interventions in humanitarian crises, which often require UN sanction and international consensus.

Bibliography:

1. Bazyle Michael, Re-examining the Doctrine of Humanitarian Intervention in Light of the Atrocities in Kampuchea and Ethiopia, Stanford Journal of International Law, Volume 23, 1987.
2. Benjamin Barry, Unilateral Humanitarian Intervention: Legalizing the Use of Force to Prevent Human Rights Atrocities, Fordham International Law Journal, Volume 16, 1992-1993.
3. Brownlie Ian, Principles of Public International Law, Sixth edition, Oxford University Press, 2003.
4. Greenwood C., Is there a right of humanitarian intervention? The World Today, Volume 49, February, 1993.
5. Merriam John, Kosovo and the Law of Humanitarian Intervention, The Case Western Reserve Journal of International Law, Volume 33, 2001.
5. Humanitarian Intervention and International Humanitarian Law, Keynote address by Jacques Forster, Vice President of the Red Cross, presented at the Ninth Annual Seminar on International Humanitarian Law for Diplomats accredited to the United Nations, Geneva, 8-9 March 2000.
6. Rieff David, Humanitarian Intervention, Crimes of War, New York, 1999.
7. Simpson Gerry, Great Powers and Outlaw States: Unequal Sovereign in the International Legal Order, Cambridge University Press, 2004, Chapter Seven.
8. Scheffer David J., Toward a Modern Doctrine of Humanitarian Intervention, University of Toledo Law Review, Volume 23, 1991-1992.

⁹ Humanitarian Intervention and International Humanitarian Law, Keynote address by Jacques Forster,

Vice President of the Red Cross, presented at the Ninth Annual Seminar on International Humanitarian

Law for Diplomats accredited to the United Nations, Geneva, 8-9 March 2000, pp.2-3.

Davit Tchotchua (Georgia),
Technical University of Georgia,
PhD in international relations and law

HUMANITARIAN INTERVENTION AND THE USE OF FORCE ON HUMANITARIAN GROUNDS

Summary. Humanitarian intervention is an action taken by the international community during a domestic crisis (for example, genocide, war, civil unrest) with the aim of protecting human rights and preventing a humanitarian disaster. The French intervention in Syria in 1860-1861 was an important historical event and example, which is linked to the ongoing conflict between Druze and Maronite Christians, resulting in serious religious violence and cases of ethnic cleansing. The reasons, process and consequences of this intervention include both humanitarian and geopolitical and diplomatic aspects. Also, the British and French intervention in Greece in 1827-1830 was an important event, which was intended to help Greece fight for independence against the Ottoman Empire. This intervention was an important international event that finally led to the recognition of Greek independence and the reduction of pressure from the Ottoman Empire.

The declaration of the General Assembly of the United Nations (UN) on the inadmissibility of intervention is an important principle in international law. This principle is based on the protection of the sovereignty and self-determination rights of states. The UN General Assembly officially recognized this principle and adopted a number of resolutions and declarations that define the inadmissibility of intervention.

Due to all of the above, it is important to analyze what conditions are necessary for humanitarian intervention to be considered legal according to international law, what is the role of the UN in the process of legitimizing humanitarian intervention, what is the difference between humanitarian intervention and state sovereignty.

Key words: power, humanitarian intervention, international community, state sovereignty, General Assembly.

Дэвид Чочуа (Грузия),
Технический университет Джорджии,
доктор философии в области международных отношений и права

ГУМАНИТАРНАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ И ПРИМЕНЕНИЕ СИЛЫ ПО ГУМАНИТАРНЫМ СООБРАЖЕНИЯМ

Резюме. Гуманитарная интервенция - это действие, предпринимаемое международным сообществом во время внутреннего кризиса (например, геноцида, войны, гражданских беспорядков) с целью защиты прав человека и предотвращения гуманитарной катастрофы. Французская интервенция в Сирию в 1860-1861 годах стала важным историческим событием и примером, который связан с продолжающимся конфликтом между друзами и христианами-маронитами, приведшим к серьезному религиозному насилию и случаям этнических чисток. Причины, процесс и последствия этой интервенции включают как гуманитарные, так и geopolитические и дипломатические аспекты. Кроме того, британская и французская интервенция в Греции в 1827-1830 годах была важным событием, которое должно было помочь Греции в борьбе за независимость против Османской империи. Это вмешательство стало важным международным событием, которое в конечном итоге привело к признанию независимости Греции и ослаблению давления со стороны Османской империи.

Декларация Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций (ООН) о недопустимости вмешательства является важным принципом международного права. Этот принцип основан на защите суверенитета и права государств на самоопределение. Генеральная Ассамблея ООН официально признала этот принцип и приняла ряд резолюций и деклараций, определяющих недопустимость вмешательства.

В связи со всем вышесказанным важно проанализировать, какие условия необходимы для того, чтобы гуманитарная интервенция считалась законной в соответствии с международным правом, какова роль ООН в процессе легитимизации гуманитарной интервенции, в чем разница между гуманитарной интервенцией и государственным суверенитетом.

Ключевые слова: власть, гуманитарная интервенция, международное сообщество, государственный суверенитет, Генеральная Ассамблея.

Теодор Д. ДЕЧЕВ (Болгария),

доктор социологии, доцент,

Высшая школа по безопасности и экономики (ВУСИ)

teodordetchev@gmail.com

МИР НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ И ВМЕШАТЕЛЬСТВО ВНЕРЕГИОНАЛЬНЫХ ИГРОКОВ

В конце 2023 года стало ясно, что энергетическая политика Азербайджана продолжает быть успешной и имеет все перспективы для дальнейшего продолжения ее восходящей тенденции. В пользу этого говорят данные об объемах поставок по Южному газовому коридору для Грузии, Турции, Греции, Италии и Болгарии, а также достигнутые договоренности о том, что азербайджанская государственная нефтяная компания SOCAR осуществит газификацию Албании. Осуществляется подготовка передачи „зеленого“ водорода по азербайджанским трубопроводам, включая по Трансадриатическому газопроводу.

Хорошо ли, когда все очень хорошо?

Если Европа является примером диверсификации источников энергии, то Азербайджан является примером диверсификации экспорта энергоносителей. „Поход“ Азербайджана в этой области начался с классического экспорта нефти – нефтепровод Баку–Батуми был построен еще в 1901 году, когда братья Нобель и Ротшильды были лидерами по добыче нефти на Апшеронском полуострове.

Затем следует „контракт века“, заключенный Гейдаром Алиевым в 1994 году с нефтяными компаниями мира по эксплуатации месторождения „Азери-Чираг-Гюнешли“. Этим шагом цивилизационная и геоэкономическая ориентация страны резко повернулась на запад, на самом деле синхронно с географическими и geopolитическими условиями – для Азербайджана европейский рынок энергоносителей гораздо более доступен, чем китайский или индийский.

Далее последовала реализация дерзкого мегапроекта строительства Южного газового коридора (SGC), в строительстве которого понапачку никто не верил, но теперь он уже является весомым фактом. Амбиции Баку на Юго-Востоке и в Южной Европе неожиданно вернули актуальность болгарской мечты стать „газовым хабом“, но на этот раз без колониальных обязательств перед Москвой и правящей российской политической кликой. Работа над „Вертикальным коридором“ и так называемым

„Кольцом солидарности“, которые должны обеспечивать азербайджанским газом Румынию, Венгрию, Словакию и Австрию, резко увеличила значение географического положения Болгарии и ее роль в региональной энергетической загадке. Кстати, Сербия уже получает азербайджанский газ через Болгарию по интерконектору „София-Ниш“.

К концу первой четверти XXI века азербайджанцы опередили многие другие страны с большими „зелеными“ претензиями, работая над строительством морских ветряных электростанций на Каспии. Из-за особенностей местного климата есть районы, где ветер дует 24 часа в сутки, 7 дней в неделю – так же, как в Северном море.

Возможность создания так называемой „базовой нагрузки“ за счет ветряных электростанций привела Швецию и Германию к идеи отказа от атомной энергетики. В Азербайджане (где вообще никогда и не начинали с атомной энергетики) зеленая энергия ветра создает для Баку возможность выйти на энергетический рынок с еще одним продуктом. Между азербайджанской стороной, Румынией и Венгрией уже имеется контракт на поставку зеленой энергии по линии электропередачи по дну Черного моря. Недавно к этой дружной компании, хотя и вяло, присоединилась и Болгария.

„Хорошие соседи“ и geopolитические риски, с которыми сталкивается Азербайджан

Все это рисует почти идиллическую картину процветания и сотрудничества, единственный недостаток которой заключается в том, что, как и все хорошее, ее можно легко скомпрометировать. Внешняя политика Баку (которая на самом деле является одной из самых независимых в мире) основана на чрезвычайно точном балансировании между различными geopolитическими центрами тяжести и очень тщательном управлении возникающими рисками, которые вовсе не равны нулю. Всевышний, так сказать, „подарил“ Азербайджану таких соседей, на которых никто бы не настаивал.

Государственная нефтяная компания Азербайджана SOCAR мастерски воспользовались

тем, что страны Юго-Восточной Европы являются относительно меньшими потребителями природного газа, и даже ресурсы одного только месторождения „Шах Дениз-2“ хватили им для выхода SOCAR на рынок.

Между тем азербайджанцы частично компенсировали Россию, но не на рынке газа, а на рынке нефти. Новый нефтеперерабатывающий завод завода „SOCAR-Turkiye“ в Измире, получивший название STAR, работает как с нефтью “BRENT”, так и с нефтью “URALS”. Поскольку нефть “URALS” в России добывает компания „Роснефть“ [См. подробнее: 7].

Проблема в том, что уже некоторое время ходит информация о том, что Азербайджан соблюдает введенные в отношении России санкции и закупки нефти оттуда, в том числе у „Роснефти“, приостановлены. Естественно, риск конфронтации с Москвой возрастает по мере того, как сокращаются поставки нефти.

Отношения с южным соседом Ираном и правящим там теократическим режимом также чреваты рисками. В Тегеране есть круги, которые смотрят на Азербайджан как на бывшую территорию Персидской империи.

В глазах других иранских политиков, Азербайджан рассматривается как враг Ирана, поскольку он является союзником и другом Израиля. Действительно, Азербайджан является основным поставщиком нефти в Израиль. При этом более 70 процентов вооружения азербайджанской армии было поставлено Израилем.

Есть и третий мотив враждебности политических элит Тегерана - подозрения, вызванные тем, что в Иране проживает в два с лишним раза больше азербайджанцев, чем в Азербайджанской Республике. Политические опасения берут свое, и некоторые силы в Тегеране „видят“ сепаратистские настроения в иранском Азербайджане.

С исторической точки зрения это крайне несправедливо: азербайджанцы Северо-Западного Ирана предоставили достаточно доказательств своей лояльности иранскому государству.

В заключение следует подчеркнуть, что политика Ирана в отношении Азербайджана крайне противоречива, поскольку буквально одновременно Тегеран призывает к сотрудничеству и в то же время совершает вспышки словесной агрессии. В принципе, у Ирана очень серьезные интересы в сотрудничестве с Азербайджаном в сфере совместного использования вод в

приграничных районах, особенно на реке Араз, но фактом является и то, что иранские власти обходились без этих вод почти тридцать лет в то время как длилась армянская оккупация семи азербайджанских регионов, окружающих бывшую Нагорно-Карабахскую автономную область Азербайджанской ССР.

Иными словами, у Ирана есть мотив в сфере водного сотрудничества в приграничных районах, но для Тегерана это не является вопросом фатальной важности. Возможно, потому, что такое позитивное взаимодействие принесет пользу в первую очередь азербайджанскому населению Северо-Западного Ирана. У нас уже была возможность ранее показать ухудшение ситуации с правами человека в иранском Азербайджане [11] и открытую этническую дискриминацию в сфере водоснабжения на северо-западе Ирана [1].

Не меньшую проблему представляют действия Ирана, которые поставили озеро Урмия на грань высыхания и „внесли значительный вклад“ в загрязнение реки Араз. Напряженность вокруг этих экологических вопросов настолько серьезна, что иранская сторона теперь даже предъявляет претензии своему традиционному союзнику – Республике Армения по поводу загрязнения реки Араз армянским молибдено-медным флотационным заводом и золотодобывающим рудником [6].

Прогрессирующее ухудшение отношения правителей Тегерана к этническому азербайджанскому населению Северо-Западного Ирана является очень тревожным индикатором и для ирано-азербайджанских отношений. Поведение Исламской Республики по отношению к своему светскому соседу – Азербайджану крайне сложно прогнозировать, поскольку постоянно посылаются совершенно противоречивые сигналы. Во всяком случае, в Баку наверняка постоянно оценивают риски, связанные с отношениями с Россией на севере и с Ираном на юге.

О проблемах в отношениях ЕС-Азербайджан и их источках

В сложившейся ситуации, европейская позиция всегда должна учитывать, что Азербайджан является стратегическим партнером и де-факто очень лояльным союзником стран Европейского Союза, играющим значительную роль в обеспечении энергетической безопасности в Юго-Восточной и Южной Европе. как минимум по пяти причинам: 1) поставки природного газа; 2) огромный потенциал Азербайджана по

производству зеленой энергии, которую можно импортировать в Европу, скорее всего, с возможностью создания так называемой „базовой нагрузки“; 3) тот факт, что Азербайджан становится основным маршрутом, по которому поступает казахстанская нефть; 4) потенциал страны для производства зеленого водорода, поскольку созданная газовая инфраструктура может быть использована для транспортировки зеленого водорода; 5) ключевая роль Баку в коридоре Восток-Запад, точнее на так называемом „Срединном маршруте“ [9, 10].

В этой ситуации Азербайджанская Республика должна иметь возможность рассчитывать на очень серьезную политическую поддержку со стороны ЕС на большой geopolитической „шахматной доске“, что далеко не так. Несомненно, отношения между Еврокомиссией и руководством азербайджанского государства очень хорошие и это принесло значительные плоды, от которых в очень большой степени выиграли Греция, Италия и Болгария. К ним присоединились Румыния и Венгрия. В ближайшее время ожидается, что Словакия также станет полноправным участником так называемого „Кольца солидарности“ по поставкам природного газа в качестве переходного топлива в ЕС, а также зеленой энергии.

Однако с другой стороны, в Европарламенте враждебные Азербайджану силы успешно отстаивают свои позиции, формулируя резолюции, которых не следует считать формальными и протокольными. И здесь мы подходим к вопросу о том, кто является оппонентом Азербайджана в европейских институциях?

Противников Азербайджана в европейских институциях и в европейской политике в целом можно разделить на „эгоистически мотивированных“ и „самоотверженных вредителей“. Владимир Ильич Ленин в свое время называл последних „полезными идиотами“. „Полезные“ — для эгоистически мотивированных. „Эгоистично мотивированные“ враждебные силы сами по себе движимы разнообразными интересами.

Наиболее понятны интересы двух лобби импортеров сжиженного природного газа из Северной Африки - из Алжира и из Ливии. Ливийские импортеры уже напрямую страдают от импорта азербайджанского газа по Трансадриатическому газопроводу (ТАР) в Италии.

Импортеры природного газа из Алжира пострадали в гораздо меньшей степени, но они работают „на перспективу“.

Следующим высокомотивированным и крайне враждебным антиазербайджанским лоббистом является сложная и многомерная сеть „влиятельных лиц“ („инфлюенсеров“), обычно называемая „армянским лобби“. Историческая вражда между армянами и азербайджанцами, „катализированная“ и „взорванная“ царской «охранкой» в 1906 году и КГБ в 1988 году, никоим образом не умиротворена и не погашена.

В настоящее время мы наблюдаем сильный раскол в обществе и между политическими силами в Республике Армения. Армянская диасpora во всем мире в основном поддерживает непримиримых в Ереване, саботирующих подписание мирного соглашения, политически представленных в основном так называемым „карабахским кланом“, который последовательно продвигал кандидатуры президентов Роберта Кочаряна и Сержа Саргсяна.

Это ядро связано с разнообразными сетями сторонников, которые не имеют армянского происхождения, но симпатизируют армянскому делу в том смысле, в котором они его понимают.

„Армянское лобби“ очень сильное. Он имеет весьма разветвленную формальную и неформальную структуру. «Армянское лобби» располагает значительными финансовыми ресурсами, и многие европейские политики, иногда полузамаскированные, иногда совершенно откровенно признаются, что буквально боятся его.

Еще одной мощной силой, которая открыто противостоит развитию отношений между ЕС и Азербайджаном, являются различные крылья и перья „Зеленого движения“. Некоторые из этих людей действуют исключительно по идеологическим мотивам, руководствуясь благими намерениями и собственным видением энергетического будущего Европы и климатической политики ЕС. Другая часть, однако, переносит нас на 40-50 лет назад, в какие-то другие времена, когда „зеленые“ едва еще появлялись, но на европейской политической сцене „Движение за мир“ было основным фактором.

„Движение за мир“ тоже имело своих идеологических борцов, водимых добрейшими размышлениями, но как и любое массовое политическое движение, в него могли проникнуть, и действительно успешно проникли, всевозможные агентуры, в первую очередь из советских

спецслужб, а также и из аналогических ведомств стран-сателлитов СССР - в первую очередь из ГДР.

Когда с падением „Берлинской стены“ опустился занавес, за которым скрывались агенты разведки и влияния Варшавского договора, последовала драматическая череда личных трагедий различных деятелей „Движения за мир“, одна из кульминаций которым стало самоубийство

основательницы партии „Зеленых“ в тогдашней ФРГ — Петры Келли и генерала Герта Бастиана, одной из самых авторитетных фигур „Движения за мир“ в Германии. Они не могли вынести всего того, что узнали о том, как „Движение за мир“ было бессовестно использовано тоталитарными режимами, которым они сами вообще не сочувствовали.

Аналогичная ситуация сложилась сегодня с „Зеленым движением“ (не болгарским, а общеевропейским), куда проникновение российских спецслужб и агентов влияния явно весьма успешно. Достаточно вспомнить возглавляемую Москвой организованную оппозицию строительству Трансадриатического газопровода на юге Италии. Российские спецслужбы просто талантливо справляются с задачей использования различных фракций и субъектов „Зеленого движения“, при том, в одних случаях речь идет об обычной политической коррупции, а в других - о классических „полезных идиотах“, совсем по Ленину.

Ко всему многообразию врагов и противников политики Азербайджана в отношении стран ЕС, описанному выше (по сути - лишь схематично обрисованному), необходимо добавить еще и могучую фалангу тех, кто абстрактно и формально думает о вопросах демократии. Эти политики и публицисты, конечно, чаще всего являются выходцами из стран, которым не так уж необходимы хорошие отношения с Азербайджаном. Их лозунг, основанный на ложных посылах, можно резюмировать словами: до сих пор мы зависели от такого диктатора, как Путин, и нам больше не следует совершать ошибку, чтобы Европейский союз полагался на недемократические режимы – под последним понимайте Азербайджанскую Республику.

Кривое зеркало абстрактных демократических рассуждений

Здесь я вовсе не буду приступать к анализу успехов и неудач азербайджанской демократии. Я ограничусь ответом, что Азербайджан не претендует на мировое лидерство; не строит

„Азербайджанский Мир“ за счет агрессии против других стран; не шантажирует своих торговых партнеров в geopolитических целях, прекращая поставки стратегического сырья для них. Наоборот, Азербайджан является чрезвычайно надежным партнером, в отличие от тех, кто хотел расставить „газовую ловушку“ для Юго-Восточной Европы и, в первую очередь, для Болгарии.

Кстати Азербайджан – один из редких случаев, когда „мягкая сила“ Евросоюза оказала реальное положительное влияние на общественные отношения в стране, которая не является его членом и не претендует на роль его части.

Я не буду здесь комментировать позицию Азербайджана по поводу войны на Украине, где только данные об оборудовании, поставляемом Азербайджаном на энергетические объекты Украины, должны показать наглядно, „кто демократ, а кто враг свободы“. Я просто напомню, что еще в рамках известного „контракта века“, покойный президент Азербайджана Гейдар Алиев определил ориентацию Баку на запад. Этой ориентации способствуют и некоторые чисто географические и, соответственно, geopolитические факторы.

Здесь не работают обвинения сезона – „Азербайджан - агрессивная страна, которая напала на армян в 2020 и 2023 годах“. Нам представляется, что профессионалам нет необходимости объяснять, что в период 1988 - 1994 гг. Республика Армения вместе с сепаратистами нагорной части Карабаха совершили агрессию против Азербайджана и оккупировали около 20 процентов территории страны; что есть четыре резолюции Совета Безопасности ООН, которые квалифицируют действия Республики Армения как агрессию и призывают к сохранению территориальной целостности Азербайджана.

Когда стало очевидным, что после 30 лет переговоров при посредничестве России, США и Франции с мандатом Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), преемники знаменитого Хельсинкского саммита, дело не сдвинулось с места, а Минская группа продолжала повторять, что проблема „не имеет военного решения“, оказалось, что средством от оккупации является военное решение – при том вполне правовое и эффективное.

Когда Никол Пашиян в феврале 2020 года отверг так называемые „Мадридские принципы“, иначе говоря – проект мирного договора между Азербайджаном и Арменией, подготовленный при

полной поддержке России, США и Франции, то „военное решение“ осталось единственным возможным выходом из возникнувшей ситуации.

(Я написал на эту тему подробную книгу: „От Мадридских принципов до Мюнхенских дебатов“,

изданную в 2022 году, которую представляю заинтересованным лицам в электронном виде: [8]).

Удивительно, когда агрессором объявляют кого-то, кто просто восстановил контроль над своей суверенной и международно признанной территорией. Но самое интересное, что крики об агрессивности Азербайджана поднимаются в небо в эти дни в тот самый момент, когда мирный договор между Баку и Ереваном кажется ближе, чем когда-либо.

Шанс на мир, которого можно потерять только с „помощью извне“

Коснемся событий, которые еще год назад были совершенно немыслимы. 4 декабря 2023 года комитет по государственному строительству и правовым вопросам парламента Армении, отклонил законопроект, устанавливающий уголовную ответственность за оставление Карабаха Арменией. Как сообщают армянские СМИ, предложенный оппозицией законопроект предусматривал изменения в Уголовный кодекс в связи с отказом признать „право Карабаха на самоопределение“. За законопроект проголосовали три члена комитета, против - восемь. Не поддержавшие это решение являются членами правящей партии „Гражданский договор“. Проправительственные депутаты заявили, что инициатива Аякве станет серьезным препятствием на пути мирных переговоров с Азербайджаном. [13]

Данное событие произошло накануне переговоров между администрацией Президента Азербайджанской Республики и аппаратом Премьер-министра Республики Армения, в ходе которых была достигнута договоренность о принятии реальных шагов по укреплению доверия между двух стран и их последующее совместное заявление от 07 декабря 2023 года.

Руководствуясь принципами гуманизма и в качестве жеста доброй воли, Азербайджанская Республика освободила 32 армянских военнослужащих. В свою очередь, Республика Армения, руководствуясь принципами гуманизма и в качестве жеста доброй воли, освободила двух азербайджанских военнослужащих.

Кроме того, в качестве жеста доброй воли Республика Армения отозвала свою заявку на

проведение 29-й сессии Конференции Сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (СОП-29) в поддержку заявки Азербайджанской Республики. Азербайджанская Республика и Республика Армения выразили надежду, что другие страны Восточноевропейской группы также поддержат кандидатуру Азербайджана, что в итоге и произошло.

Со своей стороны, в качестве жеста доброй воли, Азербайджанская Республика поддержала заявку Республики Армения от Восточноевропейской группы на членство в Бюро СОП.

Публично и официально было объявлено, что Азербайджанская Республика и Республика Армения в ближайшем будущем продолжат переговоры о реализации дополнительных мер доверия, что будет способствовать установлению взаимного доверия между двумя странами и положительно повлияет на ситуацию во всем регионе Южного Кавказа.

Обе стороны призывали международное сообщество поддержать их усилия. Это вызвало немалое волнение среди специалистов по проблемам региона. 8 декабря 2023 года бывший посол США в Азербайджане Мэттью Брайза заявил, что „больше нет необходимости в каком-либо посредничестве между Азербайджаном и Арменией“. Говоря о достигнутом между двумя странами соглашении о взаимном освобождении задержанных военнослужащих, он подчеркнул, что это знаковое соглашение, имеющее историческое значение.

„Это было достигнуто без каких-либо международных посредников, что еще раз демонстрирует, что больше нет необходимости в каком-либо посредничестве между Азербайджаном и Арменией. Лидеры двух стран могут найти путь к мирному договору, которого они оба хотят и над достижением которого упорно трудятся. Мир сейчас более реалистичен, чем когда-либо. После того, как в сентябре был обеспечен вывод армянских незаконных вооруженных сил и остатков сепаратистского режима из Карабаха, теперь впервые в истории я лично могу сказать, что мирный договор не только возможен, но и близок. Итак, это момент на пути к мирному договору“, - добавил Брайза.

В тот же день заместитель помощника генерального секретаря НАТО по политическим вопросам и политике безопасности, специальный представитель по Кавказу и Центральной Азии

Хавьер Коломина заявил на своей странице в социальной сети „Х“ (ранее „Твиттер“), что НАТО решительно поддерживает усилия по нормализации отношений между Азербайджаном и Арменией. „Я приветствую совместное заявление Армении и Азербайджана, объявляющее о взаимном освобождении задержанных, других мерах укрепления доверия и четкой приверженности достижению долгожданного мирного соглашения. НАТО решительно поддерживает эти усилия и нормализацию отношений между Арменией и Азербайджаном“, - говорится в публикации [2].

Также 8 декабря 2023 года официальный представитель правительства Германии Штеффен Хебештрайт снова написал на своей странице в социальной сети „Х“, что Германия поздравляет Армению и Азербайджан со смелыми шагами и укреплением доверия. „Мы готовы поддержать дальнейший процесс нормализации, основанный на взаимном признании суверенитета, нерушимости границ и территориальной целостности“, - подчеркнул он [3].

Генеральный секретарь Организации Тюркских государств (ОТГ) Кубанычбек Омуралиев также приветствовал совместное заявление администрации Президента Азербайджанской Республики и аппарата Премьер-министра Республики Армения от 7 декабря 2023 года. Об этом говорится в сообщении ОТГ.

„Совместное заявление является значительным шагом на пути к обеспечению устойчивого мира в регионе. Это служит твердым выражением воли двух стран предпринять конкретные шаги по нормализации отношений между ними посредством прямого диалога, который приведет к заключению мирного договора на основе уважения принципов суверенитета и территориальной целостности“, - говорится в заявлении ОТГ [4].

28 декабря 2023 года представитель президента Азербайджана по особым поручениям посол Эльчин Амирбеков заявил в интервью газете „The Guardian“, что в настоящее время Азербайджан ожидает ответа Армении на комментарии Баку по последнему проекту мирного предложения. „Очевидно, мы не так уж далеки от окончательного соглашения. Нам нужна эффективная работа, ориентированная на результат. Я знаю, что после трех десятилетий переговоров и без какого-либо существенного результата есть определенная усталость и фruстрация у обеих сторон. Как долго мы будем

продолжать просто проводить встречи без каких-либо разумных результатов. Мы предпочли бы заключить мирное соглашение, в котором говорилось бы о некой двусторонней комиссии, которую необходимо создать, чтобы устранить все эти недоразумения или разногласия между нами“, - сказал посол Амирбеков авторитетному изданию.

Он также отметил, что сообщение между основной частью Азербайджана и Нахчываном, которое проходит через Армению, имеет решающее значение для Баку с точки зрения национальной безопасности, а также с точки зрения обеспечения альтернативного маршрута в рамках „Срединного коридора“. „Мы больше не можем терять время. По прошествии трех лет Армения даже не приступила к подготовке технико-экономического обоснования 42-километрового участка. Конечно, мы не можем заставить Армению выполнить то, что они взяли на себя, и бессмысленно предполагать, что мы вторгнемся, чтобы навязать этот коридор силой или что-то в этом роде. Поэтому мы обратились к Ирану в качестве плана «Б» по созданию автомобильного и железнодорожного сообщения через Иран“, - добавил он [5].

Пресс-секретарь президента подчеркнул, что существование альтернативного маршрута может заставить Армению осознать, как много она потеряет, если продолжит сопротивляться строительству транспортного сообщения через свою территорию.

23 января 2024 года на пресс-конференции министр иностранных дел Армении Араат Мирзоян заявил, что Армения может передать Азербайджану новые карты минных полей Карабаха, „если будет создана атмосфера доверия“. „Сейчас армянская сторона пытается путем опросов создать новые карты, и если будет атмосфера доверия, армянская сторона может обсудить передачу их Азербайджану, но на этот раз с участием международного сообщества“, - дословно сказал он [14].

Следует отметить, что заявление Мирзояна является важным, поскольку мины, без разбора установленные Арменией на территории Азербайджана, продолжают представлять угрозу ни в чем не повинному гражданскому населению. Сегодня число минных жертв с 2020 года составляет 342 человека.

На той же пресс-конференции министр иностранных дел Армении Араат Мирзоян заявил, что между Азербайджаном и Арменией

существует прямой канал связи. „Мы упомянули, что между администрациями лидеров Армении и Азербайджана существует прямой канал связи. Должен сказать, что аналогичный канал существует между министерствами иностранных дел Армении и Азербайджана, а также другими ведомствами“, - сказал он [15].

Ранее в интервью немецкой газете "Berliner Zeitung" помощник президента Азербайджанской Республики, заведующий отделом внешней политики президентской администрации Хикмет Гаджиев сообщил, что сегодня текст мирного договора уже прорабатывается, при наличии прямого сообщения и связи между Баку и Ереваном. В своем интервью он отметил, что у каждого формата есть свои преимущества и сравнивать их эффективность было бы некорректно. „На разных этапах разные форматы позволяли нам двигаться вперед, и мы благодарны всем вовлеченным в процесс посредникам. Место проведения для нас не имеет значения. Самое важное — результат. Мы выступаем за переговоры, ориентированные на результат. В принципе, мы не против честного содействия, но отдаляем предпочтение прямым переговорам. Сегодня работа над текстом мирного договора ведется напрямую между Баку и Ереваном“, - объяснил Гаджиев [15].

27 января 2024 года было опубликовано заявление Межведомственной комиссии Армении по делам пленных, заложников и пропавших без вести лиц, в котором говорится, что Ереван готов сотрудничать с Азербайджаном для выяснения судьбы лиц, считающихся пропавшими без вести. „Армения неоднократно, в том числе на высоком и высшем уровне, заявляла, что готова сотрудничать с Азербайджаном с целью выяснения судьбы лиц, которые числятся без вести пропавшими“, - было сказано в заявлении [16].

Отметим, что в Государственной комиссии Азербайджана по делам военнопленных, заложников и пропавших без вести граждан 3890 человек числятся пропавшими без вести во время Первой Карабахской войны. Из них 3171 человек - военные, 719 - гражданские лица (71 - несовершеннолетние, 267 - женщины). На освобожденных территориях Азербайджана обнаружено 10 массовых захоронений. Опознано 15 останков, найденных в братских могилах.

Ранее Азербайджан также заявил о готовности совместно с армянской стороной создать механизм поиска пропавших без вести лиц.

2-го февраля 2024 года был озвучен прогноз компании „Fitch Solutions“ (входит в группу „Fitch“), что Азербайджан и Армения могут подписать мирный договор в первой половине 2024 года. „Мы считаем, что мирное соглашение между Азербайджаном и Арменией может быть заключено уже в первой половине 2024 года“, - сказали в „Fitch Solutions“ [17].

Аналитики „Fitch Solutions“ полагают, что Азербайджан значительно усилит внимание к открытию Зангезурского коридора, и это найдет отражение в мирном договоре. В компании отметили, что после успешных местных антитеррористических мероприятий в Карабахе в сентябре 2023 года, Азербайджан укрепил свою региональную безопасность в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

Следует отметить, что этот прогноз в некоторой степени является результатом того, что переговоры по мирному договору между Азербайджаном и Арменией ведутся посредством прямых переговоров. В начале января Азербайджан получил очередной пакет предложений по мирному договору с Арменией. В настоящее время азербайджанская сторона в установленном порядке проводит внутреннюю работу по этому пакету. Как заявил ранее министр иностранных дел Азербайджана Джейхун Байрамов, в ближайшие недели Азербайджан представит ответ Армении [17].

Заключение

Мы находимся на пороге заключения мирного договора между Азербайджаном и Арменией, при котором договаривающиеся стороны не будут выражать свои национальные ментальные комплексы, и одна не будет унижать другую, а будут искать решение, гарантирующее мир в регионе и процветания обеих сторон. Последнее будет обеспечено открытием Зангезурского коридора и последующим за ним открытием границ Армении с Азербайджаном и Турцией (на данный момент единственной полностью открытой границей страны является граница с... Ираном), что составляет более 70 процентов общей протяженности государственных границ армянского государства. К выходу из полной транспортной изоляции будет добавлено включение Армении в региональные транспортно-инфраструктурные проекты. Развитие торговли Армении с соседями с нулевого уровня до нормального для соседних стран, окажет только положительное влияние на экономическое

развитие страны и на рост ее валового внутреннего продукта.

Цена этого – лишь отказ от националистических химер в Карабахе, срок годности которых и так уже истек. В этой ситуации Азербайджан заслуживает прежде всего поддержки и поощрения, а не лекций о демократии со стороны людей, которые более 30 лет ничего не могли сделать в вопросе мира.

Библиография:

1. Ассоциация по защите прав человека и демократических/культурных требований азербайджано-иранского народа – „ARC“, Критический обзор цели 6 устойчивого развития в Иране в отсутствие политики инклузивности, 22.08.2023, blacksea-caspia.eu - <https://blacksea-caspia.eu/ru/kriticheskiy-obzor-celi-6-ustoychivogo-razvitiya-v-irane-v-otsutstvie-politiki-inklyuzivnosti>
2. Ахмедова, М., НАТО решительно поддерживает усилия по нормализации отношений между Азербайджаном и Армении – Хавьер Коломина, 08.12.2023, blacksea-caspia.eu - <https://blacksea-caspia.eu/ru/nato-reshitelno-podderzhivaet-usiliya-po-normalizacii-otnosheniy-mezhdu-azerbaydzhanom-i-armenii>
3. Ахмедова, М., Германия поздравляет Армению и Азербайджан с предпринятыми шагами по нормализации – Штеффен Хебештрайт, 08.12.2023, blacksea-caspia.eu - <https://blacksea-caspia.eu/ru/germaniya-pozdravlyaet-armeniyu-i-azerbaydzhan-s-predprinyatymi-shagami-po-normalizacii-shteffen>
4. Ахмедова, М., ОТГ приветствует совместное заявление Азербайджана и Армении как шаг к миру – генсек Кубанычбек Омуралиев, 08.12.2023, blacksea-caspia.eu - <https://blacksea-caspia.eu/ru/otg-privetstvuet-sovmestnoe-zayavlenie-az3rbaydzhana-i-armenii-kak-shag-k-miru-gensek-kubanychbek>
5. Ахмедова, М., Азербайджан и Армения недалеки от окончательного мирного соглашения – Эльчин Амирбеков, 28.12.2023, blacksea-caspia.eu - <https://blacksea-caspia.eu/ru/azerbaydzhan-i-armeniya-nedaleki-ot-okonchatelnogo-mirnogo-soglasheniya-elchin-amirbekov>
6. Багишов, Э., Кризис на реке Араз: Загрязнители горнодобывающей промышленности Армении колоссально подрывают экологию соседей, 31.01.2024, blacksea-caspia.eu - <https://blacksea-caspia.eu/ru/krisis-na-reke-araz-zagryazniteli-gornodobyvayushey-promyshlennosti-armenii-kolossalno-podryvayut>
7. Дечев, Т., Азербайджан и Туркменистан на газовата шахматна дъска. - Пловдив: ИК „ВУСИ“, 2020, с. 233 - <https://blacksea-caspia.eu/bg/library/azerbaydzhan-i-turkmenistan-na-gazovata-shakhmatna-dska>
8. Дечев, Т., От Мадридските принципи до Мюнхенските дебати. - Пловдив: ИК „ВУСИ“, 2022, ISBN (Print) 978-619-7343-60-1 ISBN (Online) ISBN 978-619-7343-61-8 - <https://blacksea-caspia.eu/bg/library/ot-madridskite-principi-do-myunkhenskite-debati>
9. Дечев, Т., Существуют пять причин, по которым Азербайджан ценен для Европы, 29.04.2023, blacksea-caspia.eu - <https://blacksea-caspia.eu/index.php/ru/teodor-dechev-suschestvuyut-prichin-po-kotorym-azerbaydzhan-cenen-dlya-evropy>
10. Дечев, Т., Пет ключови причини за стратегическото партньорство между ЕС и Азербайджан днес, В: „Азербайджан – кръстопът на Европа и Азия“, Научна конференция, посветена на 10-годишнината на Центъра за азербайджански език и култура в Софийския университет „Св. Климент Охридски“. - София: 6-7 октомври 2023, **(in print)**
11. Дечев, Т., Човешките права на азербайджанците в северозападните части на Иран. – 26.11.2023, news.bg - <https://news.bg/columnists/choveshkite-prava-na-azerbaydzhantsite-v-severozapadnite-chasti-na-iran.html>
12. Зейналова, Л., Больше нет надобности в каком – либо посредничестве между Азербайджаном и Арменией – Мэтью Брайза, 08.12.2023, blacksea-caspia.eu - <https://blacksea-caspia.eu/ru/bolshe-net-nadobnosti-v-kakom-libo-posrednichestve-mezhdu-azerbaydzhanom-i-armeniej-metyu-brayza>
13. Мамедов, И., В Армении не поддержали законопроект против территориальной целостности Азербайджана, 04.12.2023, blacksea-caspia.eu - <https://blacksea-caspia.eu/ru/v-armenii-ne-podderzhali-zakonoproekt-protiv-territorialnoy-celostnosti-azerbaydzhana>
14. Мамедов, И., Армения может передать Азербайджану новые карты минных полей в Карабахе – Мирзоян, 23.01.2024, blacksea-caspia.eu - <https://blacksea-caspia.eu/index.php/ru/armeniya-mozhet-peredat-azerbaydzhanu-novye-karty-minnykh-polej-v-karabakhe-mirzoyan>

15. Мамедов, И., Между Азербайджаном и Армении существует прямой канал связи – Мирзоян, 23.01.2024, blacksea-caspia.eu - <https://blacksea-caspia.eu/ru/mezhdu-azerbaydzhandom-i-armenii-sushestvuet-pryamoy-kanal-svyazi-mirzoyan>

16. Мамедов, И., Ереван заявил о готовности сотрудничать с Азербайджаном в выяснении судьбы лиц пропавших без вести, 27.01.2024, blacksea-caspia.eu - <https://blacksea-caspia.eu>

<caspia.eu/index.php/ru/erevan-zayavil-o-gotovnosti-sotrudnichat-s-azerbaydzhandom-v-vyyasnenii-sudbylic-propavshikh-bez>

17. Мамедов, И., „Fitch Solutions“ о возможных сроках подписания мирного соглашения между Азербайджаном и Арменией, 02.02.2024, blacksea-caspia.eu - <https://blacksea-caspia.eu/index.php/ru/fitch-solutions-ovozmozhnykh-srokakh-podpisaniya-mirnogo-soglasheniya-mezhdu-azerbaydzhandom-i>

Теодор Д. ДЕЧЕВ (Болгария),
доктор социологии, доцент,
Высшая школа по безопасности и экономики (ВУСИ)
teodordetchev@gmail.com

МИР НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ И ВМЕШАТЕЛЬСТВО ВНЕРЕГИОНАЛЬНЫХ ИГРОКОВ

Резюме. В тексте рассматриваются проблемы возможности заключения мирного договора на Южном Кавказе между Азербайджаном и Арменией и геополитические риски, с которыми сталкивается Азербайджанская Республика. Рассмотрены успех энергетической стратегии Азербайджана и процесс диверсификации экспорта энергетических продуктов Азербайджана. Обсуждаются риски, связанные с неоднозначным поведением соседей Азербайджана - России на севере и Ирана на юге - с акцентом на проблемах, связанных с действиями Ирана. Был сделан критический обзор отношений Азербайджана с институциями Евросоюза, при том особое внимание уделено лобистским группировкам, являющимися враждебными для Баку. Предпринята попытка классифицировать различных антиазербайджанских факторов в европейской политике. Была сформулирована критика в отношении политических факторов, демонстрирующих враждебное отношение к Азербайджану, основанное исключительно на абстрактно-демократических суждениях. Выявлены пять ключевых факторов, делающих сотрудничество с Азербайджаном особенно ценным для ряда стран ЕС, а также для Евросоюза в целом. Сделан обзор прогресса, достигнутого на переговорах между Азербайджаном и Арменией, включая тот факт, что они ведутся напрямую, а не через посредников. Отслежены положительные реакции на совместные заявления азербайджанской и армянской сторон 7 декабря 2023 года и вытекающие из них шансы на заключение мирного договора. Анализирована ожидаемая выгода для Армении от заключения мирного договора и нормализации ситуации на Южном Кавказе. Европейским институтам были отправлены рекомендации, поддержать усилия Азербайджана по заключению мира и таким образом уменьшить геополитических рисков около диверсификации европейского энергетического рынка.

Ключевые слова: Азербайджан, Армения, энергетическая политика, нефть, природный газ, водород, геополитические риски, Россия, Иран, лоббизм, Южный Кавказ, мирные переговоры, мирный договор, транспортные связи, инфраструктурные проекты

Theodor D. DECHEV (Bulgaria),
Doctor of Sociology, Associate Professor,
Higher School of Security and Economics (VUSI)
teodordetchev@gmail.com

PEACE IN THE SOUTH CAUCASUS AND THE INTERVENTION OF NON-REGIONAL PLAYERS

Summary. The text examines the problems of the possibility of concluding a peace treaty in the South Caucasus between Azerbaijan and Armenia and the geopolitical risks faced by the Republic of Azerbaijan. The success of Azerbaijan's energy strategy and the process of diversification of the export of energy products of Azerbaijan are considered. The risks associated with the controversial behavior of Azerbaijan's neighbors - Russia to the north and Iran to the south - are discussed, with an emphasis on problems associated with Iran's actions. A critical review

of Azerbaijan's relations with the institutions of the European Union was made, with special attention paid to lobbyist groups that are hostile to Baku. An attempt has been made to classify various anti-Azerbaijani factors in European politics. Criticism was formulated regarding political factors demonstrating a hostile attitude towards Azerbaijan, based solely on abstract democratic judgments. Five key factors have been identified that make cooperation with Azerbaijan especially valuable for a number of EU countries, as well as for the European Union as a whole. A review of the progress made in the negotiations between Azerbaijan and Armenia, including the fact that they are being conducted directly and not through intermediaries. Positive reactions to the joint statements of the Azerbaijani and Armenian sides on December 7, 2023 and the resulting chances of concluding a peace treaty were monitored. The expected benefits for Armenia from concluding a peace treaty and normalizing the situation in the South Caucasus are analyzed. Recommendations were sent to European institutions to support Azerbaijan's efforts to conclude peace and thus reduce geopolitical risks regarding the diversification of the European energy market.

Keywords: Azerbaijan, Armenia, energy policy, oil, natural gas, hydrogen, geopolitical risks, Russia, Iran, lobbying, South Caucasus, peace negotiations, peace treaty, transport links, infrastructure projects

Шапи ЯГИЗАРОВ (Азербайджан),

доктор философии по истории,
доцент Академии Государственного Управления
при Президенте Азербайджанской Республики

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА АЗЕРБАЙДЖАНА

Географическое положение Азербайджана, его важное место в «Шелковом пути» и логистике, превращение его в социокультурный центр Южного Кавказа и региона в целом создают условия для проведения успешной информационной политики в формирования нового облика страны.

В одном из своих выступлений Президент Ильхам Алиев заявил: «XXI век - век информационной борьбы. Наличие интернета, конечно, еще более обостряет эту борьбу. Мы должны быть готовы к этому, доводить до мирового сообщества наши реалии. Основную задачу здесь государство, конечно, в первую очередь, берет на себя. Но представители медиа также должны стараться доводить до мирового сообщества нашу справедливую позицию» [1].

Формирование государственной информационной политики Азербайджана строится на конституционно-правовой основе, регламентирующих права и свободы человека и гражданина, которые признаются Конституцией Азербайджана «высшей целью государства» [2],

состоит из концептуальных мер, законодательной базы нормативно-правового регулирования и соответствующего нормам международного права.

Концепция Азербайджана в сфере информационной политики в международных отношениях основана на обеспечении безопасности и стабильности в регионе и за его пределами. Она направлена на укрепление мира, сотрудничества и уважения государственного суверенитета и территориальной целостности.

В рамках этой концепции Азербайджан пытается укрепить свои международные отношения на основе принципов взаимовыгодного сотрудничества, уважения прав человека, защиты международного права и борьбы с терроризмом и экстремизмом.

Наряду со многими вопросами информационной политики, решения, которые стоят на повестке дня, руководство Азербайджанской Республики, широко используя её ресурсы преследует цель улучшение

международного имиджа страны. В Азербайджане проводится централизованная информационная политика, которая разрабатывается Президентом и Правительством республики. Министерство цифрового развития и транспорта Азербайджанской Республики является центральным органом исполнительной власти, осуществляющим государственную политику и регулирование в сфере информации (за исключением случаев, установленных Президентом Республики Азербайджан), в том числе морского транспорта и гражданской авиации, связи (телекоммуникация и почта), электронного правительства, высоких технологий (информационные технологии, микроэлектроника, нано-био- и другие инновационные наукоемкие технологии) [3].

Для того чтобы лучше понять процессы и приемы информационной политики Азербайджана необходимо рассмотреть и выделить основные приоритеты, связанные с информационной политикой.

Сегодня основными объектами информационной атаки против Азербайджана являются: жизненная сила государства, элита, материальные объекты и инфраструктура, атака на международный имидж и geopolитическое положение страны. Именно поэтому среди основных приоритетов в этой концепции Азербайджанской Республики можно выделить следующие:

1. Обеспечение безопасности государства и защита его интересов в международном мире;
2. Укрепление и развитие международных отношений с основными партнерами, в том числе странами СНГ, Европы и Азии;
3. Поддержка стабильности и безопасности в регионе Южного Кавказа и борьба с потенциальными угрозами и вызовами, связанными с терроризмом, наркотиками и организованной преступностью;
4. Содействие региональному сотрудничеству и интеграции в рамках других международных структур;

5. Защита прав азербайджанской диаспоры за рубежом и содействие ее включению в государственную жизнь.

В тоже самое время актуализируются такие проблемы, как информационный империализм, информационный элитаризм, киберкультура, безопасность персональных данных, информационная безопасность, киберпреступность, информационные войны и др. [4]. Эти проблемы, присущие глобальному ИО, характерны и для Азербайджана.

Построение в Азербайджане информационного общества принято, как приоритетное направление государственной политики. В основные обязанности информационного общества входят создание правовых основ информационного общества, право на получение гражданами возможности получать, распространять и использовать информацию, формирование электронного правительства, электронной торговли, укрепление экономического, социального и интеллектуального потенциала страны, построение конкурентоспособной экономики, основанной на информации и знаниях, создание современной информационно-коммуникационной инфраструктуры, формирование единого национального электронного информационного пространства, обеспечение информационной безопасности, предотвращение электронного отставания. В последнее десятилетие XX в. на первый план была выдвинута необходимость развития правовой базы в сфере ИКТ. Закон «Об информации, информатизации и защите информации», подписанный Президентом Азербайджана Г. Алиевым, является первым нормативно-правовым документом в данной области [5].

Сегодня с помощью компьютерной техники стремительно увеличивающиеся структуры по обслуживанию общественной информации обеспечивают интерактивную связь потребителей информации со СМИ. Такие обслуживающие структуры, наладив взаимные связи с другими информационными компаниями, в широком диапазоне представляют их информацию.

Глобальная информационная сеть предоставляет Азербайджану возможность овладеть общечеловеческими ценностями. Наряду с появлением новых ценностей возникает проблема охраны и обогащения, устоявшихся веками национальных духовных ценностей. Это требует

повышения общего интеллектуального уровня личности, более широкого знакомства новой глобальной информационной сети с достижениями научно-технического прогресса и использования их в социальной практике. В решении этого вопроса важную роль должны сыграть образовательная система и средства массовой информации, также необходимо обратить внимание на социально-философские вопросы роли человека в интеллектуализации информационного пространства и информационного общества.

Информационные ресурсы общества сегодня превращаются в определяющий фактор научно-технического и социально-экономического развития. Современные информационные технологии, все глубже проникая в различные сферы общественной жизни, оказывают положительное влияние на общий образ жизни индивида и общества, на характер взаимодействий, а также на развитие экономики, политики, культуры, образования и других сфер. Учитывая это Распоряжением Президента Азербайджанской Республики от 02.04.2014 г. утверждена «Национальная стратегия развития информационного общества в Азербайджанской Республике на 2014–2020 годы», [6] в которой определены конкретные цели и задачи по развитию ИКТ до 2020 г.

Распоряжение главы государства от 2008 года «О создании в Азербайджанской Республике космической промышленности и выводе на орбиту телекоммуникационных спутников», а также утверждение в 2009 году Государственной Программы о «создании и развитии Космической промышленности» [7] создали основу для развития космической промышленности в стране.

Создание в Азербайджане космической промышленности и вывод на орбиту телекоммуникационных спутников, в том числе и других многофункциональных спутников, в первую очередь способствует ликвидации зависимости в информационном обмене от зарубежных стран, обеспечивает информационную безопасность, в то же время развивает в стране существующие человеческие ресурсы и интеллектуальный потенциал в новой экономической сфере, реализовывает новые научные проекты, и, в конечном итоге, усиливает меры, направленные на формирование инновационной экономики, отличающейся своей

особой стратегической значимостью.

Первый телекоммуникационный спутник Азербайджана «Azerspace-1» был запущен на орбиту 8 февраля 2013 года в Гвианском Космическом Центре, расположенном в космодроме Куру во Французской Гвиане.

Как отметил президент Азербайджана И.Алиев «Сегодня в жизни нашей страны очень знаменательный и исторический день. Сегодня на орбиту выведен первый азербайджанский телекоммуникационный спутник» [8].

Став членом глобального космического клуба наша страна не остановилась на достигнутом. В результате проделанной работы в 2013 г. на орбиту был выведен телекоммуникационный спутник «Azerspace-1», в 2014 г. – «AzerSky» для наблюдения Земли на расстоянии, а в 2018 г. – телекоммуникационный спутник «Azerspace-2». Основными целями реализации этих спутниковых проектов являются поддержка обеспечения информационной и национальной безопасности страны, содействие социально-экономическому развитию, возврат инвестиций в спутниковые проекты путем расширения коммерческой деятельности, поддержка проведения научных исследований и пр.

Запуск на орбиту азербайджанского телекоммуникационного спутника, гарантирующего создание единого информационного пространства и безопасность связи, можно рассматривать как важный шаг в развитии информационного общества.

В своем выступлении на церемонии открытия 74-го Международного астронавтического конгресса Президент Азербайджана Ильхам Алиев подчеркнул «Все эти три спутника управляются азербайджанскими специалистами и предоставляют услуги не только нам, но и 45 странам мира» [9].

В этом аспекте необходимо отметить, что технологические инновации не будут достаточными для борьбы по этим направлениям без подготовки соответствующих кадров. «Технологическое развитие, цифровизация, кибербезопасность, применение искусственного интеллекта – всё это должно стать частью нашей повседневной жизни» [10] отметил в своей речи Президент Ильхам Алиев на церемонии инаугурации в Милли Меджлисе 14 февраля 2024 года. Именно поэтому в Азербайджане несколько тысяч молодых азербайджанцев за последний

период прошли тренинги и специальные программы.

Работа, проводимая государством в направлении развития ИКТ и информационного общества в Азербайджане, охватывает все сферы жизни

общества. Президент Азербайджана Ильхам Алиев подчеркнул необходимость развития ИКТ в Азербайджане и сказал: «Азербайджан, как и большинство стран, импортирует технологии. Однако использование этих технологий, их освоение и создание на их основе новых интеллектуальных продуктов напрямую зависит от профессионализма и подготовки кадров. Поэтому все наши шаги, связанные с развитием информационных и коммуникационных технологий, были правильными» [11].

В глобальном индексе кибербезопасности (GCI) за 2017 год Азербайджан занимал 48-е место среди 193 стран с показателем 0,559. Азербайджан занял 40-е место в глобальном индексе кибербезопасности (GCI) 2020 года. Таким образом, в 2017 году Азербайджан поднялся с 48-го места на 40-е место в 2020

году по «Индексу электронного участия», рассчитываемому на основе показателей электронной информации, электронных консультаций и электронных решений. Эти международные показатели подтверждают быстрое развитие ИКТ в Азербайджане.

Азербайджанская Республика вот уже более 30 лет подвергается давлению со стороны СМИ многих ведущих стран, которые использую Карабахский конфликт стремятся к дестабилизации политической обстановке в Кавказском регионе. Исходя из этого помимо продвижения собственной реальности в информационной политике, Азербайджан также разоблачает историческую ложь и зверства армян в истории, а также реальное положение Армении.

Именно поэтому основной целью современной информационной политики Азербайджана является продвижение в информационном поле нужного имиджа страны и конфликта в Нагорном Карабахе. Показательно, что в период военного конфликта в нагорном Карабахе президент Ильхам Алиев за 44 дня дал зарубежным СМИ более 30 интервью. Эти интервью были даны российским телеканалам «Россия-1», «Первый», РБК, агентствам «РИА Новости», ТАСС и «Интерфакс», турецким

телеканалам «TRT Haber», CNN-Türk, «Haber Global», «Haber Turk», NTV, «A Haber», французским телеканалам «Sky News», «France 24», газете «Фигаро», немецкому телевидению ARD, японской газете "Nikkei", американскому телевидению «Fox News», итальянскому телевидению Rai-1 и газете «La Repubblica», испанскому информационному агентству EFE, таким известным средствам массовой информации, как телеканалы «Аль-Джазира», «Аль-Арабия», «Евроньюс», «CNN International», «BBC News» и др. Подобная активность президента и официальных лиц в информационном поле позволила показать, что Азербайджан, который в одиночку, если не учитывать Турцию, сражался на глобальной информационной арене, доказал всему миру, что война, которую он ведет, является не вторжением или агрессией, а именно «справедливой войной» [12].

Нередко СМИ активно демонстрируют экономические успехи страны, культурное богатство республики, социальное благополучие и следование принципам демократии. Например, благодаря усилиям азербайджанских СМИ, аналитики пишут в восторженных тонах об экономических достижениях Азербайджана, даже введя специальный термин «азербайджанский феномен», характеризующий прыжок страны из нищеты и экономической разрухи в современное, богатое нефтью государство с роскошными торговыми центрами и пятизвездочными отелями. Понятно, что подобные успехи того или иного государства обычно связывают с именем лидера государства [13].

Следующей целью информационной политики Азербайджана стало противодействие армянской идеологии, которая была направлена против нашего народа и создала образ «диких азербайджанцев» в мире, в частности, в Европе, а также работа по созданию реального нового образа азербайджанского народа и Азербайджанского государства на мировой арене. СМИ Азербайджана продвигают новый образ страны: глубокий ум, любовь к Родине и умение ставить национально-нравственные ценности, национальные принципы превыше всего.

Доминирующими принципами информационной политики Азербайджана в этом направлении на сегодняшний день являются:

– полноценный сбор информации об Армении и армянстве,
ориентирование во внутренних проблемах РА,

изучение социально-психологического, культурного образа армянина;

– анализ и разработка антиармянской информационной политики, основанной на опыте других стран – в частности, Турции;

– сопровождение антиармянской политики формированием

положительного образа собственной страны и распространением азербайджанской точки зрения;

– многовекторный атакующий подход в антиармянской политике, противодействие проармянским информационным потокам в оперативно-тактических и стратегических плоскостях;

– распространение антиармянской информации в дифференцированных и фокус-аудиториях (в собственном обществе, в армянском обществе, в исламском мире, в постсоветском и западном обществах, выбирая в качестве мишени, в частности, молодежь и даже детей, а также среди тех, кто принимает решения в geopolитически значимых странах и международных структурах);

– применение особых подходов и дискурса к каждой аудитории в соответствии с ее особенностями;

– интеграция антиармянской политики во все сферы государственной политики и ее целостное системное применение [14].

Необходимо отметить, что Азербайджан не занимает оборонительную позицию по отношению к Армении. В отличие от армянской стороны, большая часть информации, используемой Азербайджаном в своей тактике, отражает действительность.

Еще один аспект информационной политики формирующего имиджа Азербайджана через местные СМИ – это **многовекторная прагматичная внешняя политика**. Власти сумели выстроить достаточно ровные отношения с Западом и Востоком, Москвой, Вашингтоном и Брюсселем. Например, в азербайджанских СМИ продвигается мнение, что Азербайджан, на сегодняшний день, одна из немногих постсоветских республик, где к русскому языку отношение чуть ли не трепетное (в Баку функционирует единственный в СНГ Институт подготовки учителей русского языка и литературы, филиалы МГУ, медицинского им. Сеченова, сохранились практически все русские школы, сохранены улицы Пушкина, Гоголя и Лермонтова

и т.д.).

На сегодняшний день политика национальной безопасности в сфере информации является частью информационной политики и они взаимосвязаны, так как конфликты уже переходят в виртуальное пространство и в этой сфере появляются новые преступления.

Именно поэтому распоряжением Президент Азербайджана И.Алиева от 29 марта 2018 года была создана Координационная комиссия по информационной безопасности [15].

В ходе видеоконференции с руководителями компаний CISCO Президент Азербайджана Ильхам Алиев сказал: «Безопасность является вопросом номер один в современном мире, и она включает в себя энергетическую безопасность. По этой причине важность защиты от кибератак для нас будет возрастать» [16].

Закон «Об ИКТ Азербайджана» является внутренним законодательством Азербайджана и регулирует вопросы защиты национальной информационной безопасности в стране. Однако на фоне стремительного развития информационных технологий и роста международных отношений важным вопросом в международных отношениях становится обеспечение национальной информационной безопасности. В этом контексте Азербайджан рассматривает данный закон как средство защиты своей информационной инфраструктуры от потенциальных угроз как извне, так и внутри страны. Азербайджан учитывает международные стандарты и нормы в области защиты прав человека и свободы слова при использовании этого закона в международных отношениях.

В международных отношениях закон направлен на обеспечение безопасности информационных систем и защиту государственных интересов Азербайджана в киберпространстве. Это позволяет Азербайджану укреплять свои позиции в мировом сообществе как надежного и ответственного участника в сфере информационной безопасности.

Люди, живущие в разных странах и враждебно настроенные по отношению к Азербайджану, ведут информационную войну против Азербайджана в виртуальном пространстве путем захвата национальных доменных имен, связанных с интересами Азербайджана. Против нашей республики широко распространяется дезинформация, фальсификация и искажение

национальных ценностей, информационная блокада, размещение отображения информации, не принадлежащей Азербайджану, и информации, принадлежащей Азербайджану и т. д. Таким образом Азербайджан, как и многие другие страны также становится объектами кибератак.

Из выше приведённого материала можно сделать вывод, что фактор ИКТ имеет большое значение в международных отношениях Азербайджана, создании его положительного имиджа и защите его национальных интересов. Однако по мере развития Интернета и информационного общества увеличивается количество кибератак, нарушающих работу электронных информационных и управлеченческих центров различных государственных структур и банковских систем, источников информации, составляющих государственную тайну, и они становятся фактором, серьезно влияющим на современную мировую политику.

Азербайджан является объектом информационных войн со стороны многих стран и международных организаций. Учитывая развитие ИКТ и будущее развитие, связанное с ним, можно сказать, что в ближайшем будущем число гибридных войн и атак на нашу страну будет увеличиваться. Для выхода из этой ситуации Азербайджан должен стать одним из основных центров ИКТ в регионе и разработать стратегические планы по развитию совместной информационной безопасности тюркоязычных стран.

Эта тактика окупилась сегодня. Во время и после 44-дневной Второй карабахской войны постоянные интервью с ведущими зарубежным СМИ, Президента Азербайджана Ильхама Алиева, ведущих азербайджанских дипломатов, правдивая информация, в связи с карабахским конфликтом, доведённая и международным организациям через международные СМИ и социальные сети были эффективными средством в донесении до мировой общественности справедливой позиции Азербайджана.

В сфере информационной политики и информационной войны, с которой Азербайджанская Республика сталкивается сегодня, необходимо отметить следующее:

- Эта политика должна рассматриваться в общем контексте ситуации, которая сейчас сложилась в стране, в условиях жесткой борьбы за власть, мирового экономического кризиса и в рамках защиты собственных государственных

интересов.

- В этой информационной войне следует отметить участие не двух, а большего числа участников, среди которых нужно рассматривать не только Россию, но и страны западной Европы и международные организации.

- Основное внимание Азербайджанская Республика должна уделять двум фронтам: внутреннем, на котором власть должна прекратить разного рода политические бои, и внешней, где есть определенные сложности во взаимоотношениях с некоторыми странами и различными международными организациями в целом.

- Новые реалии, привносимые в общество глобализацией, виртуальным пространством, особенно требуют свежих взглядов на обучение и воспитание подрастающего поколения в здоровом духе, на основе высоких национально-духовных и общечеловеческих гуманистических ценностей.

В этом плане перед нашим государством стоит важная задача: для определения границ своего национального информационного пространства от границ глобального информационного пространства в первую очередь, следует особо уделять внимание на внутренний информационный потенциал.

Именно этим целям служит государственная информационная политика Азербайджана в постсоветский период.

Библиография:

1. Бакинский рабочий.–2022- 23 июля- С.1;3
<http://www.anl.az/down/meqale/bakrabochiy/2022/iyul/807528.htm>
2. Azərbaycan Respublikasının Konstitusiyası.«Qanun».Baki. 2009
3. Information and Communications Technology. URL: <https://www-trade-gov/country-commercial-guides/azerbaijan-information-and-communications-technology> (дата обращения: 10.06.2023)
4. Mahmudova R.Ş. , Daşdəmirova K.Q. Informasiya cəmiyyəti mühitində bəzi informasiya təhlükəsizliyi problemlərinin analizi // İnfomasiya cəmiyyəti problemləri. 2021. № 2. S. 83-94. DOI: 10.25045/jpis.v12.i2.06
5. Министерство Юстиции Азербайджанской Республики Единая электронная база правовых актов // URL: <http://www.e-qanun.az> (дата обращения: 07.04.2022)

6. Министерство Юстиции Азербайджанской Республики Единая электронная база правовых актов // URL: <http://www.e-qanun.az> (дата обращения: 07.04.2021)
7. Распоряжение Президента И.Алиева от 2008 года «О создании в Азербайджанской Республике космической промышленности и выводе на орбиту телекоммуникационных спутников», Государственной Программы «О создании и развитии Космической промышленности» <https://president.az/ru/articles/view/7257>
8. Ильхам Алиев наблюдал за процессом запуска на орбиту первого телекоммуникационного спутника Азербайджанской Республики «Azerspace – 1» <https://president.az/ru/articles/view/7257>
9. Выступление Президента Ильхама Алиева на церемонии открытия 74-го Международного астронавтического конгресса, <https://president.az/ru/articles/view/61400>
10. Речь Президента Ильхама Алиева на церемонии инаугурации в Милли Меджлисе 14 февраля 2024 года.
<https://president.az/ru/articles/view/63979>
11. Azərbaycan Respublikasının Prezidenti İlham Əliyev 3 sayılı DOST mərkəzinin açılışında iştirak edib. [Elektron resurs] / Azərbaycan Respublikasının Prezidentinin rəsmi internet saytı. – Bakı, 19 may 2020 – URL: <https://president.az/az/articles/view/38535/print>
12. «Уроки дипломатии длиною в 44 дня» – все интервью ...1news.az <https://1news.az> > news > 20210414062110724-Uroki..
13. Azerbaijan's pro-government media: Just following orders. URL: <https://eurasianet.org/azerbaijans-pro-government-media-just-following-orders> (дата обращения: 10.06.2023)
14. Успехи и промахи пиара в жизни Азербайджана и его Президента. URL: <http://www.profiforex.org/novosti-mira/novosti-sng/azerbaijan/entry1008136627.html> (дата обращения: 10.06.2023)
15. В Азербайджане создана Координационная комиссия по информационной безопасности Report.az <https://report.az> > Главная > Внутренняя политика
16. Azərbaycan Respublikasının Prezidenti İlham Əliyev 3 sayılı DOST mərkəzinin açılışında iştirak edib. [Elektron resurs] / Azərbaycan Respublikasının Prezidentinin rəsmi internet saytı. – Bakı, 19 may 2020 – URL: <https://president.az/az/articles/view/38535/print>

Shapi YAGIZAROV (Azerbaijan),

Ph.D in History, assistant professor of
the Academy of Public Administration under
the President of the Republic of Azerbaijan

INFORMATION POLICY OF AZERBAIJAN

Summary: The article examines conceptual issues of conducting information policy, functioning of mass media in the Republic of Azerbaijan. The process of legislative support of the state for the activities of mass media in the republic and legal regulation of information security is analyzed step by step.

Keywords: constitution, mass media, law, censorship, information policy, press, democracy, security.

Шапи ЯГИЗАРОВ (Азербайджан),

доктор философии по истории,
доцент Академии Государственного Управления
при Президенте Азербайджанской Республики

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА АЗЕРБАЙДЖАНА

Резюме: В статье рассматриваются концептуальные вопросы по ведению информационной политики, функционирования средств массовой информации в Азербайджанской Республике. Поэтапно анализируется процесс по законодательному обеспечению государством деятельности средств массовой информации в республике, и нормативно-правового регулирования информационной безопасности.

Ключевые слова: конституция, средства массовой информации, закон, цензура, информационная политика, пресса, демократия, безопасность.

Huseyn SULTANLI (United Kingdom),
huseyntsultanli@yahoo.com

THE FORTHCOMING SPELL IN IRAN-US RELATIONS: BETWEEN FURTHER HOSTILITY AND CAUTIOUS RESTRAINT

Very few political events attract as much international attention, debate, and polarization in their coverage as the American presidential elections. Even though opinions on the role of the United States in the international community and the strength of its general influence often differ among analysts, the foreign policy trajectory pursued by the American president remains the most influential catalyst for the unfolding of events in international affairs. It is precisely for this reason why the November election, regardless of who eventually contests it and wins, is another historic opportunity for the US to either consolidate or redefine the course of its foreign policy and global outlook. The current international system is characterized by significant hostility, with more than just one armed conflict threatening to escalate into something more dangerous for international peace. The gravity of this situation is arguably reinforced most forcefully by the fact that the current system, with multilateralism and nuclear deterrence at the core, had been designed following the Second World War to prevent a scenario like the one observed today from being a possibility.

Although the war in Ukraine and the conflict between Israel and Hamas tends to dominate global media headlines, relations between the ‘West’ (primarily the US) and Iran play a sometimes understated but highly significant role in shaping the current international security landscape. The ‘Iranian’ issue continues to form a significant part of America’s Middle Eastern policy, often considered a crucial element when it comes to defining the legacies of American presidents and their international outlooks. This can be seen most vividly with President Trump, with pulling the United States out of the ‘Iran deal’ in 2018 widely recognized as one of his first foreign policy acts as president. As Iran recently elected a new president following the sudden death of President Raisi, it will simultaneously be keeping a close eye on Washington and the extent to which the pre-election period, likely to be dominated by Trump’s ongoing legal cases, might offer an insight into future American policy towards the country and the region.

The roots of the hostility

In the eyes of many Western policy experts and high-profile politicians, ‘dealing’ with Iran has and will remain a key foreign policy priority. For several decades, the state has been unequivocally characterized as one that is ‘hostile’ to Western nations and institutions. This portrayal originated several decades ago, with the first set of sanctions introduced by the West against Iran in 1972, followed by a more targeted package in 1992. The country’s relationship with Western powers has always been viewed through the prism of geopolitical competition. This involves issues like the highly complex matter of nuclear deterrence, confrontation over the global oil markets and the general perception of Iran in the West as a power that inherently ‘misaligns’ with its view of the world and international affairs.

In addition to being seen as an actor that contradicts the key principles upon which the ‘Western’ system is based, Iran is treated by many with equally extreme caution in the foreign policy sphere. This is often linked with the country’s extensive power and influence in the Middle East, with multiple military groups such as Hezbollah and Hamas reliant on Iranian backing. The depth of this support is reflected by the fact that Iran’s relationship with these groups is categorized by the informal ‘axis of resistance’, designed to push back against Western cynicism and ‘imperialist’ motivations in the Middle East. Crucially, however, it is Iran’s nuclear programme and the decade long attempt by the West to manage and constrain its development that has most influenced the state of the country’s relationship with the rest of the world. Arguably, it was Donald Trump’s time in office that seemed to most intensely de-stabilize a complex relationship suffering from an already highly dangerous level of unpredictability and mistrust.

The Iran deal and its immediate future

The Iran Nuclear deal, also known as the Joint Comprehensive Plan of Action (JCPOA), was an agreement signed in 2015 between Iran and various other powers, including the United States. The agreement was designed to provide considerable sanction relief to Iran in

return for Tehran significantly scaling back its nuclear programme. Despite the deal initially being seen as an essential step to advancing nuclear non-proliferation and preventing Iran from developing into a hostile nuclear power, the decision by President Trump in 2018 to withdraw the United States from the agreement on the basis of it being a counterproductive for American geopolitical interests served to reignite already deep-rooted tensions. Even though President Biden yowed to re-join the Deal upon his arrival in office, the United States is yet to do so. This is the clearest indication that the positions of the sides on the most important issue surrounding the broader relationship, that of Iran's approach to nuclear proliferation, do not converge.

November's presidential elections, should Donald Trump emerge victorious, have the potential to cause a major development in American Iranian relations. Throughout the Biden Administration's tenure, partly due to several unprecedented and unforeseen international events such as the global pandemic and the war in

Ukraine, the Iran deal was rarely at the forefront of foreign policy discussions. Although Biden was clear in his intentions to re-join the deal at ‘some point’, this has not materialized and is a process that is likely to be derailed even further should Trump return to the White House. The former president considers Iran an existential threat to American national security, never hesitating to take military action and retaliate whilst in office. The assassination of Iranian general Qasem Soleimani was one of several major escalations that occurred in the aftermath of America's withdrawal from the deal, with the drone strikes labelled as a strategic and retaliatory measure to prevent Iran from carrying out further attacks on American personnel in the region. Trump's belief that Iranian foreign policy is the most significant barrier to the

prospect of peace in the Middle East is further highlighted by the signing of the Abraham Accords, agreements on the ‘normalization’ of relations between Israel and a number of Arab states including the UAE primarily through the mutual recognition of sovereignty.

In parallel to the withdrawal from the ‘Iran deal’, the Trump administration initiated a campaign of ‘maximum pressure’ on Tehran which had been designed to ‘punish’ the country’s leadership for supposedly failing to comply with the terms of the JCPOA. Moreover, the Administration proceeded to label the Islamic Revolutionary Guards Corps (IRGC), essentially the

country’s principal military organisation, as a terrorist one. Suddenly, it felt like what was a promising agreement designed to overcome a major international security threat had failed to survive into the next decade. The arrival of President Biden had, in theory, signalled to positive change with the President heavily critical of Trump’s decision to withdraw. However, through Biden’s first term, it never truly felt like the Iran deal was a foreign policy ‘priority’. As mentioned, the instability that followed on from the global pandemic and the beginning of the Ukraine war, in addition to challenge of balancing the deep-rooted partnership with Israel and conciliation with Iran, all prevented the Iran deal from being at the forefront of political conversations in Washington. The relationship continues to be shaped by fluctuating levels of tension and détente, with numerous instances of either strengthened sanctions or acts of political goodwill such as the exchange of prisoners and the unfreezing of Iranian revenues affected by decades of sanctions.

Iranian and American elections – will the electorate have a major say?

The election of reformist candidate Masoud Pezeshkian as Iran's next president, following the untimely death of President Raisi, provides interesting room for thought with regards to the future development of US-Iran relations. Pezeshkian, 69 years old, has a career full of public service, having previously run for president twice and also served as the Minister of Health. He has represented the Tabriz, Osku and Azarshahr electoral districts and served as the Iranian parliament’s Deputy Speaker from 2016 to 2020. In principle, the more centrist candidate is expected to be more tolerant towards the idea of working closer with the West and stopping the further isolation of Tehran from the international community. The vote for a more centrist and ‘socially liberal’ candidate may indicate a willingness among the Iranian population to pursue an agenda of change in both domestic affairs and the foreign policy domain. Nevertheless, given the highly complex nature of the Iranian political system and, ultimately, the role of the Supreme Leader, it is almost certain that major decisions on foreign affairs will remain outside Pezeshkian’s list of responsibilities. Therefore, even if there might be appetite among voters for reform and potential realignment with the West, the extent to which this will be possible remains extremely uncertain.

Moreover, given the recent escalation between Iran and Israel and the on-going hostility over Gaza and the broader Middle Eastern security landscape, there is little a newly elected president in a system like Iran's can do to radically change the geopolitical reality on the ground. Although Pezeshkian is naturally more willing to engage in negotiations with American leadership and radically differs in this to his hard-line alternative Saeed Jalili, a lot will depend on the way the US approaches the Iranian nuclear challenge and whether this approach will be deemed satisfactory enough by the Iranian side.

Elsewhere, US presidential elections represent another potential array of opportunities for the future unfolding of Iran's relationship with the West. The Iranian political class is certain that in the case of a Trump victory, relations will continue to be marked by mutual distrust. Nevertheless, there is no particular sense of optimism surrounding the prospect of a second Biden term. The current president, despite voicing support for the deal, is in no way as passionate of an advocate of the deal as his Democratic predecessor, Barack Obama. Donald Trump has repeatedly stated that the current situation in Gaza would have been avoided if he had been president, often pointing the blame exclusively at Tehran and its role in establishing and diffusing the 'axis of resistance' of which, crucially, Hamas is a part of. His now famous categorisation of his enemies and opponents as "bad guys" or "bad people" is likely to be applied to the likes of Iran more forcefully as ever before, should he return as president. This, rightly so, places in question the extent to which an individual president or administration can, in the present regional environment, considerably influence the course of the relationship. The presence of armed confrontation, of which Iran, albeit indirectly, is an integral part, and the potential for further escalation, has undoubtedly overshadowed diplomatic efforts to manage and alleviate what is a deep-rooted and multi-faceted hostility.

Most recently, it was announced that James David Vance, an American senator from Ohio, was chosen as Donald Trump's 'running mate' (Vice-President) for the upcoming election. Vance's international outlook, and more specifically his derogatory remarks about Islam and its role in international affairs will only further exacerbate a strained relationship between Trump and the Iranian political class. Vance has followed Trump in classifying

the Iran Deal as a 'disaster', describing Israel as America's closest ally and labelling several countries, including Iran, as 'Islamist' countries. Along with criticising the Western effort to uphold Ukraine's war effort, Vance is unlikely to be willing to compromise on issues politicians like him tend to label as being counter to American self-interest.

Broader lessons for the global order

There is profound concern in the West that an increasing number of states, historically open in their rejection of a 'Western-oriented' international system, are leaning towards more fragmented cooperation in different alliance blocs. This undoubtedly includes Iran, who in addition to being a powerful player in the Middle East that prioritises countering Israeli influence is also consistently developing closer ties with powers like Russia. Hence, there are genuine concerns about the establishment of an alternative global alliance that seeks to counteract Western influence and instead formulate a common approach to cooperation that prioritises the immediate interests of those states and those of their respective regions. Many in the West are appreciative of this dynamic and have in fact resorted to self-criticism when recognizing the inability of relevant institutions to consolidate and sustain the diffusion of a rules based international order they believe should serve as the guiding principle for all nations. The European Union, for example, has not yet succeeded in its pledge of becoming a powerful force in security and defence. In this case, internal disputes, and the inability to reach consensus on key policy areas tend to further undermine the trust of many in the power of European and Western institutions to act as global leaders. This is further exacerbated by the emergence of far-right nationalism in various European capitals, something several Western leaders appear determined to confront immediately. Nevertheless, despite the consistent framing of the likes of Iran, Russia, and China as 'them' in the 'us versus them' dichotomy, it appears the spread and consolidation of such 'alternative alliances' is now inevitable as they openly deepen and institutionalize their cooperation whilst criticising the 'West' and its international conduct.

What should be expected?

Despite its divisive nature, with many questioning its utility in the first place, the Iran deal did achieve a level of 'restraint' in US-Iran relations. However, the deal did not succeed in removing the

inherent sense of distrust between the sides. Moreover, Iran's position within the Middle East's dynamic and its relationship with other key actors is an additional element to consider. The escalation of the Israeli-Palestinian conflict, and the unprecedented exchange of strikes between Iran and Israel in April 2024 demonstrates that the sides are certainly not headed for peace and mutual co-existence. Given its status as the leader of the free world, a status that requires both practical and moral leadership, the US will be expected to play a fundamental role in keeping a tap on further armed escalation. However, it will almost certainly be the American electorate that will dictate in what capacity this role will be. Given the considerable weight of the challenge Iran poses, it will undoubtedly be among the leading foreign policy factors voters consider before deciding on the ‘next leader of the free world’.

Bibliography:

1. “A Brief History of Sanctions on Iran”, *Atlantic Council*, May 8, 2018, accessed via <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/a-brief-history-of-sanctions-on-iran/> (13.07.2024 15:33)
2. “Iran’s Axis of Resistance”, *The New York Times*, April 4, 2024, accessed via <https://www.nytimes.com/2024/04/04/briefing/iran-israel-war-taiwan.html#:~:text=The%20network's%20name%20is%20a,tactics%20have%20long%20been%20radical>. (12.07.2024 13:33)
3. “Profile: Masoud Pezeshkian, new reformist president of Islamic Republic of Iran”, *AZERTAG News Agency*, 6 July 2024, accessed via https://azertag.az/en/xeber/profile_masoud_pezeshkian_new_reformist_president_of_islamic_republic_of_iran-3085522 (12.07.2024 14:44)
4. “Qasem Soleimani: US kills top Iranian general in Baghdad air strike”, *BBC News*, 3 January 2020, accessed via <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-50979463> (13.07.2024 14:43)
5. “Rejoining the JCPOA”, *Centre for Arms Control and Non-Proliferation*, accessed via <https://armscontrolcenter.org/factsheets/rejoining-the-jcpoa/> (14.07.2024 14:33)
6. “Revolutionary Guard Corps: US labels Iran force as terrorists”, *BBC News*, 8 April 2019, accessed via <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-47857140> (13.07.2024 15:00)
7. “The Abraham Accords”, *U.S Department of State*, accessed via <https://www.state.gov/the-abraham-accords/> (13.07.2024 14:00)
8. Avdaliani, Emil. “Iran and Russia Enter a New Level of Military Cooperation”, *Stimson*, March 6 2024, accessed via <https://www.stimson.org/2024/iran-and-russia-enter-a-new-level-of-military-cooperation/> (16.07.2024 11:12)
9. Erlanger, Steven. “Biden Wants To Rejoin Iran Nuclear Deal, but It Won’t Be Easy”, November 17 2020, accessed via [https://www.nytimes.com/2020/11/17/world/middleeast/iran-biden-trump-nuclear-sanctions.html#:~:text=Biden%20wrote%20in%20a%20September,for%20follow%20negotiations."](https://www.nytimes.com/2020/11/17/world/middleeast/iran-biden-trump-nuclear-sanctions.html#:~:text=Biden%20wrote%20in%20a%20September,for%20follow%20negotiations.) (15.07.2024 14:12)
10. Hafezi, Parisa. “Iran presidential candidate Jalili is fiercely loyal to Khamenei”, *Reuters*, June 29 2024, accessed via <https://www.reuters.com/world/middle-east/iran-presidential-candidate-jalili-is-fiercely-loyal-khamenei-2024-06-29/> (13.07.2024 16:33)
11. Harkov, Lahav. “J.D. Vance: I will be a strong advocate for Israel in the Senate”, *The Jerusalem Post*, July 20, 2022, accessed via <https://www.jpost.com/israel-news/article-712661> (12.07.2024 12:12)
12. Mills, Claire. “What is the status of the Iran nuclear deal?”, *House of Commons Library*, 24 April 2024, Number 9870, accessed via <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-9870/CBP-9870.pdf> (08.07.2024 15:32)

Huseyn SULTANLI (United Kingdom),
huseynsultanli@yahoo.com

THE FORTHCOMING SPELL IN IRAN-US RELATIONS: BETWEEN FURTHER HOSTILITY AND CAUTIOUS RESTRAINT

Summary. This piece analyses the recent dynamics in the relationship between the United States and Iran through the lens of both country's presidential elections. Taking into consideration the historical dimension of the relationship, the piece considers the ways in which the potential return of Donald Trump could further damage an already hostile relationship and undermine international security.

Keywords: Iran nuclear deal, United States, international security, nuclear proliferation, presidential elections, Trump, Pezeshkian, sanctions, Middle East, Israel

Гусейн СУЛТАНЛЫ (Великобритания),
huseynsultanli@yahoo.com

ПРЕДСТОЯЩЕЕ ОБОСТРЕНИЕ ИРАНО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ: МЕЖДУ ДАЛЬНЕЙШЕЙ ВРАЖДЕБНОСТЬЮ И ОСТОРОЖНОЙ СДЕРЖАННОСТЬЮ

Резюме. В этой статье анализируется недавняя динамика в отношениях между Соединенными Штатами и Ираном через призму президентских выборов в обеих странах. Принимая во внимание историческое измерение отношений, в статье рассматриваются способы, с помощью которых потенциальное возвращение Дональда Трампа может еще больше испортить и без того враждебные отношения и подорвать международную безопасность.

Ключевые слова: Ядерная сделка с Ираном, Соединенные Штаты, международная безопасность, распространение ядерного оружия, президентские выборы, Трамп, Пезешкиан, санкции, Ближний Восток, Израиль

Parvin ALAKBAROVA (Azerbaijan),
PhD student on International relations and foreign policy of the
Academy of Public Administration under the President of
the Republic of Azerbaijan
parvin.ibrahim.m@gmail.com

AGGRAVATION OF THE INTERNATIONAL RELATIONS ON THE CONTEXT OF EXPANSION OF THE NORTH ATLANTIC TRADE ORGANIZATION (from the beginning of 2022 to nowadays)

At the summit held in Madrid in 2022, a new strategic concept of the organization was adopted, reflecting the action plan until 2030. The document states that NATO will continue to fulfill three main tasks: deterrence and defense; crisis prevention and management; and security of cooperation. These are complementary to ensure the collective defense and security of all allies. It is written that there is no peace in the Euro-Atlantic region, and the main reason for this is the Russian Federation. Thus, the Russian Federation has violated the norms and principles that maintain a stable and predictable European security order [3, s. 3].

The Russia-Ukraine war, which has been going on since last year, as a result of the disruption of peace in the region, massive human casualties, and the formation of an army of refugees, makes it reasonable to see Russia as a direct threat to collective security. On the other hand, NATO's expansion towards Russia's borders is eroding Russia's footholds in the region one by one, forcing it to take military action.

The issue of NATO expansion is reflected in Article 10 of the North Atlantic Treaty. This article allows the organization to accept new members. With the joint consent of the member countries, any European country can be invited to contribute to the security of the North Atlantic zone. After this invitation, the accession negotiations begin [1].

After the collapse of the USSR, Russia's attempts to expand its sphere of influence again created a competitive environment with the Alliance. During the existence of the USSR, the Warsaw Pact Organization tried to maintain the balance of power with NATO, after the collapse of the USSR, these efforts continue in the form of the Collective Security Treaty Organization.

The Tashkent agreement, which established the foundation of that organization, states: "If one of the member states is subjected to aggression (a military attack that threatens security, stability, territorial

integrity and sovereignty), then this will be considered as aggression against all member states of the agreement" [4]. This paragraph in itself corresponds to Article 51 of the UN Charter on the implementation of the right to collective security [2].

According to Article 51 of the UN Charter, members of the organization have the right to individual or collective self-defense in the event of a military attack against them, until the Security Council takes the necessary measures for international peace and security. The measures taken while exercising this right must be immediately reported to the Security Council [2, p. 10-11].

At the Brussels summit held on January 10-11, 1994, NATO put forward the "Partnership for Peace" program. It was a program of cooperation with non-member states of the Alliance. Although it covered 24 states at the initial stage, the number of states that joined it increased regularly. According to the framework document of the program, each partner-state assumed a number of political obligations: to protect a democratic society, to comply with the principles of international law, to implement the obligations arising from the UN Charter, the Universal Declaration of Human Rights, the Helsinki Final Act, and international agreements on arms control. to refrain from threats and use of force against other states, not to violate the borders of states, to resolve disputes peacefully. Russia did not have a positive attitude to the "Partnership for Peace" program due to the fact that Central and Eastern European countries could become members of the Alliance in the future. The former president of the Russian Federation, B. Yeltsin, said that "if Central and Eastern European countries are admitted to the Alliance, this will lead to the creation of a "cold peace" situation between Russia and NATO" [5, p. 3].

NATO-Ukraine relations. NATO's tendency to expand recently became one of the factors that accelerated the Russia-Ukraine conflict. Russia has always seen NATO's eastward expansion as a threat. Back in 2008, after the Bucharest summit, the

head of the Russian General Staff Yuriy Baluevsky stated that "if Georgia and Ukraine join NATO, Russia will be forced to take military and other measures to secure its interests near the state borders" [6]. Vladimir Putin declared that if NATO military facilities ever appear in Ukraine, Moscow will target this country with its missiles.

In his address on February 21, 2022, President of the Russian Federation V. Putin spoke about the events in Ukraine and said that this country has unbreakable ties with Russia. Before that, the Russian Federation made a number of demands to NATO and the United States; Rejecting NATO's eastward expansion, guaranteeing that Georgia and Ukraine will not be admitted to NATO, withdrawing US military forces from Eastern Europe and refusing to deploy military forces in Europe. As a result of non-fulfilment of these demands, Russia realized its intention to attack Ukraine directly.

Historically, making demands that the opposing side won't fulfill is just an excuse to start a war. Making such demands to NATO, which has set eastward expansion as an important task, is just one such example. As a result of recent enlargement, NATO has a direct border with Russia.

The membership of Finland, which has a 1340 km border with Russia, strengthened the blockade against Russia and led to further straining of relations between Western countries and Russia.

CONCLUSION

The following conclusions can be reached in the investigation of the topic:

- The North Atlantic Treaty Organization organizes the collective defense of member states. Since the organization has a great political and military potential to realize this goal, there have always been states that wanted to become members of it.

- Although the contours and participants of the Cold War confrontation have changed, it has remained essentially unchanged. The struggle for supremacy in Europe continues.

- NATO membership of the post-Soviet states calls into question Russia's leadership in the region, which leads to inadequate actions by it.

- Some NATO countries moderate bilateral relations with Russia.

- Russia-Ukraine war will continue as long as NATO's expansion policy continues and there is no compromise with Russia. The continuation of the war may lead to an increase in its direct and indirect participants.

- Finland's membership in NATO, which has maintained its neutrality for a long time, suggests that the region may be completely blocked in the near future.

Bibliography:

1. NATO məlumat kitabı/ NATO, ictimai diplomatiya şöbəsi ; Azərb. Resp. Xar.

İşlər Naz.; NATO Azərb. Beynəlxalq Məktəbi (NİSA) 2009. 388 s.

2. Charter of the United Nations and statute of the International Court of Justice.

San Francisco 1945

3. NATO 2022 Strategic Concept. 11 p.

https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept.pdf

4. Договор о Коллективной Безопасности от 15 мая 1992 года

https://odkbcsto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezopasnosti/#loaded

5. Завада А. А. «Расширение Североатлантического Альянса (НАТО) на Восток и политика Российской Федерации (90-е гг. XX века).

6. Russia army vows steps if Georgia and Ukraine join NATO

<https://www.reuters.com/article/newsOne/idUSL1143027920080411>

Parvin ALAKBAROVA (Azerbaijan),

PhD student on International relations and foreign policy
of the Academy of Public Administration under the President of
the Republic of Azerbaijan
parvin.ibrahim.m@gmail.com

**AGGRAVATION OF THE INTERNATIONAL RELATIONS ON THE CONTEXT OF EXPANSION OF THE
NORTH ATLANTIC TRADE ORGANIZATION
(from the beginning of 2022 to nowadays)**

Summary. This article is devoted to a very pressing problem today - the conflict at its height, observed in sharp confrontation not only in the region, but throughout the world. The article explains the concept of collective security on the basis of the Collective Security Treaty, The United Nations Charter, and the Washington Treaty establishing NATO.

Keywords: collective security, the international organizations, conflicts, confrontation, alliance

Парвин АЛАКБАРОВА (Азербайджан),
докторант международных отношений и внешней политики
Государственной Академии Управления при Президенте АР
parvin.ibrahim.m@gmail.com

**ОБОСТРЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ РАСШИРЕНИЯ
СЕВЕРОАТЛАНТИЧЕСКОЙ ТОРГОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
(с начала 2022 года по настоящее время)**

Резюме. Данная статья посвящается весьма актуальной проблеме на сегодняшний день – конфликту в своём разгаре, наблюдаемому резкой конфронтацией не только в регионе, но и во всём мире. В статье понятие коллективной безопасности объясняется на основах Договора Коллективной Безопасности, Хартии Организации Объединённых Наций, Вашингтонского Договора об основании НАТО.

Ключевые слова: коллективная безопасность, международные организации, конфликты, конфронтация, альянс

Айшан БЕХБУДОВА (Азербайджан),
магистрант Академии Государственного Управления
при Президенте Азербайджанской Республики

МОЗГОВЫЕ ЦЕНТРЫ И ИХ РОЛЬ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В системе современных международных отношений все больше и больше государств уделяют огромное внимание политической экспертизе. Нужда о создании аналитических центров берет свое начало с середины 20 века, в послевоенный период, когда мир столкнулся с новыми политическими и экономическими проблемами, требующими глубокого анализа. Хоть и принято считать родиной аналитических центров Соединенные Штаты Америки, аналитические центры берут свое начало 1920 года с создания Британского института международных отношений. Это был Британский институт международных отношений (The British Institute of International Affairs - ВИА), переименованный в 1926 году в Королевский институт международных отношений (The Royal Institute of International Affairs - RIIA) и существующий под таким названием по сей день. Институт известен также как Чэтем-хаус (Chatham House) - так называется здание, в котором он размещается, рядом с Вестминстерским дворцом в центре Лондона.

Цель работы Чэтем-Хауса заключается в создании пространства для обсуждения значимых политических вопросов и вызовов среди его участников. Независимые исследования, проводимые членами организации, направлены на разработку новых идей и подходов для государственных лидеров в сфере внешней политики. Кроме того, материалы Чэтем-Хауса предоставляют экспертные мнения для средств массовой информации по ключевым вопросам международных отношений. Исследования организации построены вокруг пяти тематических программ, включающих: окружающую среду и общество; глобальную экономику и финансы; глобальную безопасность здравоохранения; международное право; и международную безопасность; а также семь региональных программ [1 с. 74-75].

Чуть позднее, в 1940-х годах появляется такой термин как «мозговые центры» или же «фабрика мыслей». Этот термин подразумевал собой любые

неправительственные организации, занимающиеся исследованиями и разработками. Именно в XX веке появились самые известные на сегодня «мозговые центры», такие как Брукингский институт, Фонд Карнеги США, Фонд «Наследие», Ранд Корпорейшон.

Одним из самых старых и влиятельных аналитических центров в США является Брукингский институт, расположенный в Вашингтоне. Основанный в 1916 году, он стал первой частной исследовательской организацией, целью которой было глубокое изучение вопросов государственной политики на федеральном уровне. На протяжении своего существования Брукингс привлекал авторитетных американских экспертов с впечатляющими научными достижениями и обширными связями. В настоящее время в институте работает 391 специалист. Брукингс активно взаимодействует с представителями законодательной (Конгресс США), исполнительной (Белый дом) и судебной ветвей власти. Организация традиционно служит важной площадкой для подготовки кадров для многих президентских администраций. Например,

после того как Б. Обама вступил в должность президента в 2009 году, множество сотрудников института заняли высокие посты в его команде [2].

Сегодня аналитические центры свободного рынка, заинтересованные в воздействии на климат своей государственной политики, существуют в странах по всему миру. Аналитические центры свободного рынка особенно заметны в бывших социалистических странах Центральной и Восточной Европы. Их можно найти в Албании, Азербайджане, Беларуси, Болгарии, Хорватии, Чешской Республике, Киргизии, Литве, Македонии, Черногории, Польше, Румынии, Сербии, Словакии, Словении и Таджикистане, и это лишь некоторые из них.

В мире акторов, которые стремятся привлечь внимание на политической сцене, «мозговые центры» (МЦ) появляются как относительно новый тип акторов во многих странах, но в большом количестве. Они в общем понимаются как организации, которые проводят исследования государственной политики и

стремятся влиять, посредством продвижения своих идей, на формирование этой политики. Помимо анализа политики, аналитические центры также выполняют ряд вспомогательных функций, которые помогают усилить анализ политической деятельности и иногда предлагают свои консультативные услуги государственным структурам по принятию политических решений.

Стратегии прямого воздействия на ход политических действий или формулировки политических инициатив должны рассматриваться наряду с более долгосрочным, косвенным и тонким влиянием на идеологические установки правительства. В США существуют различные открытые организации, которые активно влияют на мировую политику. Эти организации получают финансирование из разных фондов и пользуются налоговыми льготами. Аналитические центры имеют свою собственную специализацию или нишу: одни сосредоточены на определенных аспектах политического спектра, другие стремятся быть двухпартийными или внепартийными. Некоторые из них ориентированы на публикацию работ своих исследований в СМИ, в то время как другие нацелены на влияние на действующую администрацию.

Одним из ключевых направлений работы Американского института предпринимательства (АИП) является анализ вопросов внешней и оборонной политики, особенно касающихся Ближнего Востока. Хотя официально АИП не высказывает своей позиции по тем или иными политическим вопросам, нельзя не отметить влияние консервативных взглядов сотрудников на роль США в международном порядке.

Специалисты АИП активно исследовали проблемы Ближнего Востока. Они отмечали, что администрация Джорджа Буша не смогла добиться окончательной победы в войне в Заливе, так как не свергла режим Саддама Хусейна. Критически оценивая политику «двойного сдерживания», многие

консервативные аналитики, включая экспертов из АИП, Вашингтонского института Ближнего Востока и Ближневосточного форума, считали смену режима в Ираке наиболее приемлемой стратегией для США. В середине 1990-х годов АИП организовал ряд конференций и семинаров, призывающих к пересмотру подхода США к этому региону [3].

С начала 1998 года республиканцы в Конгрессе стали основным инструментом влияния на

исполнительную власть. В числе главных сторонников смены режима в Ираке были спикер Палаты представителей Ньют Гингрич и лидер большинства в Сенате Трент Лотт, оба из которых имели тесные связи с АИП. Таким образом, к середине 1990-х годов в США образовалась значительная группа консервативно настроенных политиков и идеологов, призывающих к новой стратегии в отношении Ирака. Хотя свержение Хусейна не состоялось во время президентства Клинтона, они смогли добиться принятия Закона «Об освобождении Ирака» в 1998 году, который подчеркивал необходимость поддержки усилий по свержению его режима и установлению демократического правительства [4].

На противоположном конце политического спектра находится Брукингский институт. В отличие от консервативных аналитических центров, таких как АИП, Институт Брукинга занимал более осторожную позицию по поводу ситуации в Ираке. Директор отдела международных исследований Р. Хаас в своих выступлениях подчеркивал два основных подхода: свержение С. Хусейна и стратегию сдерживания. Он критиковал первый подход, утверждая, что убийство Хусейна могло бы негативно сказаться на репутации США, а иракская оппозиция была слишком слабой для успешного свержения режима. Хаас считал, что сдерживание, направленное на ограничение угроз со стороны Ирака и соблюдение резолюций ООН, могло быть более эффективным.

Эксперты Брукинга также отмечали недостатки политики, направленной на свержение диктатора. Таким образом, в американском научном сообществе не было единого мнения о стратегии в Ираке, что способствовало разнообразию идей. После войны в Заливе возникла острая необходимость в формировании новой концепции политики США на Ближнем Востоке. Консервативные центры, такие как АИП, активно продвигали жесткие меры против Хусейна, часто с поддержкой иракской оппозиции, хотя их исследования не всегда учитывали последствия изменения режима. Левоцентристские организации, такие как Брукингс, уступали АИП в разработке политических идей и влиянии на общественность, продолжая поддерживать политику двойного сдерживания, которая к середине 1990-х уже теряла актуальность. Современные науки, включая социальные, достигли такого уровня развития, что непрофессионалам становится крайне сложно

проводить аналитически и методологически корректные исследования. Даже опытные исследователи часто не могут отслеживать все новые публикации в своей области. Существующая система степеней, рецензирования научных журналов и цитирования, а также специализированная терминология и методологии созданы для отделения научных исследований от материалов журналистики и других жанров. Хотя такая система имеет формальный характер и не является идеальной, на сегодняшний день не существует удовлетворительных альтернатив для оценки научности различных концепций и анализа.

Однако она порождает некую изоляцию, в которую исследователи оказываются заперты. Соблюдение всех требований к научной работе может отдалять их исследования от практических нужд. Лица, принимающие решения, перегружены информацией и не всегда могут уделять время изучению сложных методологических аспектов, что затрудняет их знакомство с длинными монографиями и даже с более короткими научными статьями. Кроме того, актуальность анализа по конкретной проблеме зависит от момента, когда она становится важной для обсуждения. Из-за закрытости внешнеполитических процессов исследователю трудно предугадать, когда

настает этот критический момент. В результате он может подготовить материалы слишком рано, и они устареют, или слишком поздно, и не успеет повлиять на принятие решений. Таким образом, исследовательские организации не только занимаются объединением аналитиков и созданием условий для их работы, но и берут на себя функции маркетинга и лоббирования результатов своей исследовательской деятельности. Конкурентная политическая обстановка в США способствовала возникновению рынка идей, который, как и другие рынки, требует взаимодействия с потребителями. Для того чтобы исследование стало востребованным, необходимо активно его продвигать. Можно выделить две группы: университеты, которые в основном занимаются академическими исследованиями и теоретическими разработками, и организации, стремящиеся влиять на политический процесс. Эти организации не только имеют собственных экспертов, но и выступают в роли посредников, переводя научные знания на язык политики и распространяя их среди тех, кто принимает решения. Иногда они занимаются не столько

собственными исследованиями, сколько адаптируют и распространяют уже существующие идеи.

Таким образом, такие организации играют двойную роль: они предоставляют экспертную информацию для политики и одновременно являются заинтересованными участниками, приводящими определенные предложения. В США наиболее известны «мозговые центры», и их исследованию посвящено много литературы как внутри страны, так и за рубежом. Эти центры активно интегрируют научные знания в политическую практику, создавая единую экосистему, которая включает политиков, госслужащих, независимых экспертов и бизнес.

Определение понятия «мозговые центры» вызывает споры, но существует общее понимание их основных характеристик: это негосударственные, некоммерческие организации, занимающиеся политическими исследованиями для влияния на государственную политику. В их числе есть и такие, которые работают по контрактам с государственными учреждениями, как, например, корпорация РЭНД и различные исследовательские центры. Эта зависимость от заказчиков может ставить под сомнение их независимость и долговечность [5].

Чтобы уменьшить эту зависимость, многие центры стремятся диверсифицировать свои заказы. Корпорация РЭНД, например, была изначально создана для военных разработок, но со временем расширила свою деятельность и начала предоставлять анализ в других областях, таких как городское планирование и здравоохранение. В то же время некоторые «мозговые центры», такие как Институт Бруклинса и Фонд Карнеги, значительно ограничивают свою работу с государственными контрактами, что позволяет им сохранять независимость [6 с. 125-128].

В первые годы переходного периода после падения коммунизма «мозговые центры» в Восточной Европе столкнулись с серьезными изменениями. Эти организации сосредоточились на анализе политических и культурных процессов, которые определяли новое развитие общества.

Внедрение принципов глобализации стало для многих аналитиков неожиданным и сложным испытанием. Глобализация изменила представления о внутренней политике и международных отношениях, требуя от исследовательских центров нового подхода к анализу текущих событий. Как отметил Томас Фридман, глобализация — это не мимолетное явление,

а процесс, который охватил всю международную систему, оказав значительное влияние на внутренние дела и международные связи почти всех стран мира.

В условиях этого нового глобального контекста «мозговые центры» вынуждены были адаптироваться. Они стали обращаться к новым областям исследования, исследуя влияние глобализации на внутренние и внешние политики стран. Параллельно с этим аналитики начали переосмысливать методы, которые использовались ранее, и адаптировать их к новым реалиям. Важным аспектом этого процесса стало понимание значимости создания сетей и обмена идеями между различными исследовательскими организациями и экспертами на международной арене.

Таким образом, столкновение с феноменом глобализации стало важным этапом в эволюции посткоммунистических «мозговых центров». Они не только изменили свои исследовательские приоритеты, но и стали основными игроками в процессе формирования новых идей и концепций, что в конечном итоге способствовало более глубокому пониманию сложностей современного мира.

Глобализация значительно изменила деятельность аналитических центров, открыв для них новые возможности для международного сотрудничества и сетевого взаимодействия. С начала 1990-х годов появились международные аналитические центры и глобальные сети, которые стали важными игроками на мировой арене. Несмотря на то, что такие центры, как, например, Европейский политический центр в Бельгии, базируются в одной стране, они утверждают о своей независимости от конкретных национальных интересов. Этот центр, например, ориентируется на «многопрофильный подход» в анализе вопросов Европейского Союза, стремясь учитывать различные аспекты глобальной политики без предпочтения определённому государству-члену.

Тенденция к транснациональной коммуникации также усиливается: аналитические центры активно обмениваются информацией и опытом, создавая региональные и международные форумы. Одним из примеров является Глобальная сеть развития со штаб-квартирой в Нью-Дели, которая способствует международным исследованиям и сотрудничеству в области развития. Такие инициативы помогают укреплять связи между различными

организациями и экспертами, обмениваться идеями и накапливать опыт.

Международные организации, такие как Всемирный банк, играют важную роль в этом процессе, поддерживая деятельность аналитических центров и спонсируя региональные и международные конференции. Это содействие не только повышает видимость аналитических центров, но и помогает им расширять свои исследования и влиять на формирование политических решений.

В результате, количество аналитических центров по всему миру увеличивается, и они становятся все более значимыми участниками глобального дискурса. Их работа не только помогает анализировать современные вызовы, но и способствует выработке рекомендаций и стратегий для эффективного реагирования на эти вызовы. Глобализация, таким образом, не только расширила горизонты аналитических центров, но и привела к более тесному взаимодействию между ними и международными организациями, что в свою очередь усиливает их влияние на мировую политику и экономику.

Аналитические центры в Азербайджане играют ключевую роль в формировании и реализации государственной политики, а также в процессе международных отношений. Среди них особое внимание следует уделять Центру анализа международных отношений и Центру экономического и социального развития [7].

Одним из наиболее значимых примеров является Центр стратегических исследований при Президенте Азербайджана, который сосредоточен на политических и стратегических вопросах, имеющих важное значение для развития страны. Основными задачами этой организации являются анализ внутренней и внешнеэкономической политики, а также выработка рекомендаций для правительственные структур.

В состав Центра стратегических исследований входят два департамента: один занимается вопросами внешней политики, другой — внутренней. Это позволяет эффективно исследовать и оценивать как внутренние, так и внешние вызовы, стоящие перед Азербайджаном.

Аналитические центры страны проводят исследования в различных областях, включая экономику, безопасность и социальные науки, что

способствует выработке обоснованных решений. Эти центры также активно взаимодействуют с международными коллегами, устанавливая связи с мозговыми центрами в Берлине, Лондоне, Москве, Брюсселе, Анкаре и Вашингтоне.

Азербайджанские аналитические центры выступают консультантами для государственных учреждений, помогая в подготовке отчетов и стратегических планов. Их деятельность также включает организацию семинаров, конференций и круглых столов, что способствует обмену мнениями между экспертами, политиками и обществом.

Такой обмен знаниями и опытом не только повышает квалификацию сотрудников, но и влияет на развитие аналитических центров в стране. Это, в свою очередь, создает позитивные условия для работы экспертов в различных областях и укрепляет позиции Азербайджана на международной арене.

28 сентября 2022 года в Азербайджане прошел I Форум мозговых центров, организованный Центром анализа международных отношений (ЦАМО). Целью мероприятия было активизировать работу мозговых центров и адаптировать их деятельность к современным требованиям, а также установить эффективное взаимодействие между государственными структурами и аналитическими организациями. Обсуждения и анализ предложений в ходе Форума позволили определить перспективные направления для дальнейшей работы.

В Азербайджане стала традицией организация международных форумов и конференций, которые способствуют популяризации мозговых центров в обществе. Например, на международной конференции "Новый взгляд на Южный Кавказ: постконфликтное развитие и сотрудничество", прошедшей 13 апреля 2021 года в Университете ADA с участием Президента Ильхама Алиева, участники предложили провести конференцию в Карабахе, что получило положительный отклик от главы государства.

В результате, 28 апреля 2022 года состоялась международная конференция в Шуше, продолжившаяся в Баку, на которую собрались 40 делегатов из 23 стран. В Шуше участники провели панельные дискуссии на темы "Шуша – путь к возрождению" и "Сотрудничество: возможности и вызовы", посвященные восстановлению региона и постконфликтному сотрудничеству. Эта платформа предоставила зарубежным экспертам возможность

обсудить пути развития связей и коммуникаций между странами Южного Кавказа, а также мирную повестку для нормализации отношений между Азербайджаном и Арменией, что является основой для прогресса, безопасности и благосостояния региона [8].

Вопрос о политическом влиянии мозговых центров на принятие политических решений остаётся предметом обсуждения и анализа. Несмотря на заметный рост числа аналитических организаций в последние десятилетия, их влияние не всегда оказывается прямым или очевидным. Наличие мозгового центра не гарантирует автоматического доступа к политическим процессам, и их исследования не всегда приводят к немедленному воздействию на законодательство или исполнительные решения.

Аналитические центры могут проводить тщательный анализ политических вопросов, предоставлять ценные данные и рекомендации, но это не означает, что их предложения автоматически становятся частью политической повестки. На практике лишь относительно немногие центры могут похвастаться тем, что их исследования непосредственно влияют на принятие решений на местном, национальном или даже глобальном уровне. В большинстве случаев их влияние проявляется не как непосредственный эффект, а как часть более сложной структуры взаимодействия, в которой принимаются решения.

Таким образом, более уместно рассматривать мозговые центры как составную часть сложного механизма управления. Они выполняют важную функцию, предоставляя экспертные оценки и аналитические материалы, которые могут быть использованы при формировании политики, но не являются единственным или решающим элементом в этом процессе.

В некоторых случаях аналитические центры могут способствовать диалогу между различными заинтересованными сторонами, обеспечивая платформу для обсуждения важных вопросов. Они могут выступать в роли посредников, которые объединяют экспертов, политиков и представителей гражданского общества, что, в свою очередь, может усилить влияние их идей на процесс принятия решений.

Тем не менее, следует признать, что влияние мозговых центров часто ограничено множеством факторов. Это могут быть политические

предпочтения, экономические условия, общественное мнение и даже личные интересы тех, кто принимает решения. В результате, хотя аналитические центры играют значимую роль в формировании политического ландшафта, их влияние следует рассматривать в контексте более широкого спектра факторов, которые определяют, какие идеи и предложения получают поддержку и внедряются в реальную политику.

Таким образом, политическое влияние мозговых центров нельзя недооценивать, но и переоценивать также не стоит. Они являются важными игроками в системе управления, но их роль следует понимать как часть сложного и многоуровневого процесса, в котором множество факторов взаимодействуют, создавая уникальные условия для принятия решений [9 с. 4-31].

Библиография:

1. Шелленберг В. Вторжение 1940. Нацистский план оккупации Великобритании. - ОЛМА-ПРЕСС Образование , 2005 - 504 с.
2. Тэлбott С. Инситут Брукингса : как работают Аналитические центры . https://ciaotest.cc.columbia.edu/olj/fpa/fpa_nov02_talbott.pdf (дата обращения: 01.10.2024 14:52).
3. Хочешь мира? Сделай войну <https://www.aei.org/articles/you-want-peace-make-war/> . (дата обращения: 01.10.2024 14:47)
4. The Iraq War Looks Better with Time <https://www.aei.org/op-eds/the-iraq-war-looks-better-with-time/> (дата обращения: 05.10.2024 21:34)
5. Использование исследований аналитических центров <https://guides.library.georgetown.edu/c.php?g=933266&p=6727039> (дата обращения: 02.10.2024 18:23).
6. Кузнецов Н. Журнал : Мировая экономика и Международные отношения , 2018, том 62, № 6. - 124 с .
7. Глобальный рейтинг « Global Go To Think Tank » 2019. <https://www.bruegel.org/sites/default/files/wp-content/uploads/2020/01/2019-Global-Go-To-Think-Tank-Index-Report.pdf> .
8. В Баку состоялся I Форум мозговых центров Азербайджана https://azertag.az/ru/xeber/v_baku_sostoyalsya_i_forum_mozgovyh_centrov_azerbaidzhana-2311955 . (дата обращения: 04.10.2024 21:58).
9. Коротышев П.А. , Сорокин С.А. , Леушкин В.Д. . Аналитические центры как научные и политические структуры . Учебно-методическое пособие. - Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2017. – 31 с.

Айшан БЕХБУДОВА (Азербайджан),
магистрант Академии Государственного Управления
при Президенте Азербайджанской Республики

МОЗГОВЫЕ ЦЕНТРЫ И ИХ РОЛЬ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Резюме. Современные международные отношения требуют глубокого анализа и экспертизы, что привело к росту числа аналитических центров. Их история восходит к 20-м годам XX века с созданием Британского института международных отношений, известного как Чэтем-хаус. Эти организации стремятся влиять на политику, предоставляя исследования и рекомендации государственным структурам. В США и других странах «мозговые центры» становятся важными участниками политического процесса, разрабатывая идеи и подходы к актуальным вопросам. Их влияние на принятие решений часто ограничено множеством факторов, таких как политические предпочтения и общественное мнение. Тем не менее, они остаются значимыми игроками, способствующими формированию политического ландшафта.

Ключевые слова: Азербайджан, Чэтем-Хаус, Брукингский институт, аналитические центры, США, глобализация, Ирак, корпорация РЭНД.

Ayshan BEHBUDOVA (Azerbaijan),
master student of the Academy of Public Administration
under the President of the Republic of Azerbaijan

THINK TANKS AND THEIR ROLE IN SOLVING PROBLEMS IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS

Summary. Contemporary international relations require deep analysis and expertise, which has led to the emergence of think tanks. Their history dates back to the 1920s with the establishment of the British Institute of International Affairs, known as Chatham House. These organizations seek to influence policy by providing research and advice to government agencies. In the United States and other countries, think tanks have become important participants in the policy process, developing ideas and approaches to current issues. Their influence on decision-making is often limited by various factors, such as policy preferences and public opinion. However, they remain significant players in shaping the political order.

Key words: Azerbaijan, Chatham House, Brookings Institute, think tanks, USA, globalization, Iraq, RAND Corporation.

Khan HASANLI (Azerbaijan),
master student of international relations and diplomacy
at the Academy of Public Administration under
the President of the Republic of Azerbaijan

THE ECOLOGICAL SITUATION IN THE LIBERATED TERRITORIES OF AZERBAIJAN WITHIN THE FRAMEWORK OF GLOBAL CLIMATE SECURITY

Climate change is currently one of the most pressing global issues concerning the world. As we know, since the onset of the industrialization era in the 18th century, and especially after the mid-20th century, the Earth's climate system has been significantly negatively impacted. The rapid development of industrial facilities, alongside other atmospheric pollutants, has led to a sharp increase in the concentration of greenhouse gases on a global scale. According to the latest assessment report by the Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC), the average temperature of the Earth has increased by 0.8 degrees over the past 100 years. This temperature rise is primarily attributed to the increased concentrations of greenhouse gases—such as carbon dioxide (CO₂), methane (CH₄), nitrous oxide, and chlorofluorocarbons. Data presented by the IPCC indicates that in the past 250 years, encompassing the industrial era, the concentration of carbon dioxide in the atmosphere has risen by 28%, while methane levels have increased by 60% [1, pp. 370-373].

Azerbaijan has not been immune to the effects of global climate change. Over the past 100 years, the average annual temperatures in the country have increased by 0.4-1.3°C. Against the backdrop of climate change, Azerbaijan is exposed to various extreme climate events, including floods, avalanches, storms, hurricanes, fluctuations, strong winds, heatwaves, droughts, glacier melt, soil salinization, land degradation, desertification, and reductions in precipitation and water resources. Climate change restricts food security and access to water both regionally and globally, leading to hunger, poverty, and other severe socio-economic consequences, as well as increased migration and a rise in infectious and chronic diseases. It is no coincidence that the World Health Organization (WHO) has identified climate change as the greatest threat to global health in the 21st century. According to experts, even if efforts to minimize global warming are successful in the future, some negative impacts—such as rising sea levels, increasing ocean temperatures, and ocean acidification—will persist for centuries [2, pp. 149-181].

The Republic of Azerbaijan also approaches climate issues with serious consideration. As a logical continuation of this, in 1995, the National Assembly of the Republic of Azerbaijan ratified the United Nations Framework Convention on Climate Change (UNFCCC). As a full-fledged party to the Convention, not included in the Annex I group, Azerbaijan has undertaken obligations under the UNFCCC to prepare and regularly update a greenhouse gas emissions inventory, as well as to compile and submit national communications. These obligations have been systematically fulfilled. The Republic of Azerbaijan approved the Kyoto Protocol to the Convention in 2000. The Doha Amendment, which was adopted for the second commitment period of the Kyoto Protocol, was ratified by the National Assembly of the Republic of Azerbaijan on April 14, 2015, and signed by the President of the country.

The Republic of Azerbaijan is one of the countries most affected by environmental issues. During the 30-year occupation, the natural resources of the Karabakh region were ruthlessly plundered by the Republic of Armenia, causing significant ecological damage to the environment.

Since 1988, the war initiated against Azerbaijan by Armenians and their supporting forces, along with the nearly 30 years of occupation, resulted in the destruction of cities and villages, the genocide of the civilian population, and the devastation of the region's flora and fauna. As the military conflict and war were fought solely on the territory of the Republic of Azerbaijan, the atmosphere, water sources, and soil were subjected to biological, chemical, and physical contamination. Armenia inflicted irreparable damage to the natural resources and environment of the occupied territories, causing extensive and lasting harm [3, pp. 142-143].

For nearly 30 years, Armenia caused irreparable damage to the natural resources and environment of the occupied territories. The natural resources of these areas were illegally exploited and plundered by various companies under the patronage of the occupying state. This destruction severely disrupted the ecological balance in the

region. Armenian armed forces looted the settlements, destroyed homes, and completely dismantled essential infrastructure such as water, electricity, gas, and other communication networks. Nationally significant railway lines were dismantled and rendered unusable. As a result, the Azerbaijani territories that were subjected to ecological terrorism by Armenia turned into a regional ecological disaster zone.

During the occupation, Armenia violated international legal norms and laws regarding the protection of the natural environment in the occupied territories. Monitoring conducted after the liberation of these areas revealed extensive plundering of natural resources, including the illegal logging of centuries-old valuable trees in forests. Armenian military personnel and equipment were used for transporting the harvested timber. In areas such as the Kazakh region, the Murov mountain range, and the forests near Talish, Gulustan, and Baranbart in the Agdara direction, hundreds of hectares of forests, including walnut, mastic, juniper, pine, and oak trees, were cut down and transported to Armenia. These activities were directly overseen by the military personnel of the occupying forces.

The deployment of military units and equipment in combat positions, the construction of engineering fortifications, the creation of access roads, and earthworks led to the destruction of trees, shrubs, and the burning of pastures. These actions caused significant harm to the flora and fauna of the region. The activities carried out by the occupying forces in these areas should be regarded as acts of ecological terrorism, resulting in the devastation of Azerbaijan's natural environment [4, pp. 3-6].

For nearly 30 years, Armenia not only turned the cities and villages of the occupied territories into ruins and destroyed cultural monuments, but also severely exploited Azerbaijan's underground and surface resources. During this period, Armenia looted mineral water sources, forest reserves (covering 246,217 hectares), 152 state nature monuments, 5 geological sites, and 155 types of mineral deposits. In regions such as Zangilan, Aghdam, Kalbajar, Gubadly, and others, valuable tree species were destroyed for profit and sold abroad as semi-finished products. Notably, in the final years of the occupation, Armenia's forestry production increased tenfold with the help of companies from Western countries, clearly at the expense of Azerbaijani forests. The destruction of unique ecosystems, including dense forests of oak, juniper, walnut, pine, and beech over more than 8,000 hectares,

dealt a heavy blow to endemic biodiversity. By doing so, Armenia violated numerous international environmental conventions, including the United Nations Convention on the Prohibition of Military or Hostile Use of Environmental Modification Techniques.

The Karabakh forests, rich in rare and valuable trees, were ruthlessly logged and transported abroad. This destruction not only wiped out trees but also drove away birds and animals accustomed to the area's lush greenery, disrupting the natural balance and leading to soil erosion. Despite repeated alarms raised by Azerbaijan and appeals to international organizations regarding the environmental terrorism committed by Armenian forces, these efforts yielded little result.

A particularly egregious example of environmental terrorism was the destruction of protected areas. Approximately 43,000 hectares of specially protected areas, including Basitchay and Karagol State Nature Reserves, and Arazboyu, Lachin, Gubadly, and Dashalti State Nature Sanctuaries, were home to 24 fauna and 69 flora species listed in Azerbaijan's Red Book, most of which have now been destroyed. Starting in 1999, Armenia also carried out deliberate arson in the occupied territories, causing widespread destruction to soil layers and the flora and fauna. In 2006, 63,414 hectares, in 2007, 31,097 hectares, and in subsequent years, more land was set ablaze by Armenian forces.

Additionally, in Basitchay and Karagol State Nature Reserves, along with Lachin, Dashalti, and Arazboyu sanctuaries, where biodiversity conservation was left unattended, Armenia's military-political regime severely exploited flora and fauna. In the Basitchay Reserve, 107 hectares of Eastern plane trees, a rare natural treasure included in Azerbaijan's Red Book, were destroyed. The vegetation of Karagol Reserve in Lachin, located at 2,650-2,700 meters above sea level, was damaged by uncontrolled grazing, while mammals like deer, wild goats, and wild boar, as well as birds like partridges and quail, were wiped out in the Lachin State Nature Sanctuary.

The Dashalti State Nature Sanctuary, once known for its beautiful landscapes and historical monuments around Shusha, was devastated, with severe damage inflicted on its rich forests and grasslands. Similarly, the Arazboyu State Nature Sanctuary, created to protect and restore Tugay forests, became another victim of Armenian fascism. The destruction of Topkhana forest using banned white phosphorus, the logging and burning of forests in

Kalbajar, and the deliberate environmental damage all constitute severe crimes against nature.

These acts of barbarism and ecological terror are evident in numerous photos and videos, and the environmental crimes committed were further documented through satellite images obtained over the years from "Azercosmos." [5].

The mismanagement of the Soyudlu-Zod gold deposit, located in the Kalbajar region and in the Tartar River basin, has caused significant pollution of the river and damage to drinking water resources. During gold extraction from this deposit, the waters of the Tartar River were contaminated with heavy metals and toxic substances. Similar pollution has been observed in other rivers as well. For instance, the Bazarchay and Okhchuchay rivers, which flow through the Zangilan region and originate in Armenia, have also been poisoned with heavy metals and toxic chemicals.

Several lakes of ecological significance in the occupied territories of Azerbaijan, such as Boyuk Alagol, Kichik Alagol, Zalxagol, Karagol, Janligol, Ishigli Karagol in the highlands of Kalbajar and Lachin, as well as the freshwater resources in the Tartar district (specifically Toragaychay, a tributary of the Tartar River), were also subject to considerable anthropogenic impact. The Sarsang Reservoir, which has a total capacity of 560 million cubic meters and a dam height of 125 meters, was constructed on the Tartar River in 1976. Prior to the occupation, it provided irrigation water for 79,000 hectares of farmland. However, the fate of this reservoir has been under constant threat. The occupying forces frequently altered its operational schedule, halting the release of water during the summer months and excessively releasing it during the winter. As a result, the agriculture of seven districts was severely damaged.

Armenia's military aggression against Azerbaijan not only violated human rights and numerous international legal norms but also caused unprecedented environmental terror, leading to the large-scale and long-term plunder of natural resources. Over the nearly 30-year occupation, serious ecological damage was inflicted upon the environment, biodiversity, and water bodies in the historic lands of Azerbaijan. Rare natural treasures included in Azerbaijan's "Red Book" and the International Union for Conservation of Nature (IUCN) Red List were destroyed, and significant harm was done to the country's flora and fauna. The physical and chemical pollution of the

environment led to a broader disruption of ecological balance across the region [6, pp. 182-184].

To put an end to the destruction of nature and the expression of hatred and enmity towards Azerbaijanis in such a savage manner, it has been decided to invite international monitoring and assessment groups to Azerbaijan to calculate the damages. Efforts are ongoing to assess the facts of ecological terror. On September 22-23, 2021, during an online seminar organized by the Armed Forces of the Republic of Lithuania on "Environmental Protection within the Eastern Partnership," military ecological specialists from the Medical Department participated. They provided extensive information based on facts regarding the ecological terrorist acts carried out by Armenia against Azerbaijan, emphasizing that Armenia is an ecological terrorist state posing a danger not only to the South Caucasus region but to all humanity. [7].

The report from the Ministry of Foreign Affairs mentions the company "Max Wood Ltd.," which is registered in Armenia and founded by the Armenian Mger Bagratyan and the Spanish Enrike Viver Kamin, which is engaged in the illegal cutting and sale of trees in the occupied territories. Kamin conducted operations to dry wood in the village of Koxb in the Tavush province of Armenia in 2000, resulting in significant damage to the environment in the region due to the destruction of valuable tree species. Kamin, who has unpaid debts to Armenia's Forest Development Service, successfully moved his business to the then-occupied territories of Azerbaijan amid local protests. The report from the Ministry of Foreign Affairs cites Arutyun Pambukyan, a member of parliament from the ruling Republican Party of Armenia at that time, who confirmed that "Max Wood Ltd." obtained unprecedented agreements with several well-known European companies, such as "Beretta" and "Browning," to send them wooden parts made from walnut tree roots for hunting rifles with his and his friends' direct support.

For example, in the December 2019 issue of the "Hetzq" publication, it was noted that during the period from 2014 to 2018, the amount of forest cut down in the unrecognized and fictitious "NKR" territory was 2.3 times greater than in Armenia (175.3 thousand cubic meters in Armenia and 404.8 thousand cubic meters in Nagorno-Karabakh). In 2017 alone, 102,488 cubic meters of forest were cut down in Karabakh. In November 2018, "Hetzq" reported that during the period from 2012 to 2016, the

volume of forest destruction in Karabakh was also 2.3 times higher than that in Armenia

Azerbaijani officials and state structures have repeatedly declared that white phosphorus munitions have been used by Armenian armed forces. This substance not only causes poisoning and leaves dangerous burn marks but also leads to fires that are difficult to extinguish. Phosphorus munitions are one of the most dangerous types of weapons used to set fire to enemy territory. During the war, the Azerbaijan National Agency for Mine Action (ANAMA) repeatedly recorded facts of such munitions being discovered along the frontline [8].

The use of phosphorus munitions against the civilian population, civilian objects, and forests is prohibited by the III Protocol of the 1980 "Convention on Certain Conventional Weapons" as well as the 1949 Geneva Convention for the Protection of War Victims and its additional protocols from 1977.

Pollution and Appropriation of the Region's Water Sources. Most of the rivers flowing through Azerbaijani territory originate either from Armenia or Karabakh. These water sources are polluted by waste of various origins. According to the Ministry of Ecology and Natural Resources of the Republic of Azerbaijan, the prolonged pollution of the Aras River has led to the extinction and decline of valuable fish species.

The lack of control over the previously occupied territories of Azerbaijan for nearly 30 years has also created difficulties in fulfilling the obligations undertaken under international conventions. The Ministry of Ecology and Natural Resources states that Armenia's failure to join the UN Convention on the "Protection and Use of Transboundary Watercourses and International Lakes" makes it impossible to resolve transboundary water issues within international norms.

Seven ecologically significant relict lakes located in the previously occupied territories of Azerbaijan are under significant anthropogenic impact. According to the Ministry of Ecology and Natural Resources, freshwater resources such as the Great Alagh, Small Alagh, Zalxagh, Qaragh, Canligh, Işılıq Qaragh located in the highlands of the Kalbajar and Lachin regions, as well as Qaragh in the Agdere region (Torağacay - Tartar river) are under occupation.

A network of irrigation canals stretching 6,4261 km, 185 km of collector and drainage canals, 1,429 artesian wells, 539 hydraulic engineering facilities, 220 hydropower plants, 88 pumping stations, as well as 8

reservoirs with a total volume of 640 million m³ have been under occupation for many years.

The intentional release of 85-90% of the annual water flow from the Sərsəng reservoir during the winter months, a time when the water is not particularly needed, leads to flooding of villages located downstream in Azerbaijan. In contrast, during the summer months, when water consumption is significantly high, only 10-15% of the annual norm is released. This results in a severe water shortage in villages downstream, creating major problems for irrigation. Consequently, agriculture suffers, and ecological tension arises.

Taking these facts into account, in 2016, the Parliamentary Assembly of the Council of Europe (PACE) adopted Resolution No. 2085 on the intentional deprivation of water for the residents of Azerbaijan's border areas in the Lower Karabakh valley. In light of the seriousness of this humanitarian issue, the resolution demands that the Armenian authorities cease the use of water resources as a tool for political pressure and also ensure that independent hydrologist-engineers are allowed access to the region to conduct research.

The report from the Ministry of Foreign Affairs states that during the occupation, the exploitation of natural resources in Karabakh not only caused economic damage but also created serious ecological risks, as illegal "licenses" for the exploitation of deposits were granted to companies with poor ecological reputations in Armenia that transferred their predatory practices to projects in Karabakh.

The mining industry typically leads to the formation of highly polluted waste pools that require special cleaning. According to data presented in the 2016 report, during that time, the waste pools in the Karabakh region contained millions of tons of waste filled with heavy metals and other hazardous substances. More specifically, there are three waste pools located near the ore deposit in the village of Heyvali (which the Armenians call "Drmbon").

The illegal exploitation of the subsoil in the Karabakh region has also been reflected in satellite images from the State Company "AzerCosmos [9].

Bibliography:

Dauvergne Peter, "Globalization and the environment", J.Ravenhill (ed), Global Political Economy, 2005 Oxford: Oxford University Press, p. 370-373.

2. Richard Smith, An ecosocialist path to limiting global temperature rise to 1.5°C, Economics and Ecosystem, University of West England, Bristol, November 2019, p 149-181
3. "Materials of the Ministry of Ecology and Natural Resources of the Republic of Azerbaijan." Baku, 2011. P. 142-143.
4. Abbasov E, "Global Warming Disrupts Ecological Balance," 2014, Xalq Newspaper, March 30, pp. 3-6
5. Qarabağda ekosid
<https://story.karabakh.center/az/qarabagda-ekosid> (date of application 06.10.2024. 15:24)
6. T. Khalilov, M. Zeynalova (2014), "Global Ecological Problems," Baku - MBM, 212 pages. pp. 182-184.
7. İşgaldan azad olunmuş ərazilərdə aparılan ekoloji monitorinqlərin nəticələri: minillik qədim ağaclar məhv edilib <https://eco.gov.az/az/nazirlik/xeber?newsID=11608> (date of application 06.10.2024. 15:30)
8. İşgal olunan ərazilərimizdə Ermənistanın ekoloji terroru və ətraf təbii mühit <https://mod.gov.az/az/pre/38440.html> (date of application 06.10.2024. 15:35)
9. XİN və “Azərkosmos” ASC ermənilərin Qarabağda qeyri-qanuni fəaliyyətilə bağlı birgə açıqlama yayıb <https://report.az/qarabag/xi-n-ve-azerkosmos-asc-ermenilerin-qarabagda-qeyri-qanuni-fealiyyetile-bagli-birge-aciqlama-yayib/> (date of application 06.10.2024. 15:42)

Khan HASANLI (Azerbaijan),
master student of international relations and diplomacy
at the Academy of Public Administration under
the President of the Republic of Azerbaijan

THE ECOLOGICAL SITUATION IN THE LIBERATED TERRITORIES OF AZERBAIJAN WITHIN THE FRAMEWORK OF GLOBAL CLIMATE SECURITY

Summary. The examples given above and the analyzes we conducted, we observed how serious environmental problems caused by the improper use of natural resources by Armenians in the occupied territories of the Republic of Azerbaijan. The aggressive policy of Armenia causes great damage to the environment and ecology. Currently, there are up to 500 international agreements on various aspects of environmental protection, and as a result of Armenia's armed aggression and plundering of our natural resources, which grossly violates the provisions of these agreements, the environment and ecology of the Republic of Azerbaijan and the amount of economic and environmental damage caused to natural resources is two hundred forty four billion four hundred and twenty million US dollars according to the preliminary assessment.

Also, Armenia's aggression has affected the volume of GDP (Gross Domestic Product). Thus, before the occupation, 14.3% of grain, 31.5% of grapes, 14.5% of meat, 17.1% of milk, 19.3% of wool and 17% of the cocoon belonged to the occupied regions. Ecologically clean and high-quality agricultural products were grown in these areas. 70% of Azerbaijan's summer pastures remained in the occupation zone. This has also shown its negative impact of pastoralism.

As we know, the Republic of Azerbaijan will soon host COP29, one of the prestigious international conferences. It is important to hold this event in Azerbaijan. Thus, this is an indicator of the increasing influence of the Republic of Azerbaijan in the international arena.

Hundreds of heads of state, journalists, non-governmental organizations and other guests from different countries of the world will participate in the upcoming conference. One of the main topics of discussion at the conference will be the environmental situation in the territories freed from occupation and the environmental crimes committed by the Republic of Armenia will be communicated to the international community.

Keywords: COP29, environmental terrorism, environmental disaster, environmental security, forest fires.

Хан ГАСАНЛИ (Азербайджан),
магистрант кафедры Международных отношений и дипломатии
Академии Государственного Управления
при Президенте Азербайджанской Республики

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА ОСВОБОЖДЕННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ АЗЕРБАЙДЖАНА В РАМКАХ ГЛОБАЛЬНОЙ КЛИМАТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Резюме. На приведенных ниже примерах и в проведенных нами анализах мы увидели, насколько серьезные экологические проблемы вызваны ненадлежащим использованием природных ресурсов армянами на оккупированных территориях Азербайджанской Республики. Агрессивная политика Республики Армения наносит большой ущерб окружающей среде и экологическому благополучию. В настоящее время существует до 500 международных соглашений по различным аспектам охраны окружающей среды, и в результате вооруженной агрессии Республики Армения и разграбления наших природных ресурсов, что грубо нарушает положения этих соглашений, пострадала окружающая среда и экология Азербайджанской Республики, а также размер экономического и экологического ущерба, причиненного нашей стране. По предварительной оценке, природные ресурсы составляют двести сорок четыре миллиарда четыреста двадцать миллионов долларов США.

Кроме того, агрессия Республики Армения повлияла на объем ВВП. Таким образом, до оккупации 14,3% зерна, 31,5% винограда, 14,5% мяса, 17,1% молока, 19,3% шерсти и 17% кокона принадлежали оккупированным регионам. На этих территориях выращивалась экологически чистая и высококачественная сельскохозяйственная продукция. 70% летних пастбищ Азербайджана оставались в зоне оккупации. Это также свидетельствует о негативном влиянии скотоводства.

Как мы знаем, в скором времени в Азербайджанской Республике состоится COP29, одна из престижных международных конференций. Важно провести это мероприятие в Азербайджане. Таким образом, это является показателем растущего влияния Азербайджанской Республики на международной арене.

В предстоящей конференции примут участие сотни глав государств, журналистов, представителей неправительственных организаций и других гостей из разных стран мира. Одной из главных тем обсуждения на конференции станет экологическая ситуация на территориях, освобожденных от оккупации, и международное сообщество будет проинформировано об экологических преступлениях, совершенных Республикой Армения.

Ключевые слова: COP29, экологический терроризм, экологическая катастрофа, экологическая безопасность, лесные пожары.

Порядок публикации и требования к оформлению статей международного научного журнала «Право и политология»

Для опубликования статьи в журнале необходимо отправить на электронную почту журнала публикуемые материалы. В конце текста статьи необходимо указывать электронный адрес автора (авторов). Публикации в журнале подлежат только оригинальные статьи, ранее не публиковавшиеся в других изданиях.

Объем публикуемых материалов должен быть от 8 до 15 страниц (Times New Roman, 14 шрифт, 1,5 интервала, верхнее, нижнее, правое и левое поля должны быть 2 см)

Публикуемые в журнале статьи состоят из следующих элементов:

- сведения об авторе (соавторов), включающие в себя: Ф.И.О. автора (соавторов), ученая степень автора (соавторов), место работы или учебы автора (соавторов), должность автора (соавторов);
- электронный адрес и телефон автора (соавторов);
- краткая аннотация статьи (500-580 зн.), дающая общую характеристику работе (на русском и английском языках);
- ключевые слова (не менее 10 слов);
- основной материал (текст) статьи;
- список использованной литературы.

Оформление сносок сквозное: в тексте указывается номер и страница научного источника (в квадратных скобках). Список литературы публикуется в конце, в порядке цитирования, согласно нижеуказанному примеру:

1. Алиев Н.Г. Армянская экспансия и международные договоры по Южному Кавказу в XX-XX вв. (Историко-правовое исследование). – Киев: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2021. – 184 с.
2. Алмонд, Г. А., Верба, С. Гражданская культура и стабильность демократии. – Полис, 1992, № 4, с. 122-134.
3. Об утверждении Стратегии социальной интеграции лиц с ограниченными возможностями (2010-2013 гг.). Закон Республики Молдова № 169 от 9 июля 2010 г. – Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2010, 12 октября, № 200-201, ст. 660.
4. Речь Президента Ильхама Алиева на политическом брифинге на тему «Европейский Союз и Азербайджан – новые способы сотрудничества», состоявшемся 19 мая 2004 года. – Азербайджан, 2004, 22 мая.
5. Makili-Aliyev, Kamal. Contested Territories and International Law. A Comparative Study of the Nagorno-Karabakh Conflict and the Aland Islands Precedent. – London & New York: Routledge, 2019. – 114 pp.
6. Осакская декларация по развитию туризма. – www.world-tourism.org.
7. В электронных источниках является обязательным указание даты доступа (обращения). Израиль ведет кибервойну против Ирана? – http://aze.az/news_izrail_vedet_kibervoynu_57001.html (29.04.2011 16:08).

Статьи, предлагаемые к публикации в журнале, проходят обязательное рецензирование.

Решение о публикации статьи в журнале принимается главным редактором журнала.

The order of publication and requirements for the design of articles of the scientific journal "Law and Politology"

To publish an article in the scientific journal "Law and Politology", the author should submit the materials in electronic form to the editorial office of the journal. Only original articles that have not been previously published in other publications are subject to publication in the journal.

The volume of published materials should be from 8 to 15 pages (Times New Roman, 14 font, 1.5 spacing, upper, lower, right and left margins should be 2 cm).

Articles published in the journal consist of the following elements:

- information about the author (co-authors), including: Full name of the author (co-authors), academic degree of the author (co-authors), place of work or study of the author (co-authors), position of the author (co-authors);
- e-mail address and phone number of the author (co-authors);
- a brief abstract of the article (500-580 pages), giving a general description of the work (in Russian and English);
- keywords (at least 10 words);
- the main material (text) of the article;
- list of references.

The design of footnotes is end-to-end: the number and page of the scientific source are indicated in the text (in square brackets). The list of references is published at the end, in the order of citation, according to the example below:

1. Aliyev N.G. Armenian expansion and international treaties on the South Caucasus in the XX-XX centuries. (Historical and legal research). – Kiev: Dmitry Burago Publishing House, 2021. – 184 p.
2. Almond, G. A., Verba, S. Civic culture and the stability of democracy. - Polis, 1992, No. 4, p. 122-134.
3. On the approval of the Strategy for the Social Integration of Persons with Disabilities (2010-2013). Law of the Republic of Moldova No. 169 of July 9, 2010 - Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2010, October 12, No. 200-201, p. 660.
4. Speech by President Ilham Aliyev at a political briefing on the theme "European Union and Azerbaijan - new ways of cooperation", held on May 19, 2004. - Azerbaijan, 2004, May 22.
5. Makili-Aliyev, Kamal. Contested Territories and International Law. A Comparative Study of the Nagorno-Karabakh Conflict and the Aland Islands Precedent. – London & New York: Routledge, 2019. – 114 pp.
6. Osaka Declaration on Tourism Development. – www.world-tourism.org.
7. In electronic sources, it is mandatory to indicate the date of access (reference). Is Israel waging a cyberwar against Iran? – http://aze.az/news_izrail_vedet_kibervoynu_57001.html (29.04.2011 16:08).

Articles proposed for publication in the journal undergo mandatory peer review. The decision to publish an article in the journal is made by the co-chairs of the editorial board of the journal.